

ДРЕВНИЙ
Досток

Ереван 1978

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀԻՆ ԱՐԵՎԵԼՔ

3

9(М)03
2-73

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1978

Очередной выпуск сборника включает статьи советских и зарубежных исследователей по историко-филологическим вопросам, касающиеся стран и народов древней Передней Азии. Особое внимание уделено обществам Армянского нагорья и прилегающих областей, в частности малонисследованным вопросам хурритологии.

Редакционная коллегия:
Н. В. АРУТЮНЯН, И. М. ДЬЯКОНОВ,
Г. Х. САРКИСЯН

Г. М. АВЕТИСЯН

ХУРРИТЫ НА РУБЕЖАХ МАЛОЙ АЗИИ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ МОГУЩЕСТВА МИТАННИ

Для изучения политической истории государства Митанни важное значение имеют сведения о хурритских племенах, которые довольно слабо представлены в древневосточных письменных источниках. В научной литературе предполагается, что первоначальным местопребыванием хурритов было Армянское нагорье¹, откуда в дальнейшем они расселились по обширной территории вплоть до Каппадокии, Киликии, Северного Двуречья, Сирии и Палестины.

Месопотамские источники, в том числе и надпись Тишари, царя Уркиша, на хурритском языке, свидетельствуют о существовании хурритов в Северной Месопотамии уже во второй половине III тыс. до н. э.² Значительное количество хурритских имен встречается в текстах VII слоя Алалаха (XIX и XVIII вв. до н. э.)³, а также в текстах примерно того же времени из Канеша и Мари⁴.

¹ И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 13—23.

² А. Ungnad, Subartu, Berlin—Leipzig, 1936, стр. 142—143; I. J. Gelb, New Light on Hurrians and Subartians, „Studi orientalistici in onore di Giorgio Levi della Vida“, 1956, vol. I, № 52, стр. 380—383 (3—6); И. М. Дьяконов, Арийцы на Ближнем Востоке; конец мифа, ВДИ, 1970, № 4, стр. 43, где и указано, что первоначальными центрами культа хурритских божеств считались Уркиш около Мардина (центр почитания бога Кумарве), Ниневия (центр почитания Иштар), Кумме, в долине Верхнего Заба (центр почитания бога Тешшоба). Надпись: Тишари см. И. М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 443.

³ I. J. Gelb, The Early History of the West Semitic Peoples, JCS, 1961, vol. XV, № 1, стр. 40; И. М. Дьяконов, ВДИ, 1970, № 4, стр. 43.

⁴ И. М. Дьяконов, ВДИ, 1970, № 4, стр. 43.

В документах первой половины II тыс. до н. э. упоминаются довольно сильные хурритские политические объединения в долине Хабура (Тель-Халаф и др.)⁵, а на территории к западу от Евфрата появляются не только хурритские этнические группы, но и ряд городов, которыми правили хурритские по происхождению цари, так, например в Хассуве⁶—Анишхурби, в Уршу⁷—Шеннам, в Ма'ме⁸—Анум-Хирве⁹.

Однако влияние хурритов постепенно уменьшается по мере усиления Хеттского государства, особенно в период правления царя Хаттусили I, который с момента своего вступления на престол стремился к завоеванию Северной Сирии, где существовало одно из могущественных царств Ближнего Востока той эпохи—Ямхад (Халеб)¹⁰, а также территории, лежавшей в Малой Азии

⁵ *C. J. Gadd*, *Tablets from Chagar Bazar and Tell Brak, Iraq*, 1940, VII, стр. 22—66.

⁶ Надо сказать, что все боги Хассувы были по происхождению хурритскими: *A. Goetze*, *JCS*, 1962, vol. XVI, № 1, стр. 28. О местоположении страны Хассува подробно говорится ниже.

⁷ По данным хеттских документов город Уршу (Хеттек. Варсува) находился к западу от Евфрата, на севере Сирии.

⁸ Ма'ма была расположена в районе к юго-востоку от Канеша: *Г. Г. Гиоргадзе*, Хетты и хурриты по древнехеттским текстам, ВДИ, 1969, № 1, стр. 76.

⁹ *G. Dossin*, *Les archives économiques du Palais de Mari*, „Syria“, 1939, том 20, стр. 109; *Г. Г. Гиоргадзе*, ВДИ, 1969, № 1, стр. 72, 76—77, где упоминается, что хурритский элемент засвидетельствован в городе Улме и в Хурме (Хурме-Хурумме находился по соседству с Лаванцантней и Куммани, а Куммани—это Комана Катаовская на реке Сарус, или Сарыс-су). См. также *И. М. Дьяконов*, ВДИ, 1970, № 4, стр. 44, прим. 25; *H. Klengel*, *Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z.*, Berlin, 1970, том 3, стр. 162. О Куммани см. *J. Garstang and O. R. Gurney*, *The Geography of the Hittite Empire*, 1959, стр. 51—52.

¹⁰ Еще со времени правления Ярим-Лима I (современник Хаммурапи, царя Вавилона) Ямхад был великим царством, которому подчинялся ряд других царств, в том числе и Мукише (Алалах): W[a-a]r-ki la-ri-im-li-im awel la-am-
-h[a-a]d^(K1) 20 šarrānu i-la-ku: „За Ярим-Лиму, человеком Ямхада, 20 царей следуют“. *G. Dossin*, *Les archives épistolaires du Palais de Mari*, „Syria“, 1938, том XIX, стр. 117; *D. J. Wiseman*, *The Alalakh Tablets*, London, 1953, стр. 33, № 6.

к юго-востоку от Хеттского царства и находившейся под влиянием хурритов.

В первом году своего царствования Хаттусили совершил походы в соседние районы, покорил Шанахунтту и Цалпу (акк. Залбар), а на следующий год вторгся в страну Мукнише (Алалах) на нижнем течении Оронта, ниже озер, существовавших тогда перед поворотом реки к морю. Сам Хаттусили говорил о завоевании и уничтожении им этой страны¹¹. Однако это сообщение Хаттусили расходится с данными документов, из которых известно, что вслед за Амитакумом—современником Хаттусили—в Алалахе еще правили Хаммурапи и Иркабтум¹².

Существует мнение, что разрушение Алалаха (VII слоя) произошло при царе Иркабтуме во время похода Мурсили I на Халеп и Вавилон¹³. Если исходить из этого предположения, можно думать, что поход Хаттусили в Алалах носил только грабительский характер и, после непродолжительного пребывания в городе, Хаттусили отправился в Уршу. Не осмеливаясь сразу напасть на хорошо укрепленный город, он сначала захватил ближайшие области Игагалиш и Тишхинию и, таким образом укрепив свое положение, приступил к борьбе против Уршу¹⁴. После захвата Уршу хеттский царь вторгся в горы страны Хассува, откуда, по данным текста об «осаде Уршу», вынес большой таран¹⁵. По-видимому, это был грабительский набег на границы Хассувы при возвращении хеттского войска в свою страну.

¹¹ *F. Imparati*, L'autobiografia di Hattušili I (redazione ittita), *Cl. Saporetti* (versione accadica) *SCO*, 1965, vol. XIV, стр. 44, стк. 15—16; стр. 77, стк. 6—7.

¹² *Г. Г. Гуоргадзе*, Борьба хеттов за Северную Сирию в период Древнего царства, *ВДИ*, 1964, № 1, стр. 12.

¹³ *B. Landsberger*, Assyrische Königsliste und „Dunkles Zeitalter“, *JCS*, 1954, vol. VIII, № 1, 2, 3, стр. 53; *A. Goetze*, On the chronology of the Second Millennium B. C., *JCS*, 1957, vol. XI, № 3, стр. 70; *Г. Г. Гуоргадзе*, *ВДИ*, 1964, № 1, стр. 12.

¹⁴ *F. Imparati*, *Cl. Saporetti*, *SCO*, 1965, vol. XIV, стр. 44, стк. 16—19; стр. 77, стк. 7—9.

¹⁵ *H. Günterbock*, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200, *ZA*, 1938, Bd. 10(44), № 1—2, стр.

116 (^{G1Š} ašuppu/ašibu) „таран“, см. *CAD*, II, 1968, стр. 428). *Г. Г. Гуоргадзе*, *ВДИ*, 1964, № 1, стр. 13.

На следующий год Хаттусили совершил очередной поход, на этот раз в страну Арцавы (к юго-западу от государства хеттов). В то же время хурриты начали нападать на страну Хатти. Эти события нам известны из следующего отрывка билингвы Хаттусили I.

Из хеттского текста:

24. EGIR-az-ja-za-ma-mu-kán LÚKÜR ŠA URUḪur-ri KUR-e an-da ú-it
25. nu-mu KUR.KUR^{MEŠ} ḫu-u-ma-an-da me-na-aḫ-ḫa-an-da ku-ru-ri-aḫ-ḫi-ir
26. na-aš-ta URUḪa-at-tu-ša-aš-pat URU-ri-aš I-aš a-aš-ta
27. LUGAL.GAL Ta-ba-ar-na-aš NA-RA-AM DUTU URUA-ri-in-na
28. nu-mu-za-kán^D [...]
29. nu-mu [(ŠU). nu]-mu MÈ-ia pí-ra-an 30. ḫu-u-wa-a-iš¹⁶
24. «Однако позади меня враг—Хурри в страну пришел,
25. и против меня все страны стали враждовать,
26. и лишь город Хаттуса, единственный город, остался (верным мне).
27. Великий царь Табарна, любимец богини Солнца города Аринны,
28. и мне богиня [Солнца из города Аринна...].
29. и мне [(меня?)... и] мне она в бою
30. помогла».

Из аккадского варианта:

11. Û EGER-ja a-n[a] KUR-ti-ia LÚKÜR KURḪa-ni-kal-bat i-te-ru-ub
12. KUR^{ḪI.A} ka-lu-šu-nu it-ti-ja it-ta-ak-ru URU-lum
URUKÙ.BABBAR-ti I-en ir-te-ḫa
13. LUGAL GAL Ta-ba-ar-na na-ra-am DUTU a-na sú-ú-ni-šu iš-ku-un-šu.¹⁷
11. «Однако позади меня враг—Ханигальбат в мою страну вошел,

¹⁶ F. Imparati, SCO, 1965, vol. XIV, стр. 46.

¹⁷ Cl. Saporetti, SCO, 1965, vol. XIV, стр. 77 (-šu м. р. вместо -ša ж. р.—хеттизм?).

12. (и) против меня все страны стали враждовать, лишь город Хаттуса, единственный, остался (верным).
13. Великий царь Табарна, любимец богини Солнца, на лоно свое он(а) положил(а) его».

В нападении на страну Хатти, вместе с хурритами, как показывают представленные выше тексты, участвовали и все мелкие царства Малой Азии, враждебно настроенные против Хаттусили. Объединенные войска хурритов и их союзников доходили до города Хаттусы. Хаттусили, узнав о событиях, происходящих в его стране, возвратился из Арцавы и изгнал из своего государства хурритов и их союзников, преследуя врагов до Неннасы¹⁸, Уллумы (Улма) и Салахсувы¹⁹. Прекратив преследование только из-за наступления зимы, Хаттусили вернулся в Хатти²⁰, как следует из его анналов, но не в старую столицу Куссар, а именно в Хаттусу— «Я в город Хаттусу, в мой город возвратился»: поэтому предполагается, что именно в это время Хаттусили переменял столицу своего государства²¹.

Привлекает большое внимание тот факт, что упоминаемая в хеттском тексте страна Хурри в аккадском называется Ханигальбат. Если термин Хурри нередко применяется и в более широком смысле, то во всех других известных нам аккадских текстах Ханигальбат никогда не означает ничего, кроме государства Митанни. Так, в своем хурритском письме египетскому фараону Тушратта, царь Митанни называет свою страну «хурритской»²², а в то же время

¹⁸ Неннасса находилась к югу от среднего течения р. Галис: *A. Goetze*, JCS, 1962, vol. XVI, № 1, стр. 27.

¹⁹ Уллумма и Салахсува находились между Канешом и Евфратом: *A. Goetze*, JCS, 1962, vol. XVI, № 1, стр. 27, *Г. Г. Гиоргадзе*, ВДИ, 1969, I, стр. 76, прим. 40.

²⁰ *O. R. Gurney*, *Anatolia*, с. 1750—1690, САН, 1962, vol. II, chap. VI, стр. 17.

²¹ *Г. Г. Гиоргадзе*, ВДИ, 1969, I, стр. 74. Отметим, что «Хаттусили» есть, собственно, прозвище «Хаттусский», и настоящее имя царя, возможно, было Таб/парна.

²² *J. A. Knudtson*, *Die El-Amarna Tafeln*, Leipzig, 1915; *S. A. B. Mercer*, *Teil El-Amarna Tablets*, Toronto, 1939 (далее EA, № 24; I—11, 14, 19; II—68, 72; III—6, 113).

в одном случае (в письме, написанном по-хурритски) себя называет царем Хурри: ^mDu-uš-rat-[ta-an] ^{KUR}Hur-wu-u-ḫé e-we-er-ni „Тушратта, царь Хурри“²³, но в другом случае—царем Митанни—^mDu-uš-rat-ta-a-we ^{KUR}M[i]-i-it-ta-a-an-ni-e-we ew-ri-i-we „Тушратте, царю Митанни“²⁴. В Тель-Амарьской переписке на аккадском языке Тушратта обычно представляется как царь страны Митанни—^mDu-uš-rat-ta LUGAL GAL LUGAL ^{KUR}Mi-ta-an-ni „Тушратта, царь великий, царь страны Митанни“, но в этих же текстах он часто называет свою страну Ханигальбатом²⁵. В то же время указывается на тождественность Ханигальбата и Митанни в тексте «договора Мурсили II и Талми-Шаррумы, царя Халеба»²⁶.

Следовательно, приведенные факты свидетельствуют об идентичности терминов «Митанни», «Ханигальбат» и «Хурри», хотя последний термин имеет и более широкое значение²⁷. В анналах Хаттусили I²⁸ мы встречаем первое упоминание как Хурри в хеттских документах, так и Ханигальбата—в аккадском тексте, хотя и происходящем из хеттского архива. Однако А. Гётце предполагает, что дошедшие до нас хеттский и аккадский тексты не являются оригиналом. Он считает их переложением (в случае хеттского текста) и переводом (в случае аккадского) с более раннего хеттского варианта²⁹.

И. М. Дьяконов, присутствовавший на VII Международной встрече ассириологов в Париже (23—26 июня, 1958 г.), где Х. Оттен впервые выступил с докладом, посвященным анналам Хат-

²³ EA, № 24, IV—127.

²⁴ EA, № 24, III—103—104.

²⁵ EA, № 18, 9; № 20, 17; № 29, 49.

²⁶ E. F. Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien, Leipzig, 1923, стр. 82; H. Klengel, Ein neues Fragment zur historischen Einleitung des Talmi-Šaruma-Vertrages, ZA, 1964, Band 22 (56), стр. 214.

²⁷ И. М. Дьяконов, ВДИ, 1970, № 4, стр. 60.

²⁸ См. прим. 16, 17.

²⁹ A. Goetze, JCS, 1962, vol. XVI, № I, стр. 24, 26, где и отмечено, что хеттский и аккадский тексты отличаются, при этом он заметил, что в аккадском тексте имеются ошибки.

тусили I, так излагает сделанные докладчиком выводы: «На лицевой стороне аккадской версии текст написан знаками в их хеттской форме. По-видимому, затем учитель указал ученику на неуместность поздних форм знаков для древнего текста, и дальше знаки имеют уже аккадскую форму. Язык аккадской версии близок к аккадскому языку Мари. Язык хеттской версии—новохеттский, это, несомненно, поздний перевод аккадского оригинала»³⁰. Для доказательства указанного положения мы попытались провести лингвистический анализ текста:

1) употребление глагольных форм в главном предложении (Perfectum и Praeteritum);

2) употребление падежных окончаний с мимациями при именах и местоимениях-прилагательных;

3) переход $\text{\textcircled{t}} > \text{\textcircled{l}}$.

Мы исходим из того, что употребление Perfectum для передачи последовательности действий, наличие мимаций и отсутствие перехода $\text{\textcircled{t}} > \text{\textcircled{l}}$ характерны для старовавилонского периода в развитии аккадского языка, а употребление Perfectum как основной формы глагола в главном предложении, а Praeteritum только в отрицательных и придаточных предложениях, отсутствие мимаций и переход $\text{\textcircled{t}} > \text{\textcircled{l}}$ характерны для средневавилонского периода.

Мы проверили эти показатели по тексту Хаттусили, где упоминается страна Ханигальбат³¹ (текст № I), и по контрольному аккадскому тексту примерно того же содержания, точно датированному новохеттским периодом (историческое введение к договору между Суппилулиумой I и Шаттиваззой, царем Митанни³² (текст № II). Результаты могут быть представлены в виде таблицы.

В свете этих данных следует заключить, что текст Хаттусили относится к старовавилонскому периоду. Этот факт в свою очередь дает нам основание отметить, что хурритское государство Хани-

³⁰ И. М. Дьяконов, VII Международная встреча ассириологов, ВДИ, 1959, № 2, стр. 229.

³¹ Cf. Saporetti, SCO, 1965, XIV, стр. 77—79, стк. 1—48.

³² E. F. Weidner, PDK, стр. 2—14, стк. 1—48.

гальбат (Митанни) возникло не в конце XVI в. до н. э. (традиционная дата), а существовало еще в XVII в. до н. э.³³

	Perfectum в главн. предлож.	Praeteritum в главн. предлож.	Мима- ция	Формы с št	Переход št>tt
Текст № I	23	40	12	2	0
Текст № II	56	0	6	0	11

На территории к западу от Евфрата в начале правления Хаттусили I против Хеттского царства создается крупная коалиция, в которую входили Хассува, Халев, Манда, Укуш³⁴. Хотя первоисточники не дают точных сведений о других союзниках, кроме перечисленных, весьма вероятно, что к ним примыкали и другие, особенно соседние хурритские племена. Поэтому Хаттусили вынужден был вновь начать борьбу, но на этот раз за овладение территорией Хассувы, которая, как показывают документы, являлась центром объединения³⁵. Сражение Хаттусили с врагом подробно описано в следующих строках анналов Хаттусили I:

Из хеттского текста:

29. ¹D Ma-a-la-an-na Ú-UL [(ku)-iš-ki pí-ra-an(?) za-a-iš]
 30. na-an ú-uk LUGAL.GAL T[a-ba-ar-na-aš G]R-it]
 31. zi-ih-ḫu-un KARAŠ. Ḫ[(I). A. YA-an-mu(?) EGIR-an(?)]
 32. G]R-MEŠ-it za-a-iš LUGAL-g[i-na-šá-an za-a-iš]
 33. ERÉN.MEŠ URUḪa-aḫ-ḫi-aš ḫu-ul|-li-it (URU)Ḫa-aḫ-ḫa-an-ma]

³³ Относительно хурритов М. Астур пишет: «Существование хурритского сильного государства в северной Месопотамии во время Хаттусили I невозможно отрицать»: М. С. Astour, *Ḫattušiliš, Ḫalab and Ḫanigalbat*, JNES, 1972, vol. 31, № 2, стр. 103.

³⁴ Н. Оттен, *Die Inschriftlichen Funde*, MDOG, 1953, № 86, стр. 60—61; Т. В. Гамкрелидзе, *Передвижение согласных в хеттском (несетском) языке*, Переднеазиатский сборник, М., 1961, стр. 275—276.

³⁵ Это видно, во-первых, из того, что война начиналась на территории Хассувы, во-вторых, что главная битва состоялась у горы Адалура, о которой и пойдет речь дальше.

34. Ú-UL ku-it-ki i-ya-[at] [Ú-UL-an IZI-it ?]
 35. ar-ḥa wa-ar-nu-uz-zi [tuḥ-ḥu-wa-in-na]
 36. ne-pí-ša-aš ^DU-ni Ú-[UL...(-in-ta)]
 37. LUGAL.GAL Ta-ba-ar-na-aš ^{URU}[Ḥa-aš-šu-wa-an]
 38. ^{URU}Ḥa-aḥ-ḥa-an-na ḥar-ni-i[n-ku-u(n)]
 39. na-aš IZI-az kat-ta-an [tar-na-aḥ-ḥu-un (?)]
 40. tuḥ-ḥu-wa-in-na ne-pí[aš-aš...]
 41. nu (LUGAL) ^{URU}Ḥa-aš-šu-wa LUGAL ^{URU}Ḥa-a[ḥ-ḥa-ya]
 42. A-NA ^{GĪŠ}MAR.GĪD.DA tu-u-ri[-ya-nu-(un)]³⁶
 29. И (реку) Мала ни[кто не переходил].
 30. (А) я, великий царь Т[абарна, ее пешком]
 31. перешел. (И) войск[о после меня]
 32. пешком перешло. (Если даже) Шаррук[ни ее перешел]
 33. и отряду Хаххи панес пор[ажение, но Хаххе]
 34. (он) ничего не сдел[ал (?)] и его огнем не]
 35. сжег, [и дым]
 36. Небесному богу Бури и[е показал?];
 37. (я же), великий царь Табарна, [Хассуву],
 38. Хахху я разор[ил]
 39. и их огнем [сжег]
 40. и дым (я показал) Небес[ному богу Бури]
 41. и <царя> Хассуву [и] царя города Хах[ха]
 42. в телегу я запр[яг].

Из аккадского варианта:

18. ^{I^D}Pu-ra-at-ta ma-am-ma ú-ul i-bi-ir-šu
 19. [LUGAL GAL] Ta-ba-ar-na i-ná GĪR-šu i-(ub)-bi-ir-šu ù
 ERĒN^{MES}-šu EGER-šu
 20. [i-n]a GĪR^{MES}-šu-nu i-tá-ab-ru LUGAL-ki-ni-ma i-bi-ir-šu
 ERĒN^{MES} ša ^{URU}Ḥa-aḥ-ḥi
 21. [...]-ba-ak ^{URU}Ḥa-aḥ-ḥi mi-im-má ú-ul i-pu-[u]š i-ša-tú ú-ul
 it-ta-di

³⁶ H. G. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 1—2, см. также, F. Imparati, SCO, 1965, vol. XIV, стр. 52.

22. [qú]-ut-ra a-na ^DU ú-li-ka-al-li<-im>³⁷ LUGAL.GAL Ta-ba-ar-na LUGAL ^{URU}Ḫa-aš-ši<^{URU}Ḫa-aš-ši>
23. LUGAL ^{URU}Ḫa-aḫ-ḫi ^{URU}Ḫa-aḫ-ḫi ú-ḫal-li-iq-qú i-ša-tú it-ta-di ù qú-ut-ra
24. a-na ^DUTU ša-me-e ù ^DU ú-ka-a!-li-im ù LUGAL ša ^{URU}Ḫa-aḫ-ḫi
25. a-na ^GŠMAR.GÍD.DA aš-ša-(am)-mi-id.³⁸

«Пуратту (Евфрат) никто не переходил, [вели]кий [царь] Табарна пешком переходил его (может быть, читать i-ta-(!)-bi-ir-šu ? «перешел его»?) и войско его за ним пешком перешло; Саргон (когда-то) перешел его, войско Хаххи [разбил], Хаххе ничего не сделал, огню не предал, дыма богу бури не показал. Великий царь Табарна царя Хашши (и) город Хашши, царя Хаххи (и) город Хаххи уничтожил, огню предал и дым Богине Солнца Небесной и богу Бури показал, а царя города Хах[ха] запряг в телегу».

Из хеттского текста:

12. I-NA ^{UR}[UḪa-aš-šu-wa]
13. pa-a-un nu-mu LÚ^{MEŠ} [URU]Ḫa-aš-šu-wa za-aḫ-ḫi-ya
14. me-na-aḫ-ḫa-an-d[a ú-e]-er ERÉN.MEŠ-ya-aš-ma-aš
15. ŠA KUR ^{URU}[Ḫal-pa šar-di]-aṅ-ni kat-ta-an e-eš-ta
16. na-aš-mu (MÈ-ja) ú-it na-an ḫu-ul-li-y[a-nu-un]
17. nu kar-p[u-u]-wa-an-da<-aš> UD.KAM ḪI.A'-aš ^{1D}Pu-u-ru-n[a-an]
18. zi-iḫ-ḫu[-un] nu KUR ^{URU}Ḫa-aš-šu-wa UR.MAḪ GIM-an
19. GÌR.ḪI.A-i[t a]r-ḫa ša-ak-ku-ri-ya-nu-un³⁹.

12. «И в [Хассуву]

13. я пошел. И против меня люди Хассувы войной

14. пошли. И войска

³⁷ Вм. ú-ul ú-ka-al-li-im—результат ошибки при написании текста неквалифицированным писцом под диктовку.

³⁸ Cf. Saporetti, SCO, 1965, XIV, стр. 79—80.

³⁹ H. G. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 2—3, см. также F. Imparati, SCO, 1965, vol. XIV, стр. 48.

15. Хальпы (=Халеба) для помощи им у них были.
16. И они (ко) мне [для сражения] пришли, и я их победил.
17. И (в) считанные дни Пуруну.
18. я перешел и Хассуву, как лев
19. ногами я попрал».

Из аккадского варианта:

32. a-na URU^{URU}Ha-aš-šu al-lik-ma a-na pa-ni-šu it-ta-zi-lz-zu ù
ERÉN^{MES} URU^{URU}Ha-la-ap
33. it-ti-šu-um-ma i-na HUR.SAG A-da-lu-ur da-an-ta-šu-nu (da-am-
dā-šu-nu) a-du-uk
34. i-na u₄-ma-ti-ma ir-ti III^DPu-ra-an ki-i-ma UR.MAH LUGAL
GAL i-te-ti-iq
35. URU^{URU}Ha-aš-šu-wa ki-i-ma UR.MAH [i]-na ri-it-ti-šu iš-ta-pá-ak-
šu ep-ra-am
36. a-na mu-ḫi-šu iš-ta-pá-ak-šu ù ma-ak-ku-ur-šu URUKÚ.
.BABBAR-ti um-tá-al-lí
37. KÚ.BABBAR-šu GUŠKIN pa-na-am ú ba-ba-am ú-ul i-šu⁴⁰.

«В Хассуву я прошел. Перед ним они встали и войска Халаба с ними (были). У горы Адалур я победил их. В то же время великий царь подобно льву пересек Пуран, Хассуву подобно льву рукой рассыпал и землю сверху на нее насыпал, а его имуществом город Хаттуса наполнил. Его серебро и золото не имели начала и конца (букв. переда и выхода)».

Разбор содержания этих текстов наиболее целесообразно начать с локализации упоминаемых в тексте рек (Мала, Пуруна) и городов (Хассува, Хахха).

В хеттском тексте „Māla“ соответствует «Purattu» аккадского варианта, поэтому предполагается, что здесь речь идет о реке Евфрат⁴¹. Существует и другое мнение, согласно которому, р. Мала являлась одним из верхних притоков Евфрата⁴².

⁴⁰ Cf. Saporetti, SCO, 1965, vol. XIV, стр. 78.

⁴¹ J. Garstang and O. R. Gurney, The Geography of the Hittite Empire, London, 1959, стр. 49, а также карту № 1. A. Kammenhuber, Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968, стр. 123—124.

⁴² A. Goetze, JCS, 1962, vol. XVI, № 1, стр. 27.

В другом хеттском тексте р. «Pigupa» соответствует «Pigap» аккадского варианта. Х. Г. Гютербок полагает, что здесь подразумевается именно Евфрат⁴³. Большинство исследователей с ним не согласно⁴⁴.

Относительно местоположения города Хахха взгляды ученых не расходятся. Считается, что этот город находился к западу от Евфрата, и отождествляется с Хаххум аккадских источников⁴⁵. Что же касается Хассувы, то ее большинство специалистов также локализует к западу от Евфрата⁴⁶. Лишь С. Смит и Х. Г. Гютербок считают, что эта страна находилась к востоку от Евфрата⁴⁷.

Изучение документов позволяет внести некоторое уточнение в локализацию вышеупомянутых стран и рек. Хеттские первоисточники, написанные на аккадском языке, в основном упоминают Евфрат под названием «Purattu»⁴⁸. Это название, однако, не встречается в текстах, написанных на хеттском языке. Поэтому возникает вопрос, как называли Евфрат хетты? В вышеупомянутых документах вместо ^ID^Uruattu аккадского текста в хеттском налицо наименование ^ID^Mala.

⁴³ H. Güterbock, Sargon of Akkad mentioned by Hattušili I of Hatti, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 3.

⁴⁴ A. Goetze, JCS, 1962, vol. XVI, № 1, стр. 28, здесь указано, что р. Пуруна протекала между Заруной (Зарунту) и Хассувой: Г. Г. Георгадзе, ВДИ, 1969, № 1, стр. 76, прим. 41, где отмечено, что Пуруна это не Евфрат. A. Archi, P. E. Pecorella, M. Salvini, Gaziantep e la sua regione, Roma, 1971, стр. 111, где Piguна отождествляется с Кара-су (на территории Кицикуаны).

⁴⁵ A. Goetze, An old Babylonian Itinerary, JCS, 1953, vol. VII, № 2, стр. 68—69, см. также карту, стр. 72. H. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 4.

⁴⁶ О. Гэрри и Х. Кленгель локализируют Хассуву на территории Коммагены. O. R. Gurney, Anatolia, с. 1750—1600 вс. с., САН, 1962, vol. II, chap. VI, стр. 17; H. Klengel, Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z., I 1965, стр. 269, прим. 1 (стр. 272); A. Goetze, On the Chronology of the Second Millennium B. C. JCS, 1957, vol. XI, № 3, стр. 73, прим. 218; A. Archi, P. E. Pecorella, M. Salvini, Gaziantep e la sua regione, стр. 111, где указано, что Хассува находилась на территории Арабана.

⁴⁷ S. Smith, Uršu and Hašsum, AS, 1956, vol. VI, стр. 42; H. G. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 4—5, где и отмечено, что горы Хассувы могли находиться к западу от Евфрата.

⁴⁸ E. F. Weidner, PDK, 1923, стр. 6, 10, 14, и т. д.

Мала дважды встречается в связи с походом Мурсили II против касков⁴⁹. На основании данного текста Мурсили можно думать, что речь идет о верхнем Евфрате.

В урартских надписях два раза упоминается река Meli(a) в связи с походами Минуа и Аргишти I в страну Хатти на территории к западу от реки Евфрат⁵⁰.

Упоминаемую в надписях Мели(a) скорее всего можно отождествить с верхним Евфратом и с рекой Мала, которая в дальнейшем появляется в греческих источниках под названием Мелас (Μέλας).⁵¹ И именно от слова Мелас (по греч. „черный“), видимо, возникло Кара-Су «черная вода», сегодняшнее турецкое название верхнего Евфрата до впадения в него Арацани (Мурадсу). Следовательно, можно согласиться с тем, что Мала—это действительно верхний Евфрат.

В вышеупомянутом тексте говорится, что Хаттусили пересек Мала (Пуратту) и победил Хассуву и Хахху. Далее сказано, что Саргон тоже пересек Мала (Пуратту) и победил город Хахха.

Хаттусили должен был напасть на Хахху с северо-запада, а Саргон—с юго-востока, но оба, судя по данному тексту, пересекают одну и ту же реку Мала (Пуратту) и после переправы побеждают один и тот же город—Хахху. Это утверждение, как оно изложено в документе, кажется противоречивым, но оно может быть объяснено в связи с вероятным маршрутом похода Хаттусили, о котором речь пойдет дальше.

Из другой части билингвы Хаттусили, в которой описывается то же самое событие, следует, что Хаттусили пересек еще другую реку, а именно Пуруну (аккадское Пуран), после чего завоевал Хассуву.

⁴⁹ А. Gœtze, Die Annalen des Muršiliš, MVAG, 1933, Band 38, стр. 170—172.

⁵⁰ Г. А. Меликишвили, УКИ, 28: 127, П. И. М. Дьяконов, (ПАН, стр. 235—236, прим. 118), страну Хатти в данном контексте отождествляет со страной Мелид-Мелитеной.

⁵¹ Pauly-Wissowa, RE, 1931, XV—I, стр. 437—440. Несомненно, однако, что если греч. „Μέλας“ соответствует хеттскому Мала и урартскому Мелна, то мы имеем дело с греческой народной этимологией. Термин Мелас несколько раз встречается в греческих источниках как имя человека и как название реки и в Греции, и в Малой Азии, ср. Pauly-Wissowa, там же.

Упоминаемая в хеттском тексте Пуруна (в аккадском—Пуран) соответствует, как можно предполагать, шумерскому «Вуга-пип(а)», хурритскому Purana и Puranti⁵², аккадскому «Purattu», субарейскому Uruttu и Uratta⁵³. Исходя из этого, Х. Г. Гютербок полагает, что хеттск. Пуруна (аккадский вариант Пуран)—это Евфрат⁵⁴. Такое мнение не вызывает сомнения, но, по-видимому, Пуруна (Пуран),—а также урартское Пурана,—название Евфрата только ниже впадения Арацани (Мурад-су).

Исходя из вышесказанного, мы попытаемся изложить свою версию маршрута, по которому Хаттусили совершил поход на города Хассува и Хахха. Наиболее короткая дорога в Хассуву и Хахху пролегает через северные отроги Тавра, а затем через Малатию. Но поход Хаттусили не был неожиданным для антихеттской коалиции, которая, как следует из текста билингвы Хаттусили, сосредоточила свои основные военные силы недалеко от горы Адалур.

По данным анналов ассирийского царя Салманасара III, гора Адалур находилась далеко к западу от Евфрата и к северу от Хаману (Аманус)⁵⁵. Адалур отождествляется с горной цепью, па-

⁵² И. М. Дьяконов отметил, что хурр. «Puranti» заимствовано хурритами из староаккад. *Purantum (род. падеж Purantim), позже Purattu/i, ВДИ, 1970, № 4, стр. 43, прим. 18. По его устному сообщению, хурр. формы Uruttu, Uratta можно также рассматривать как фонетическую передачу хурр. [Wuruttu], [Wurattu], [Furuttu], [Furattu]—другой формой того же названия „Евфрат“.

⁵³ H. G. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 3. В одной из надписей урартского царя Сардур II (УКН, 158, стк. 6) М. ван Лооном и Х. Г. Гютербок, в результате проверки надписи на месте, было установлено урартское название Евфрата I'DPu-ga-na-di. Согласно этой надписи, Сардур II пересек Пурану ниже впадения р. Арацани-Мурад-су, несколько ниже Малатии. См. Maurits van Loon, The Euphrates mentioned by Sarduri II of Urartu, Anatolian studies presented to H. G. Güterbock on the occasion of his 65th birthday*, 1974, стр. 188.

⁵⁴ H. G. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 3. Относительно р. Пуруна, которая несколько раз упоминается в хеттских текстах в связи со страной Кищуватной, Г. Гютербок полагает, что речь идет о Евфрате, имея в виду, что страна Кищуватна простиралась к востоку до Евфрата.

⁵⁵ P. Hulin, The Inscription on the carved Throne-base of Shalmaneser III, „Iraq“, 1963, vol. 25, стр. 60.

раллельной Аманусу, которая составляет восточную границу долины Ислахне и примыкает к Антитавру около Гёлбаса⁵⁶.

Следовательно, вполне разумно предположить, что на этой горной территории антихеттская коалиция сконцентрировала свои силы в наиболее удобном с военной точки зрения месте—против основных перевалов из Малой Азии в Сирию через горы Тавра. Именно поэтому Хаттусили выбирает другой, более длинный маршрут, откуда его появление было бы для врага неожиданным. По-видимому, Хаттусили обогнул с севера горы Малоазийского Тавра, пересек р. Мала (верховья Евфрата) и продолжил свой путь в сторону Хассувы. Затем он повернул на запад, пересек р. Пуруну-Евфрат и оказался в тылу у врага⁵⁷. Можно предположить, что Хаттусили во время этого похода мог оставить часть своего войска на границе Хатти, во-первых, для того, чтобы обеспечить безопасность своей страны, и, во-вторых, для того, чтобы иметь возможность атаковать врага одновременно с двух сторон: с востока и северо-запада, непосредственно от границ Хатти. В битве у горы Адалур Хаттусили одержал победу и завоевал Хассуву и Хахху.

Вышеизложенное показывает, что и Хахха, и Хассува находились к западу от Евфрата. Однако, взятые в совокупности, первоисточники позволяют предположить, что небольшая часть территории Хассувы находилась и на восточном берегу Евфрата.

В текстах из Мари упоминается страна Хешшум (Heššum), которая находилась к востоку от Евфрата. На этом основании некоторые исследователи отождествляли Хассуву со страной Хешшум и локализовали эту страну к востоку от Евфрата⁵⁸. Однако

⁵⁶ A. Goetze, JCS, 1962, vol. XVI, № 1, стр. 28, A. Archi, P. E. Pecorella, M. Salvini, Gaziantep, стр. 111.

⁵⁷ Этот маршрут похода Хаттусили был столь удобным, что впоследствии им воспользовался Суппилулиума во время своих походов на юго-восток, в основном против государства Митанни; E. F. Weidner, PDK, стр. 6—8, 90.

⁵⁸ A. Finet, ARM, 1951, 15, стр. 125 № 2. H. G. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 5.

это не подтверждается данными документов. Существует мнение, с одной стороны, о тождестве стран Хассува и Ассува⁵⁹, а с другой—Хассува и Исува⁶⁰. Первая точка зрения представляется не окончательно доказанной, так как в тексте KUB, XXIII, 11 (Тудхалия IV) Ассува упоминается в связи с Арцавой, Луккой и другими областями запада Малой Азии, а также в связи с неким Кукули, которого связывают с западом полуострова⁶¹. В данном тексте (Тудхалия IV), по мнению В. Н. Хачатряна, упоминается страна Хассува⁶². Исходя из этого, он предположил, что Ассува может относиться к другому району, где-то около Хассувы⁶³. Однако вместо Хассувы⁶⁴ в тексте мы читаем: KUR.URU A-aš-šu-wa. Речь идет о подавлении восстания, которое возникло в Ассуве после возвращения Тудхалии IV в Хаттусу. Следовательно, термин Хассува к термину Ассува отношения не имеет. В KUB, XXIII, 14.10⁶⁵, термина Хассува вообще нет, в тексте налицо лишь URU Ha-|. . . .|. Таким образом, пока нам не известны тексты, в которых Хассува сопоставлялась бы с Исувой (Ишувой) или упоминалась бы с ней в одном контексте.

В своих отождествлениях Хассувы с Исувой исследователи опирались только на сходство названий этих стран. В дополнение к этому следует отметить еще один момент. Как известно, хет-

⁵⁹ E. F. Weidner, PDK, стр. 4, прим. 5.

⁶⁰ Там же, стр. 4, прим. 5. Говоря об этом вопросе, Г. Боссерт отметил, что, если не отождествлять Хассуву с Исувой, то следует искать ее внутри или рядом с Исувой (*H. Th. Bossert, Asia, Istanbul, 1946, стр. 21*). Х. Г. Гютербок пишет, что Хешшум—это промежуточная форма между „Хассува“ и „Исува“, *H. G. Güterbock, JCS, 1964, vol. XVIII, № 1, стр. 5, прим. 57*. Исува была расположена в районе современного Элизыга, *J. Garstang and O. R. Gurney, The Geography of the Hittite Empire, стр. 40*.

⁶¹ И. М. Дьяконов, ПАН, стр. 113—114.

⁶² В. Н. Хачатрян, Восточные провинции Хеттской империи, Ереван, 1971, стр. 122.

⁶³ Там же, стр. 122.

⁶⁴ Там же, стр. 122; KUB, XXIII, 11, 9—10.

⁶⁵ В. Н. Хачатрян, Восточные провинции, стр. 123, 162.

тские цари до конца правления царя Телепину совершили много походов на Хассуву. По-видимому, под их ударами Хассува потеряла основную часть своей территории (на правом берегу) и сконцентрировалась к востоку от Евфрата, где в дальнейшем упоминается страна Исува.

При правлении Хаттусили I Хассуве удалось вновь отвоевать свою свободу⁶⁶. Поэтому, несмотря на предыдущие победы, Хаттусили вынужден был продолжать борьбу на этой территории и на этот раз повел ее более успешно. В своем походе он достиг Халеба, и хотя победу над Халебом одержать не смог, но завоевал обширную территорию вдоль верхнего Евфрата и в Северной Сирии.

Вслед за Хаттусили I на престол взошел Мурсили I. Как и отец, он встал на путь завоеваний. Из указа царя Телепину известно, что он захватил Халеб и Вавилон⁶⁷, откуда вывез статуи богов: из Халеба—бога Бурн⁶⁸, из Вавилона—бога Мардука⁶⁹. Что касается хурритов, то о них в тексте Мурсили сказано лишь, что хеттский царь одержал над ними победу⁷⁰. Это дает нам основание согласиться с предположением Г. Г. Гиоргадзе о том, что в это время хетты не нападали на собственно страну хурритов (то есть на Хурри-Митанни)⁷¹. Поэтому можно подвергнуть сомнению сообщение данного источника о полном разгроме хурритов. Скорее всего, речь идет лишь о поражении нескольких отрядов, вступивших в битву против хеттов. Несмотря на то, что у Мурсили был еще и другой союзник в Месопотамии—как предполагается, касситские племена⁷²,—и хотя он завоевал Халеб и Вавилон, но почему-то не напал на страну Хурри, которая, казалось бы, должна

66 Г. Г. Гиоргадзе, ВДИ, 1964, № 1, стр. 15.

67 E. Starkevant, G. Bechtel, A Hittite Chrestomathy, Philadelphia, 1935, стр. 184, № 9.

68 Г. Г. Гиоргадзе, ВДИ, 1969, 1, стр. 80, прим. 70.

69 H. G. Güterbock, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200... ZA, 1934, Band 8 (42), стр. 80.

70 E. Starkevant, G. Bechtel, A Hittite Chrestomathy, стр. 184, № 9.

71 Г. Г. Гиоргадзе, ВДИ, 1969, № 1, стр. 80.

72 Это устанавливается из косвенных данных, но является в науке пока общепринятой точкой зрения.

была быть главным врагом. Это в свою очередь позволяет предположить, что на территории северной Месопотамии восточнее Евфрата уже в конце XVII в. до н. э. действительно существовали не просто более или менее временно объединенные хурритские племена, а достаточно сильное царство Хурри-Митанни (Хангалбат), которое не позволило хеттскому царю напасть на долину р. Хабура и заставило его войско пройти только вдоль евфратской границы царства.

По окончании военных действий Мурсили вернулся в Хатти, где пал от рук заговорщиков⁷³. После гибели Мурсили началось постепенное ослабление хеттского государства. Царства, находившиеся в зависимости от него, начинают освобождаться из-под хеттской власти.

Новый царь, Хантили, стремился удержать под своим господством территории, ранее подвластные хеттам. С этой целью он предпринял поход в страны Аштата, Каркемиш, Хурбана и Тегарама⁷⁴.

Однако вскоре положение меняется. Теперь уже вместо завоеваний хеттскому царю приходилось защищать свою страну от нападений хурритов. Эти события отражены в указе Телепину:

BoTU, 23 A:

43 [...] Hur-lu-uš KA₅(?) A.ḪI. A-uš ḫa[... ú]-e-ri-ir

44 [...] LÚKUR A-JNA K[UR] URUḪa-at-ti ú-it

43. «[. . .] Хурриты, мчащиеся галопом (?) [. . . к]ричали они

44. [. . . враг] в ст[рану] Хатти пришел».

Из аккадского варианта в KUB III, 89, I:

4. [...]LÚ.MEŠ Hur-ri ANŠU.ḪI.A

5. [...]i-na eli-šu-nu ša ta-ḫi-iz-zu

⁷³ Согласно данному тексту (указу царя Телепину), заговором руководили Циданта и Хантили. Последний, как сообщает Телепину, был мужем сестры Мурсили, Харасили. После убийства царя Хантили захватил трон. *E. H. Starkevan, G. Bechtel, A Hittite Chrestomathy*, стр. 184—185, стк. 10—11. *A. Goetze, On the Chronology of the Second Millennium B. C.*, JCS, 1957, vol. XI, № 2, стр. 55.

⁷⁴ *A. Goetze, JCS, 1957, vol. XI, № 2, стр. 55, прим. 30. Г. Г. Гуоргадзе, ВДИ, 1969, № 1, стр. 81.*

6. [...is]-sà-an-qû-nim KUR URU^UHa-at-ti
 7. [...] ù i-na lib[bi] KUR^{im} iš-ḫu-ru
 8. [...]a-bi-ik-ta[—]a-na eli-šu-nu [iš-ku-un/nu (?)].
 (4). «[. . .] хурриты (на?) ослах
 (5). [. . .] к тем, которые сражались
 (6). [. . .] приблизились к стране Хатти.
 (7). [. . .] и в стране повернули
 (8). [. . .] разгром им [совершил (?)]»⁷⁵.

На этот раз хурриты достигли больших успехов. Они напали на страну хеттов, при этом им удалось захватить царицу Харапсилли с сыновьями. Хурриты вывезли их в город Сукцию⁷⁶ и там она умерла или была казнена⁷⁷. Эти события позволяют предположить, что в это время царя Хантили с войсками в стране не было. По-видимому, он был в походе против северных племен—касков, которые по данным более поздних документов как раз в этот период беспокоили хеттов.

После смерти Хантили в стране началась борьба за престол. Власть последовательно захватили Циданта, Аммуна, Хуцния и Телепину⁷⁸. Последний вновь сумел завоевать ряд ранее подвластных, но утерянных областей на юго-востоке: Хассуву, Лавацантию, Цициллипу⁷⁹. В это время усиливается хурритско-лувийское го-

⁷⁵ О текстах см. также *A. Goetze*, JCS, 1957, vol. XI, № 2, стр. 55—56. *Г. Г. Гуоргадзе*, ВДИ, 1969, 1, стр. 81—82.

⁷⁶ Существует мнение, что город Сукция находился к востоку или юго-востоку от Хатти: *Г. Г. Гуоргадзе*, ВДИ, 1969, № 1, стр. 75, прим. 26. Высказывалось также мнение, что это Тель-Сукас недалеко от Угарита на побережье Средиземного моря. Однако ряд исследователей считает, что хеттская Шукция не соответствует сирийской Сукси, они предполагают, что Шукция была расположена на месте сегодняшнего Бойбейпынары; *E. von Schuler*, Die Kaşkâer, Berlin, 1965, стр. 23, прим. 53; *H. Klengel*, Geschichte Syriens..., том III, стр. 6, 23.

⁷⁷ *A. Goetze* JCS, 1957, vol. XI, № 2, стр. 55; *K. K. Riemschneider*, Die Thronfolgeordnung im althethitischen Reich, „Beiträge zur sozialen Struktur des alten Vorderasien“, („Altorientalische Forschungen“, 1), Berlin, 1971, стр. 89.

⁷⁸ *E. Sturtevant*, *G. Bechtel*, A Hittite Chrestomathy, стр. 184—186, № 18—24; *A. Goetze*, JCS, 1957, vol. XI, № 2, стр. 55.

⁷⁹ *E. Sturtevant*, *G. Bechtel*, A Hittite Chrestomathy, стр. 186, № 24.

сударство Киццуватна (позже античная Катаония-Киликия), расположенное в горах Тавра юго-восточнее страны хеттов⁸⁰.

Для Телепину, который проводил завоевательную политику, было важно обеспечить безопасность своих южных границ и, в определенном смысле, свой тыл. Поэтому хеттский царь заключил известный нам договор с Ишпутахши, еще одним царем Киццуватны⁸¹. Кроме этих мирных и может быть даже союзных отношений с Киццуватной, примерно в этот же период нам известен еще один договор, который был заключен между Цидантой⁸² и Пиллией⁸³ (царем Киццуватны)⁸⁴. Однако вскоре этот исторический период сменяется упадком государства хеттов, и на смену ему на арене ближневосточной политической борьбы появляются новые сильные политические образования, в том числе государство Митанни, политической истории которого от его образования до гибели будет нами посвящена отдельная работа.

⁸⁰ Точное время возникновения государства Киццуватны неизвестно. Во всяком случае, в древнехеттских документах во времена Телепину (см. прим. 81) либо еще раньше (если договор с Пиллией был заключен Цидантой первым, см. прим. 82) оно предстает перед нами уже образовавшимся государством. Однако при первых царях Древнехеттского царства Киццуватна как сколько-нибудь значительное государство не существовало (О Киццуватне см. *A. Kammenhuber, Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968, стр. 87—109*).

⁸¹ *H. Otten, Eine althethitische Vertrag mit Kizzuwatna, JCS, 1951, vol. V, № 4, стр. 130*. Ишпутахшу представляется—*Iš-pu-taḥ-ṣu LUGAL GAL DUMU Pa-ri-ia-wa-at-ri* „Ишпутахшу царь великий, сын Париватри“. *A. Goetze, Kizzuwatna and the problem of Hittite geography, New-Haven, 1940, стр. 73*.

⁸² В настоящее время не ясно, имя какого царя, Циданты Первого или Циданты Второго, упоминается в тексте договора.

⁸³ Предполагается, что Пиллия (Pillia)—хурритское имя, *A. Goetze, JCS, 1957, vol. XI, № 3, стр. 73*.

⁸⁴ Текст договора см.: *H. Otten, JCS, 1951, vol. V, № 4, стр. 129*.

И. М. ДЬЯКОНОВ

ХУРРИТО-УРАРТСКИЙ И ВОСТОЧНО-КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

В работе «Хурритский и урартский»¹ было указано на существование фонологических, лексических и морфологических изоглосс между хуррито-урартским, с одной стороны, и языками северо-восточно-кавказской группы (семьи?), с другой. Схождения эти представляются значительными и регулярными, однако окончательному решению о принадлежности как хуррито-урартского, так и северо-восточно-кавказских языков к одной семье, как нам казалось, мешало два важнейших обстоятельства: 1) наличие во всех северо-восточно-кавказских языках либо ясно выраженной, либо пережиточной четырехродовой (классной) системы (префиксальные показатели b-, y-, w-, d/ɣ-) при отсутствии родов в хуррито-урартском; 2) широкое распространение аблаута в северо-восточно-кавказских языках при отсутствии его в хуррито-урартском².

Помимо этого, глагольные системы в обоих случаях весьма различны. Для хуррито-урартского характерно наличие противо-

¹ *I. M. Diakonoff*, *HU*, стр. 161—171.

² В качестве третьего довода против родства хуррито-урартского и северо-восточно-кавказских приводился факт схождения только трех числительных — «1», «2» и «3». Этот довод, однако, не достаточно убедителен: если в индоевропейских языках сходятся все числительные вплоть до «100», то в афразийских (семиитохамитских) языках более или менее общим для всех ветвей является только числительное «2». Дело, видимо, в абсолютной дате расхождения диалектов праязыка.

поставления 'действие : состояние', наряду с возникающим противопоставленным 'переходность : непереходность' (особенно в урартском) при весьма слабом развитии временных противопоставлений; для северо-восточно-кавказских характерно противопоставление 'переходность : непереходность' и сильное развитие временной системы, главным образом сложных времен на базе сочетания вспомогательных глаголов со знаменательными глагольными именами. Различие в глагольных системах, однако, не является свидетельством отсутствия родства, так как оно, это различие, носит явно диахронический характер: к тому же глагольные системы отдельных северо-восточных языков не возводятся к общему северо-восточно-кавказскому прототипу, а явно складывались в отдельных диалектах и подгруппах диалектов в период уже после разделения праязыка³.

В настоящее время из двух возражений одно (отсутствие аблаута) может считаться отпавшим, так как М. Л. Хачикян показала наличие по крайней мере в одном хурритском диалекте, который она условно называет «угаритский I», таких форм глагольного корня, которые трудно объяснить иначе чем аблаутом (tan-//tin-, *k/haw-//k/hiw-) ⁴. Дальнейшее изучение хуррито-урартского словообразования и морфологии, возможно, даст возможность решить и проблему родовых (классных) показателей⁵.

³ См. НУ, стр. 162—163.

⁴ М. Л. Хачикян. Шумеро-хурритский словарь..., ВДИ, 1975, 3, стр. 21—38.

⁵ Отметим, что при общем почти полном господстве суффиксального агглютинирования как в хуррито-урартских, так и в северо-восточно-кавказских языках, родовые (классные) показатели в последних префигируются. Это может значить только то, что они восходят к самостоятельным местоимениям; соответственно, и аналогично им необходимо искать в хуррито-урартских местоимениях. Можно указать на показатель -bā > -b, отмечающий в некоторых хурритских диалектах предикативную роль причастия, а в урартском—3 л. глагола состояния (или непереходного); на широко распространенную демонстративную основу и основу местоимений 3 л. -ja; на 3 л. притяжательного местоимения -di в «угаритском I» диалекте; хотя в хурритском и урартском все эти местоимения—энклитические, в первоначально самостоятельном их характере вряд ли придется сомневаться.

Мы уже упоминали⁶, что идея о возможном родстве между хуррито-урартским и северо-восточно-кавказскими укрепилась⁷ по причине разительного сходства фонологических систем, независимо реконструированных нами для хуррито-урартского⁸ и Е. А. Бокаревым—для северо-восточно-кавказского праязыка⁹. Несмотря на значительно большее богатство северо-восточно-кавказского консонантизма, общий принцип системы, заключающийся в фонематическом противопоставлении удвоенных (геминированных) и негеминированных троек согласных (звонкого, глухого и глоттализованного) полностью совпадает. Подобная система в языках мира вообще встречается чрезвычайно редко, а имея в виду географическую близость между Кавказом и районом древнего распространения хуррито-урартского, можно признать случайность такой близости фонологических систем двух групп языков весьма мало вероятной.

Ниже приводятся таблицы фонологических систем прасеверо-восточно-кавказского (по Е. А. Бокареву) и пра-хуррито-урартского (по И. М. Дьяконову). В первой таблице приводится принятая нами латинизированная транскрипция. Такой отход от традиции объясняется тем, что хотя русская транскрипция практически удобна для каждого кавказского языка по отдельности, для сопоставительных целей и передачи праформ она предельно неудобна в силу своей полной непоследовательности. Так, хотя смычно-гортанные в принципе обозначаются прибавлением к согласной букве знака *l*, однако увулярный смычно-гортанный передается как *kʷ*, обычный увулярный глухой как *kʷ̥*, а с другой стороны, *gl* оз-

⁶ НУ, стр. 165.

⁷ Сама идея была высказана ранее Я. Брауном и Г. А. Климовым в докладе на кавказологической конференции в Тбилиси в 1954 г. и развивалась затем Ю. Д. Дешериевым.

⁸ И. М. Д'яконов, Comparative Survey of Hurrian and Urartian, „Abhandlungen des XXIV Internationalen Orientalisten-Kongresses, München, 1957“, Wiesbaden, 1959, стр. 165 сл.

⁹ Е. А. Бокарев, ВСИД, Махачкала, 1961. Для работы я пользовался любезно предоставленным мне экземпляром, в котором, наряду с дагестанскими, были внесены автором и чечено-ингушские сопоставления и рефлексy.

начает фарингальный спирант; если латеральные спиранты и аффрикаты передаются путем прибавления $\bar{\theta}$ (но, как мы видим, не последовательно), то смычногортанная латеральная аффриката передается как $k\bar{\theta}$, а геминированная смычногортанная латеральная аффриката—даже как $k\bar{\theta}\bar{\theta}$ ¹⁰; символ $k\bar{\theta}g$ означает то звонкий увулярный смычный, то звонкий увулярный спирант. Запомнить все эти нарушения системы без детального знания отдельных дагестанских языков нет ни малейшей возможности.

Заметим, что в хуррито-урартском геминировались не только глухие и глоттализированные, но несомненно и звонкие; следы геминации звонких, как кажется, можно обнаружить и в северо-восточно-кавказских.

Таблица 1

Северо-восточно-кавказский консонантизм

	Со- нанты	Смычные	Спиран- ты	Аффрикаты
Губные	m	b (bb) p (pp) p' (pp')	w	
Зубные	n	d (dd) t (tt) t' (tt')	z s ss	ʃ c ce c' ce'
Альвиолярные	l, r		ʒ ʂ ʂʂ	j ɕ çç ç' çç'
Латеральные			ʎ ʎʎ	ɬʎ ɬʎ'
Среднеязыч- ные	y			
Заднеязычные		g (gg) k kk k' kk'	ɣ ɣ ɣɣ	(kk) (kk')
Увулярные		(gg) q qq q' qq'	ɣ ɣ ɣɣ	(gɣ) qɣ (qqɣ) qɣ' (qqɣ')
Посту-уляр- ные			h	

¹⁰ Отметим множество опечаток в таблице Е. А. Бокарева, как она воспроизведена в книге «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» Дагестанского филиала АН СССР, М., 1971, стр. 29 (ср. ВСИД). Число их столь велико, что таблицей пользоваться практически почти невозможно. Кроме того, из этой таблицы без достаточного основания исключены фарингализованные, а также геминированные согласные $kk, kIkI, k\bar{\theta}_1k\bar{\theta}_1, k\bar{\theta}k\bar{\theta}$, на стр. 28 указано, что исключены также геминированные согласные $cc, ɬɬ, ɕɕ, ɕIɕI, ɕIɕI, ɬ\bar{\theta}\bar{\theta}, ɬ\bar{\theta}\bar{\theta}, ɬ\bar{\theta}\bar{\theta}, ɬ\bar{\theta}\bar{\theta}$, однако на самом деле они в таблице присутствуют; присутствуют, впрочем, и $kk, kIkI$, но как символы для аффрикат. Зато отсутствуют без предупреждения $tt, tItI$ и постулировавшиеся Е. А. Бокаревым с некоторым сомнением геминированные pp и $pIpI$.

Хурритско-урартский консонантизм

Губные праза.	m	b	bb	p	pp	p'	pp?	w	ww
• хурр.	m	p -b-	p -pp-	p -b-	p -pp-	?	?	l -w-	l -ll-
• урарт.	m	b	b	p	p	p ¹		w, -w-	w, -w-
Зубные праза.	n	d	dd	t	tt	t'	tt'		
• хурр.	n	t -d-	t -ll-	t -d-	t -ll-	t	-d- t -ll-		
• урарт.	n	d	d	t	t	t	l		
Альвеол. праза.	r, l								
• хурр.	r, l (n)								
• урарт.	r, l								
Среднеязыч. праза.	l								
• хурр.	l								
• урарт.	l								
Заднеязыч. праза.		g	-gg-	k	kk	k'	kk'		
• хурр.		k -g-	k -g-	k -g-	k -kk-	k/ly	?		
• урарт.		g?	g?	k	k	q	q		

1 Графический p. 2 Графический n, b. 3 Графический g, l, j. 4 В урартском ll² имеются две графемы для передачи этой фонемы (или двух сходных?). 5 Читать sl с Чигати. 6? t Графически, вероятно, z. 8 Только в урартском ll² диалекте, вероятно, ss' или s'. 9 Графически b (в урартском g; в урартском обнаруживается по гречески и армянским транслитерациям топонимом). Кроме того, вероятно наличие в хурритском ll, в урартском ll² (графически, чередующиеся с n, [w]).

В скобках—фонемы, существование которых в праязыке сомнительно. В некоторых случаях (g̃g̃) и (g̃ɣ), kk, kk' и (kk), (kk') неясно, существовали ли параллельно и смычные, и спиранты (или аффрикаты) данного места артикуляции и степени звонкости (глоттализации).

По сравнению с данными, приводившимися в НУ, мы можем сейчас несколько расширить число установленных лексических изоглосс за счет материала, опубликованного в книге «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» Дагестанского филиала Академии наук СССР, М., 1971 (ответственный редактор Г. Б. Муркелинский)¹¹.

Ценной эту книгу делает именно публикация нового материала лексических соответствий; в остальном она представляет собой определенный шаг назад по сравнению с книгой Е. А. Бокарева. Недостатком последней была, во-первых, неучтенность целой ветви северо-восточно-кавказской семьи языков—вейнахской (чечено-нигушской), и, во-вторых, отсутствие реконструкции праязыкового вокализма. Оба недостатка сохраняются и в новой книге, но если в первой, написанной одним автором, пропуск чечено-нигушской ветви мог объясняться личными причинами, то трудно объяснить себе, почему она не могла быть учтена во второй книге, где к работе, так или иначе, был привлечен целый коллектив. Но к этим двум недостаткам прибавлены и такие, которых книга Е. А. Бокарева была лишена. Так, отброшена установленная Е. А. Бокаревым праязыковая фонематическая геминация, имеющая решающее значение для понимания рефлексов внутри северо-восточно-кавказской языковой семьи: кроме того, хотя есть специальная глава о характере межъязыковых рефлексов в пределах семьи (стр. 21 сл., автор Г. Х. Ибрагимов) и таблица таких рефлексов (стр. 51 сл., его же), но примеры, приводимые в этой главе, не сходятся с таблицей¹², а те и другая не соответствуют при-

¹¹ Ниже СИЛД. Работа выполнена под руководством Ш. И. Микаилова и У. А. Мейлаповой.

¹² Ср., например, о фонеме g̃ на стр. 42 и в таблице на стр. 54; можно привести еще примеры.

мерам, приводимым в главах, посвященных собственно лексике (авторы—весь коллектив: У. А. Мейланова, С. М. Гасанова, Б. Б. Талибов, Г. Х. Ибрагимов, П. Т. Магомедова)¹³.

Тем не менее, мы можем привлечь для сопоставления с хуррито-урартским из указанной книги тот материал, который не содержит противоречий (внутренних и с реконструкцией Е. А. Бокарева)^{13а}. Получаем следующие северо-восточно-кавказско—хуррито-урартские лексические сопоставления¹⁴:

А. Лексика

1. хурр. *allae*, 'госпожа', урарт. *alae* 'господин, госпожа', *al-usa* 'господин', 'господствующий' ~ *вейнах*. *æla* 'князь' (I / ^æall-);

¹³ Чтобы не быть голословным, приведу примеры: согласно таблице, праязыковос *ш* сохраняется в хваршинском и лакском, но на стр. 103 (под словом 'бок', У. А. Мейланова) предполагается его переход, соответственно, в *ж* и *ç*; согласно таблице, *гъ* всюду имеет рефлекс *гъ*, кроме арчинского (*хъ*) и агульского (*г* или *х*), отчасти также лезгинского (кроме *гъ*, еще и *къ*) и рутульского (кроме *гъ*, еще и *г*); однако на стр. 136 (под словом 'нарьв', С. М. Гасанова) постулируется рефлекс *х* для лезгинского, *х'* для агульского, *х* для рутульского, цахурского и хиналугского; на стр. 151 (под словом 'змея', Б. Б. Талибов) постулируется переход *гъ* в *к* в индийской подгруппе, между тем мы уже упоминали, что в таблице предусмотрено *гъ*; приведенное автором слово для 'змен' из лезгинской группы явственно принадлежит к другому корню, чем слово 'змея' в аваро-андо-цезской группе; примеры могут быть умножены. Разумеется, «неточные» рефлексы возможны (хотя в подавляющем большинстве случаев они объясняются либо корневыми вариантами в пределах «праязыка», либо позиционными условиями), но они в любом случае требуют оговорок и обращения на подобный факт внимания читателя, а также постановки вопроса о причине явления. Иначе создается впечатление, что авторы гнались за количеством сопоставлений в ущерб качеству анализа. Мало доверия вызывает распространенное в кавказоведении мнение (СИЛД, стр. 67), что «корень именной основы... состоит преимущественно из одного согласного»: это означало бы, что число корней было бы почти равно числу согласных, и трудно представить себе, чтобы такой язык мог исполнять коммуникативную функцию.

^{13а} Мы пользовались также книгой С. М. Хайдакова, Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков, М., 1973. Автор оперирует иной методикой, чем Е. А. Бокарев и даже не называет его имени.

¹⁴ Заметим, что лексические изоглоссы с хуррито-урартским падают в большинстве на *вейнахскую* (чечено-ингушскую) подгруппу, несколько реже на лезгинскую и на аваро-андо-цезскую.

2. хурр., ур. аг- 'давать' ~ с.-в.-к. **-ađl-*— (реконструкция Е. А. Бокарева); соответствие сомнительно;

3. уарт. *arše* 'мальчики (колл.)' ~ авар. *w-aš*, анд. *w-aša*, дарг. *urši* < **w-arši*, лак. *ars* и др. 'сын' ($V^{\bar{*}arš-l}$);

4. уарт. **aršivə*¹⁵ 'орел (?)', чеч., ингуш. *b-arʒu*, бацб. *arʒiv*, лак. *b-arzu*, ср. арм. из субстрата *arsci* и др. 'орел' ($V^{\bar{*}arʒiw?}$);

5. хурр. *astī* 'женщина' ~ ингуш. *isti* 'женщины (колл.)'; может быть, также вейнах. *-si'e/u* 'женщина'? ($V^{\bar{*}ast}$ - или **Vst-* ?);

6. уарт. *ał-* 'начинаться(?)' ~ лезг. *at-* 'приходить' ($V^{\bar{*}at}$);

7. хурр. *aw-agi* 'поле' ~ вейнах., лак. *ar(e)* 'равнина' ($V^{\bar{*}aw-}$);

8. уарт. *aše* 'мужчины (колл.)' ~ цез. *žek^wi*, табас. *šwi*, *š^wuw*, *žwi*, *žuw*, дарг. *sub*, агул. *šuy*, *šuw* 'мужчина' ($V^{\bar{*}h^wšwV-}$, **šh^wV-}*);

9. уарт. *erš-* 'возвращать, селить' ~ вейнах. *erč-* 'возвращать' ($V^{\bar{*}erč-}$);

10. хурр. *ezi*, уарт. *ežə* 'небо' ~ бежт., гунз. *has*, цез., хварш., гинух. *as* 'туча, туман, дождь, небо' ($V^{\bar{*}hVsV-?}$)¹⁶;

11. хурр. *ħabalgi-* 'железо, сталь' (< хатти *ħa-ba-lki* < с.-в.-к. **ba-lki-l/n-*, ср. каргв. **rçi-na*) ~ возможно, бежт. *kil'*, хварш. *kel*, гунз. *kil* и, с нерегулярным рефлексом, цез. *geg*, гинух. *keg*. Полного совпадения с хуррито-урартским нет, но это — ареальный термин. Акк. *razill-* восходит через хурр. к варианту с.-в.-к. **ba-rçi-l-* (Ю. П. Вартанов; ср. также Вяч. Вс. Иванов).

12. хурр. *ħan-* 'рожать' ~ ингуш. *ħinn-* 'уродиться', чамал. *ba-ħina*, ботл. *ma-ħi*, годоб. *ba-ħiⁿ*, лезг. *ħun-*, 'родиться' лак. *-an* 'рожать'; ($V^{\bar{*}ħVn-}$)¹⁷;

13. хурр., уарт. *ħari* 'дорога' ~ бежт. *ħino*, цез., хварш., гунз. *ħu-ni*, гинух. *ħune*, дарг. *ħune*, *ħjwani*, лак. *ħjullu* (**ħ^waS-*, где *S* — со-

¹⁵ Графически *ar-št-bi*. См. НУ, стр. 82.

¹⁶ Этот корень следует отличать от **z^waw-*, **z^wab-*, засвидетельствованного в аварском, андийском, а также лакско-даргинской и лезгинской подгруппах.

¹⁷ Перечисленные в СНЛД, стр. 265, аварская, даргинская, арчинская формы и формы в лезгинской подгруппе относятся, очевидно, к другому корню.

нант группы п, г, л, чередующихся в хуррито-урартских и, предположительно, также в некоторых северо-восточно-кавказских диалектах; $h^w > hu$ в андийских, $h\dot{h}$ в лакском)¹⁸;

14. хурр. $haz-$, урарт. $haš-$ 'слышать' ~вейнах. $haz-$ 'слышать', авар. $laze$, 'узнать', ахвах. $an-l'u'lul'a$, карат., тинд. $an-lala$ то же, с ассимиляцией ($<^*an-laza$ и т. п.); сильно измененные формы в других андийских; табас. $ye-g-χuz$, агул. $un-i-χas$ и др. 'слышать' ($\sqrt{^*}laz-$ или $^*χaz-$);

15. хурр. $hill-$ 'говорить' ~тинд., чамал., багул., ботл. $hi:tl-$ (и аналогично в других андийских) ($\sqrt{^*}hi:tl-$);

16. хурр. $hinz-urī$ 'яблоко, яблоня' (арм. из хурр. или урарт. $χncor$) ~вейнах. 'až', авар. $\bar{y}eč$, ботл. $inčy$, анд. $inči$, цез. $heneš$, дарг. $\bar{y}inč$, лак. $hiwč$, лезг. $ič$ и т. д. ($\sqrt{^*}inč-$)^{17a};

17. хурр., урарт. $hug-adi$ 'воин, войско' ~дарг. $hug-aba$, лак. $a'gal$, арчин. 'aga, 'войско' ($\sqrt{^*}aga-$ или $^*h^waga-$, первый согласный сомнителен);

18. хурр. $hurri$ 'утро; восток'¹⁸ ~вейнах. 'ū(r)ri 'утро';

19. урарт. $hut-$ 'обращаться к кому-либо' ~вейнахск. $hatt-//hūt-$ 'спрашивать; возможно, родственные слова в дарг., рутул., цахур.

20. хурр. $itt-$ ($<^*idd-?$) 'идти' ~вейнах. $-idd-$ 'бежать';

21. хурр. $kē$, урарт. $g/jē$ '(какая-то) емкость' ~ингуш. диал. $gī$ 'корыто' (?);

22. хурр. $ker-ae$ ²⁰ 'длинный', 'продолжительный' ~авар. $he-gaw$, ахвах. $wa-qh̄ar-ol̄da$, багул. $wa-naqum$, дарг. $bu-qh̄naw$, лак. $qh̄unaw$ 'старый' ($\sqrt{^*}qh̄VS-$, где S—согласн г//л//n);

23. хурр. $ki-g-$ 'три' ($<^*qi-qi?$) ~вейнах. $qo-$ 'три';

24. хурр. $lul-ah̄he$, урарт. $lulu-ini-$ 'чужак, чужой' ~вейнах. $lūl-ah̄o$ 'сосед';

^{17a} Из с.-в.-к. (кутийского?) также шумер. $hašhug$ 'яблоня', ср. $\sqrt{^*}Vnč-$ 'яблоко' + * log 'листья, дерево', ср. авар., анд., дарг. и др.

¹⁸ Названия «дороги» в других языках, перечисленные в СИЛД, стр. 142, относятся, очевидно, к другим корням.

¹⁹ $Hurri$ и $Šeri$, две горы, поддерживающие небо в хурритской мифологии, конечно, — 'утро' и 'вечер', а не 'ночь' и 'день'.

²⁰ Возможно, $k/h̄er-ae$.

25. урарт. lutu 'женщины (колл.)' ~авар. lladi, дарг. hupu-l, лак. ššar, агул. hir, рутул. hīdī-ldī, цахур. huna-šše 'жена', женщина ($\sqrt{*llVtu}$);

26. хурр. marī-appe 'колесничий', урарт. marī- 'высокое должностное лицо' ~вейнах. maug <*marī-'муж', 'мужественный';

27. хурр. -та частица отрицания, урарт. mī частица запрещения ~с.-в.-к. *mV то же;

28. хурр. miž(i) 'возвышенный(?)' (эпитет божеств) (?) ~вейнах. butt, авар. тосс', ахвах., карат., чамал. bo(r)cc'o, багул. boss'w, ботл. ригсе'w, дарг. waž-, лак. barz, арчин. басс, лезг. warz и т. д. 'луна, месяц' ($\sqrt{*m^w až-}$, *m^w arž-);

29. урарт. пек- 'разливаться (о канале, реке)' ~вейнах. пек- 'плыть'²¹;

30. хурр. riḡ^hli 'дом' ~(?) авар. бо-тл'-, анд. бет-тл'-, 'сарай' бежт. bitlo, гинух., гунз., хварш. бу-тлV- 'дом' (связь возможна, если b- в аварско-андо-цезских — не показатель класса — т. е. не < $\sqrt{*bV-тл'-}$, а корневой согласный; тогда из этого этимологического гнезда надо исключить лезг. qwal, крыз. qcol, будух. qil 'дом', хотя переход тл' > q здесь допустим)²²;

31. урарт. š-usi- (<*ša- 'один') 'первый' ~вейнах. ča, авар. со, хварш. has, дарг., лак. са, хиналуг., уд. sa и др. ($\sqrt{*ča}$);

32. урарт. š-uḡa- 'новый' ~авар. с'iu-ab, ахвах. č'iu-, другие андийские языки с'ip- (с вариантами и различными суффиксами), лак. с'u-ssa, лезг. с'iyi (с вариантами в других языках лезгинской подгруппы) ($\sqrt{*c'i-}$);

33. хурр. šaw-ala, урарт. šälə 'год' ~чеч. šo, ингуш. šu, авар. son, ахвах., багул. re-še/in (и аналогично в других андийских), лак. šin, арчин. san, лезг. yi-s, рутул., цахур. sen, крыз., будух. san, уд. u-sen ($\sqrt{*šaw-n-}$);

34. хурр. seḡ-ala-, урарт. šeḡ- 'чистый' ~(?) вейнах. с'æ-na то же, и мн. др.: общий с.-в.-к. корень $\sqrt{*cc'V}$;

²¹ Вряд ли тут есть связь с с.-в.-к. *Vnh(h)-/*nVh(h)- 'река'.

²² К другому коэно относятся ахвах. be-л-, караг., тинд. чамал., анд. и др. be/i'-, гинух., гунз. а-л-а, рутул. yi-л-ап и т. п. Однако возможна и ложная этимологизация начального *b- как классного показателя с последующей его утерей.

35. хурр. *ši/eja* 'вода', с.-в.-к. **li*—'вода', вейнах. *šə* 'лед' (сюда же? с.-в.-к. **la*—>хурр. *ja*-, по **li*—>хурр., вейнах. *ši*-?)
36. хурр. *šeri* 'вечер'~вейнах. *seri*, *sayr(e)*<**sari* 'вечер';
37. урарт. *ši*- 'приходить'~авар. *ba-č'*-i-пе, лак. *bu-č'*-ан, арчин. *č'ubus* то же ($\sqrt{^*č'i}$);
38. хурр. *šini*, урарт. *šiši*<**šin-ši*- 'два'~вейнах. *ši*- 'два'; ($\sqrt{^*š'i}$);
39. урарт. *šuri* 'оружие', мн. ч. *šurelə* 'вооруженное племя(?)' ~вейнах. *sur* 'войско' (сюда ли арм. *sur* 'меч', 'острый'—или к и.-е. **k'ō-r*-?);
40. урарт. *šušə* 'баран'~(?) авар. *τəl'e'er*, чамал. *τəl'ili*, бежт., цез., хварш. *τlil*, арчин. *τəl'al*, лезг. *qel* и т. д. 'ягненок' (связь возможна, если из **τəl'Vτəl'V*, то с переходом в **τəl.VτəlV*>**šVšV*, то с диссимиляцией в **τəl'VIV*-);
41. урарт. *ši*- 'течь' или 'лить дождем'~языки андийской подгруппы -с'- с различными классными показателями и суффиксами, дарг. *bi-c'-es*, лак. *da-r-c'-an*, арчин. *ba-c'-as*, лезг. *c'-(ur-)-un* 'таять' (аналогично в других языках лезгинской подгруппы) ($\sqrt{\quad}$, по Е. А. Бокареву, **c'w*-);
42. урарт. *šuə* [*cowi*-] 'озеро', 'море'; может быть 'вода' (ср. армянск. из субстрата *sov* 'озеро'), к тому же корню **c'w*;
43. урарт. *teq*- 'преклоняться'~вейнах. *teq*- 'ползать';
44. хурр. *te-ae*, урарт. *te-ae*, 'очень', 'много'~ингуш. *t'e* 'верх';
45. хурр. *teza-ṭi*- 'старый', урарт. *teš*-, *tiš*- 'созревать'~вейнах. *tiša* 'ветхий';
46. хурр. *u/ošhu* 'серебро'~авар. *'aras*, карат. *'arse*, анд. *orsi*, в других языках андийской подгруппы *a(r)s(i)*, дарг. *ars*, лак. *arcu*, табас., агул. *ars* ($\sqrt{^*(h?)warc^w}$ -, (*w*)*arch^w*-)²³;
47. хурр. *we*- основа 2 л. личного местоимения~вейнах. *ho*, дарг. *hu*, лезг., агул. *wun*, цахур. *ṭu*, будух. *win*, хиналуг. *wi*, уд. (*ṭ*)*un* ($\sqrt{^*hwe[n]}$);

²³ Арсальное слово. Г. А. Меликишвили указал на родство с грузинским. Нельзя ли видеть связь с и.-е. **rg'*-, ср. арм. *argat'*, греч. *ῥγρος*, фриг. *arz*-, лат. *argentum*?

48. урарт. *zel-di-* 'печень', 'внутренность' ~языки индийской подгруппы *ss'il-wa* (и варианты), гуиз. *č'ič'i-*, хиналуг. *č'iq-ild* 'кишки' ($\sqrt{\text{сс'іт:л'}}$ -, вариант čč'іт:л' -, с ослаблением аффрикаты в илауте до -л(і)-); урарт. *-di* доказанный словообразовательный элемент;

49. хурр. $\bar{z}o-$, $\bar{z}u-$, урарт. *šu-* основа косвенных падежей 1 л. личного местоимения ~вейнах. *so*, арчин. *zop*, лезг., агул. *zun*, цахур., ругул., хиналуг. *zī*, уд. *zu* ($\sqrt{\text{зu[n]}}$).

50. Под большим сомнением соответствие: урарт. *gazulə* 'хороший', 'красивый' (или нечто подобное) ~вейнах. *γaz-* 'хороший', 'красивый', так как рефлекс $g <^* \gamma$ или какого-либо его прототипа не представляется вероятным.

Не вполне надежными представляются и следующие сопоставления:

51. хурр. *nīzi* 'девять' ~авар. *ič'-go*, карат. *χač'-wa-da*, хварш. *uⁿč'i-n*, дарг., лак. *urč'*- цахур. *u-u'č'-ud* и мн. др. ($\sqrt{\text{чV-nč'-?}}$);

52. хурр. *ki-zī* 'тридцать' (<*ki* 'три' и $\bar{s}V$ — предположительно 'десятка', хотя 'десять' по-хурритски *eman*) ~авар. *apč'-go*, ботл. *apč-go*, тинд. *χas'-aya*, дарг. *we-c'-al*, лак. *a-c'a*, арчин. *wi-c'a*, лезг. *c'u*, уд. *wi-ss* 'десять' ($\sqrt{\text{с'V}}$).

Б. Морфология

1. Имя

Абс. падеж хурр., урарт. $\text{-}\bar{\emptyset}\sim\text{с.в.к.}\text{-}\bar{\emptyset}$;

Эргат. падеж хурр. \bar{s} , урарт. $\text{-}\bar{\text{š}}\bar{\text{a}}\sim\text{авар.}\text{-s}$; (зап.-лезг* -s дат. падеж);

Род. падеж хурр. -we , урарт. $\text{-w}\bar{\text{ə}} > \text{-i}(\bar{\text{ə}})$, но вытесняется²⁴ притяжательным прилагательным на $\text{-in}\bar{\text{ə}}\sim\text{вейнах.}\text{-in}$, лезг. -(i)n ;

²⁴ Это в урартском ареальное явление: в лувийском прилагательные на -ssas вытеснили родительный падеж в обоих числах, в армянском -с<п.с. адъективного суффикса -sk' только во множественном числе. Вейнахский и лезгинский родительный падеж на -in , разумеется, имеет тоже адъективное происхождение.

Дат. падеж хурр. -wa, урарт. -wə, -iə~вейнах. -w INSTR.-аблат. падеж, лезг. -w эргативный падеж, но в других языках лезгинской подгруппы -v дательный и/или направительный падеж;

Инстр.-аблат. падеж хурр. (-da)-n, урарт. -nə~ца-хур. -n инструментальный падеж;

Направит. падеж хурр. -t/da, урарт. арханч. -tə~вейнах. мн. ч. -tæ направит. падеж; лезг. -da локатив II;

Локативн. падеж хурр., урарт. -a~с.-в.-к. * -aḥ (по Е. А. Бокареву);

В с.-в.-к., как и в хуррито-урартском, характерно образование цепочек из двух и более падежных показателей.

Множественное число хурр. -āš/z-, урарт. -a-, -aš-~вейнах. -aš-, -a¹š-;

Образование прилагательных: хурр. -anne, -inne, -u/opne, урарт. -inə~вейнах. -e(n), -o(n), -u(n), -(i)n, лезг. -n;

хурр. -ae>-e, урарт. -aje>-ā~вейнах. -a, -æ;

Имеются более сомнительные соответствия хуррито-урартским адъективным показателям -γi, -(o)hḥa, -izzi (урарт. -usi-) и т. д. (в виде соединительных и других вспомогательных адъективных формантов -γ-, -wh-, -č-).

2. Глагол

Инфинитив, герундий, деепричастие, наречие: хурр. -i/o-ssī-, урарт. -i/o-ši-~с.-в.-к. *-Vse;

Модальный показатель хурр. -ll- (-rr-, также -nn-?), урарт. -l-~вейнах. -l- (также и в некоторых других с.-в.-к. языках);

Напомним, что структуры глагола в северо-восточно-кавказских языках совершенно отличны от хуррито-урартской.

3. Местоимения и частицы см. в разделе лексики.

Получаем следующие консонантные рефлексы²⁵:

²⁵ В скобках—рефлексy, реконструированные в качестве вероятных, но пока не представленные примерами. Рядом с хурритским и урартским рефлексами цифрой [1] указаны рефлексy, представленные только одним примером.

Северо-восточно-кавказские	Хурритские	Урартские
1	2	3
m	m	m
n	n, r	n, r
r, l, ll	r, l; ll	r, l
y	j	j
b	p-, -b- [l]	(b)
p	(p-, -b-)	(p)
p'	(p-, -b-)	(p) [p̣]
w, -w-; -ww-(?)	f-, -w-; -ff(-)	w, -∅-; -w, -v- (граф. -u, -b-)
d; dd	t-, -d-(?); -tt-(?) [l]	(d)
t; tt	t, -d-	t
t'	t-, -d-(?)	ṭ
tt'	(t-, -tt-)	(t)
z	z̄ [l]	š [s] [l]
s	s̄ -z̄-	š [s]
ss	(s̄-, -ss-)	š [s] [l]
z̄	z̄	š [c]
c	z̄, s̄	š [s] [l]
cc	(s̄-, -ss-)	
c'	s̄-, -z̄- #	š [s]
c'(w)	(s или š?)	š [c]
cc'	(s̄- -z̄-)	z(?) [l]
š	s̄- -z̄-	š [s]
č	z [l]	z [z?]²⁶ [l]
čč	(zz ?)	(s ?)
č'	z̄	š [s] [l]
čč'	(s̄-, -z̄-?)	z (?) [l]
λ	h, s, š (?) [l]	h [l]
λλ		l [l]
ðλ	r (?) [l]	r (?) [l]
τλ'		š [s] [l]
ττλ'	l [l], rl [l]	rl (?) [l]

²⁶ Судя по армянской форме.

1	2	3
g	k-, -g- [1]	i/g [1]
k	(k-, -g-)	k [1]
kk	(k-, -kk-)	(k)
k'		
kk'		
γ		
χ		
χχ		
q	k/h [1]	q [1]
qq		(q)
q'		
qq'		
$\overline{\gamma}$	(h- -γ- ?)	[γ] (граф. h)
h, h ^w	h- -γ-	h
hh	(hh)	(h)
gγ		
qh	k/h (?) [1]	
qqh		
qh'		
qqh'	k/h(?) [1]	
·	h	h
h	∅	∅
h	h (в hlll-?) [1]	
h ^w	но ∅ (в eze-?) [1]	∅ [1]
		· [1]

Как видно из вышеизложенного, материал все еще скуден и в значительной части мало надежен, но все же вероятность отнесения северо-восточно-кавказских и хуррито-урартских к одной семье (которую можно было бы назвать «восточно-кавказской») не только с 1954 г., когда эта мысль впервые была сформулирована, но и с 1972 г., несомненно, возросла.

М. Л. ХАЧИКЯН

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ХУРРИТСКОГО ЯЗЫКА

(Краткая сводка)

До сих пор хурритский язык рассматривался как одно целое, без диалектных различий. Лишь в последнее время было обращено внимание на то, что существующие хурритские памятники отражают не единый литературный язык, а пучок диалектов¹.

В статье сделана попытка представить в виде таблицы расхождения в области морфологии по различным группам хурритских памятников. Поскольку в таблице отражены лишь отдельные факты морфологии, постольку, разумеется, картина распределения диалектных особенностей хурритского языка не может претендовать на полноту.

Таблица разделена на следующие графы:

а) диалект Уркиша, представлен строительной надписью конца III тыс. до н. э., найденной на севере Месопотамии. Первое издание: *A. Parrot et J. Nougayrol. Un document de fondation hurrite* (RA 42, 1918, стр. 1—20), обработка И. М. Дьяконова (НУ, стр. 110, прим. 123);

б) диалект «угаритский» I, представлен шумерско-хурритской билингвой из Рас-Шамры, изданной Ф. Тюро-Данженом

¹ Ср. *E. Laroche, Ugaritica V*, 1968, стр. 527—533; *V. Haas, H.—J. Thiel et al., Das hurritologische Archiv*, [Berlin], s. a.; *М. Л. Хачикян, Шумерско-хурритский словарь из Рас-Шамры как источник по хурритской диалектологии, ВДИ*, 1975, № 3, стр. 21—38.

Форманты	Хурритские	
	уркишский	угаритский I
	а	б
1. Директив I		
2. Директив II		
3. Локатив-дестинатив		-e
4. Притяжательное мест. 3 л. ед. ч.	-ja или -a?	-di
5. Указательное мест.	halle	
6. Субъектно-объектное мест. 3 л. ед. ч.	-n, -m(e)	-ne?
7. Множественное число	-id-?	-az(ə) -āz(ə)
8. Отрицание	-wa-	-k(ə), -m(ə)
9. Переходность	-i, -u	-i
Непереходность		-a
Состояние		-o
10. Предикативное причастие переходное	-i	-i-z(ə)
Пред. прич. непереходное		-a-z(ə)
Пред. прич. состояния		-o-z(ə)
11. Императив-юссив	-i/e(-n)	
12. Кондиционалис		
13. Индикатив 1 л. ед. ч.		
14. Индикатив 2 л. ед. ч.		
15. Индикатив 3 л. ед. ч.	-∅ (+-m)	-ja
16. Неожждествленный глагольный суффикс		-te

(Syria XII, 1931, стр. 234—266) и обработанной нами (ВДИ, 1975, № 3, стр. 21—38);

в) «вавилонский» диалект, представлен заклинаниями из Мари (*F. Thureau-Dangin, Tablettes hurrïtes provenant de Mâri, RA* 36, 1939, стр. 1—28) и других городов Вавилонии (*J. van Dijk Nicht-kanonische Beschwörungen und sonstige literarische Texte, VS NF I, 1971, №№ 5, 6, 20, 26*) XIX—XVII вв. до н. э.

г) «митаннийский» диалект, представлен письмом митаннийского царя Тушратты Аменхотепу III начала XIV в. до н. э.

диалекты				Урартский язык
вавилонский	митаннийский	угаритский II	малоазийский	
в	г	д	е	ж
-da	-da	-da	-da	*-tə
-di			-di	-(i)edə, -(i)də
-a	-a	-a	-a	-a
-je	-(i)je/a	-a	-ja	-(i)'ja-, -(i)j(ə)
an(n)a	anne	anne	anne	alə
-n, -b	-n(na), -ma/e-	-n, -ma	-n, -me	-nə, -bə
-id-/-u ⁿ d-	-id-		-id-	-it-
-a(z̄)	-a(z̄), -za	-a(z̄), -za?	-a(z̄)	-a(š̄)-
-wa-, -ma-	-wa-, -ma	-kk-	-we-?	
-i	-i	-i	-i	-i, -u
-a	-a	-a	-a	-a
-o	-o	-o	-o	-o
-i-b	-i	-i	-i	-i
-a-b	-a	-a	-a	-a-bə
-o	-o	-o	-o	-o
-i/e(-n)	-i/e(-n) -al/e(-n)	-i/e(-n), -a	-i/e(-n) -ae/e-z̄	i/e(-nə) -a(i)-(nə)
	-ewa	-ewa?, -awa		-eja
-aw?	-aw(wə)	-aw, -o	-aw, -o	-və
-u?, -iw?	-u/o	-iw	-u/o, -iw	-aw?
-a	-a, -ja	-a	-a, -ja	-∅(+ -nə), -a(+ -lə)
		-te		

(J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, Berlin, 1932, стр. 8—32);

д) диалект «угаритский» II, представлен текстами XIV в. до н. э. из Рас-Шамры, изданными Э. Ларошем в *PRU III*, 1955, стр. 311—355 и *Ugaritica V*, 1968, 448—589;

е) «малоазийский» диалект, представленный текстами XIV—XII вв. до н. э. из Богазкея.

Богазкейский материал автором не подвергался полной проработке, и особенности этого диалекта даны лишь предварительно,

по данным, приведенным в грамматиках Э. А. Спейзера² и И. Тиля³.

Данные по урартскому языку приведены по материалам И. М. Дьяконова⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1д. Почти полностью вытеснил окончание дательного падежа -wa, употребляющееся в этом диалекте, по-видимому, только в наречном значении. Ср. ašhlm šuškd=ašholumme Ša(w)uška-da „жертвоприношение Шавушке“ (R.S. 24.261, 3), но alamuwan ašta ḥanaštekki „вовекн жена его не родит“ (R.S. 15.10, 9).

1ж. Сохранился только в формах множественного числа. В единственном числе вытеснен суффиксом -(i)edō (из самостоятельного слова edī «тело, вещь», имеющегося и в хурритском).

2. -di < edī, послелoga именного происхождения со значением «для, ради».

3д. Это окончание Ф. Хааз и Г. Вильгельм толкуют как притяжательное местоимение 3 л. ед. ч. -j(e) +-a (показатель статива-дестинатива)⁵. Однако ввиду того, что это окончание употребляется в «угаритском» II в сочетании с притяжательным местоимением 3 л. ед. ч. -di, более вероятным кажется, что мы имеем дело с показателем локатива -a (без слияния с предыдущим тематическим гласным), имевшего, по-видимому, и дестинативное значение.

4а. Ср. ḥa-wə-ḥə-a «его молитву (пусть не услышат)», Ур-киш, 16.

4б. -di (из edī??) вытеснило, вероятно, первоначальный притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. -je, сохранившийся, однако в фор-

² E. A. Speiser, Introduction to Hurrian, New Haven, 1941.

³ V. Haas, H.-J. Thiel et al., ук. соч., стр. 98–239.

⁴ I. M. Diakonoff, HÜ, München, 1971.

⁵ V. Haas/G. Wilhelm, Hurritische und luwische Riten aus Kizzuwatna, „Alter Orient und Altes Testament“—Sonderreihe, Bd. 3, 1974, стр. 133.

ме множественного числа: *uṭḫuri-di* „его сторона“ (Voc. IV₁₆), но *uṭḫuri-jaṣ(ə)* „их сторона“ (Voc. IV₁₇). Ср. аналогичное явление с показателем направительного падежа ¹⁷·tə в урартском (прим. I ж.).

4д. Ср. *ast(i)-a* „его жена“ (R.S: 15.10, 9).

5а. *halle* соответствует, по-видимому, позднешему *an(n)a/e*. О чередовании *l/p* см. ИИ 27. В урартском эта основа употребляется в указательно-относительном значении (*alə*).

6. Местоименная частица *-ta/e-* встречается только в цепочке вспомогательных слов в начале предложения, в отличие от *-n(na)*, употребляющейся во всех остальных случаях. Ср. *inu-me-nin* (Mit., *passim*), *inu-me* (KUB XXIX 8 IV 8, 16, 27) и др.

Частица *-m* (*rah-ast-u-m*, Уркиш, 5), генетически, видимо, связанная с *-ta/e-*, является, вероятно, фонетическим вариантом *-b*. Последний известен только в «вавилонском» хурритском и в урартском (в 3 л. ед. ч. непереходного глагола/причастия), в позднейших хурритских материалах встречается только в именах собственных как архаизм (*Un-a-b-*, *Ag-a-b-*, *Ḫaz-i-b-* и др., ИИ 85). О чередовании *-b/-m* в именах собственных см. ИИ 62.

Тот факт, что элемент *-b* присутствует только в причастиях переходных (*paṣṣ-i-b*, Mari I, 1) и непереходных (*šiw-a-b*, VS NFI 5, 3 и 5), но не в причастиях состояния (*šatt-o-n*, Mari I, 6), свидетельствует о том, что *-b* в этих формах является показателем субъекта действия (не состояния!) и о наличии противопоставления *действие : состояние* в хурритском.

7. *-a(z̄)* с именами (*tiwe-n(e)-a*, *šew/ye-n(e)-az̄-uš*); *-id/-und-* и *-za* с глаголами:

-id/-uⁿd- с „юссивными“ формами (*tadaṣṣ-id-en* „пусть любят“, Mit. I₇₈), в „вавилонском“ диалекте также с „индикативными“ (*raḫanažus̄ ad-ud-a* „горы ad-уют?“, Mari 5, 8) и причастными (*ḫiz̄-ud-o ḫawⁿru-na* „земли находятся в состоянии *ḫiz̄-*“, VS NFI 5, 10—11); *-za* с индикативными формами (*uṭ-aw-za-sse-na-maṣ* „и то, что мы желаем“, Mit. I₈₀) и „юссивными“

(it̄-ai-zā-lla-an „и пусть они придут“, Mit. IV₅₁₋₅₂). Неясно значение -zā в форме pa-X-ḥa-wə-ša=X-awa-zā, соответствующей аккадскому teleqqe „(если) ты возьмешь“, R.S. 15.10, 1 и 5.

Судя по месту -id- в цепочке суффиксов (5-я позиция), в отличие от -zā, стоящем в непосредственном соседстве с показателем субъекта/объекта (11-я позиция), можно предположить, что -id- указывает на множественность действия, а не субъектов.

7ж. В урартском, как и в «вавилонском» хурритском, -it(o) употребляется как с «юссивными», так и с «индикативными» формами, ср. НУ, табл. 6.

8а. Ср. ḥa-su-e-in=ḥaz̄-u-wa-i/e-n? „пусть не услышит“, Уркиш, 17.

8в. Закономерности в употреблении -ma и -wa не прослеживается: īza(s̄)-ma „не я“ (Mari 1, 30), но s̄ini-wa-l(la) „не двое/двоих?“ (Mari 5, 14); kib/w-iw-ma-l(la) „ты их не устанавливаешь/ставишь?“ (VS NF 1, 26, 9), но fur-iz̄-u-wa-l(la) „ты их не узнаешь?“ (там же, стр. 10).

8г. -wa- на 7-й позиции (перед модальными и личными показателями);

-ma в абсолютном конце слова и только в формах 3 л. ед. ч. индикатива. Возможно, выражает абсолютное отрицание?

8б, д. -kk- ср. в ḥi-li-ṣu-ki „он не сказал“ (Voc. I₁₆), ḥa-paste-kk-i „не рожающая (не родит)“, R.S. 15.10, 9. Не путать со стоящим на той же позиции (6-ой) суффиксом -kk-, обозначающим, по-видимому, деятеля (ašḥoz̄ikkoppe „жертвователь“, aṣṣimikkoppe, taṣakka „человек“ и др.). Возможно, речь идет о двух разных формантах, выражаемых на письме одинаковыми средствами?

8б. -mā в ra-li-ja-mi „он не сказал“ (Voc. I₁₈).

9а. -u- во всех формах, кроме причастных: taṣp-l „(тот, кто) уничтожающий“ (Уркиш, 12), но raḥašt-u-m „он(а) построил(а)“ (там же, 6), sāgr-u-i/e-n „пусть охраняет“ (там же, 10).

9ж. -i в причастиях и „дебитив-финалисе“, -u- в остальных случаях, ср. НУ, 11, прим. 13¹⁾.

106. Этим, по-видимому, причастным формам соответствуют в тексте шумерские спрягаемые формы глаголов и причастия. Обратить внимание на употребление элемента \bar{z} , встречающегося в других диалектах лишь в «юссивных» и «деепричастно-сущинных» формах на -ae.

11—12. Все модальные наклонения в хурритском языке можно условно разделить на две группы: так называемые «юссивные» (показатели -i/e и -ae) и «условные» (показатель -ewa).

Такое деление оправдано и тем, что при глаголах I группы подлежащее (субъект действия) ставится обычно в эргативе, а глаголы «условных» наклонений эргатива не требуют. Ср. $\bar{seniffu\bar{s}}$ ag-i/e-n «мой брат пусть даст» (Mit. III_{96, 97}), $\bar{seniffu\bar{s}}an$ pall-ae-n «мой брат пусть знает» (IV₁₀₈), но $\bar{seniffennan}$ $\bar{h}illol$ -ewa «если мой брат скажет» (IV₄₅).

11—12д. Формы на -a (вм. -i/e) и -awa (вм. -ewa) встречаются только в аккадско-хурритской билингве (R. S. 15. 10): $ragan$ -a, $ugol$ -a, X-awa- \bar{z} a. Поэтому, возможно, предпочтительнее огласовки на -a (ср. также $alatuwa$ при бог. $alutu$) является особенностью не данного диалекта, а только этого текста.

11ж. В урартском бывшее субъектно-объектное местоимение -nэ вошло в состав формы глагола 3 л. ед. ч. «императива», и к нему в свою очередь может присоединяться еще одно -nэ (ср. ИУ, табл. 8).

13в. Один сомнительный случай: a-ga- \bar{u} -um=ag-aw-ma? (Marti 2, 4).

13г. -awwэ в отрицательной форме: ku-zu-u- $\bar{s}i$ -uw-wэ-la-an=koz-oz-i-o(<wa)-(a)wwэ-l(la)-an «и я их не задержал» (Mit. IV₄₆).

13д. -o(<-aw): $\bar{iz}a(\bar{s})$ -lla...X-oz-o «я их X-овал» (R.S. 15. 30+49, 2).

-aw ср. в tal-ma- \bar{u} =talm-aw «я делаю большим?» (R.S. 19. 157 с, 2), ti-la- \bar{u} =til-aw (R.S. 19. 153, 7).

14в. kiw-lw-ma-l(la) tiwe-na fur- \bar{iz} -u-wa-l(la) «ты не устанавливаешь слова, (и) ты их не узнаешь» (VS NFI 26, 9—10).

14д. ta-ti-ib = tad-iw „ты любишь“ (R.S. 15. 30+49, 3).

15а. paḥ-ašt-u-m „он(а) построил(а)“, Уркиш, 5.

15б. pa-li-ja-mi „он не сказал“ (Voc. I₁₈).

15в. pa-ba-n(e)-až-uš ad-ud-a se-we-n(e)-až-uš nu-d-uⁿd-a „горы ad-уют, воды nu-d-уют“ (Mari 5, 8—9). О суффиксе множественного числа -uⁿd- см. выше, прим. 7.

15д. ar-oz-a „он дал“, R.S. 19. 146, passim.

16б. pa-šu-ši-te (III₇), bi-šu-šu-te „он вырыл“ (III₂₂)

16д. pa-li-X-te (R.S. 15. 10, 14), š[i?]-nu-te (R.S. 15. 30+49 1а), ḥa-nu-te-ti (R.S. 15. 30+49, 4а).

* * *

Как видно из вышеприведенной таблицы, можно выделить 3 основные группы хурритских диалектов:

1. диалект Уркиша, который обнаруживает некоторые черты, отличающие его от других хурритских диалектов, но сближающие с урартским (ср. пункты 5, 9, 15);

2. «угаритский» I⁶, стоящий почти особняком; отдельные черты сходства его с «угаритским» II диалектом (ср. пункты 8 и 16) объясняются, очевидно, прзднейшей территориальной близостью.

3. В последней группе («вавилонский», «митаннийский», «угаритский» II и «малоазийский»), наиболее архаичным является «вавилонский» диалект (ср. элемент -b, не сохранившийся в других диалектах, но наличный в урартском, а также суффикс -ido, употребляющийся, как и в урартском, не только в модальных, но и в «индикативных» формах); сходные черты выявляются между «угаритским» II и «малоазийским» диалектами (ср. пункты 13, 14).

«Митаннийский» диалект занимает среднее положение в этой группе диалектов.

⁶ Памятник, которым представлен этот диалект, хотя и найден в Угарите, возможно, происходит из другого места и, во всяком случае, принадлежит к другому (более раннему?) слою хурритских диалектов.

И. Т. КАНЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ШУМЕРСКОЙ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

(Функции орудийно-отложительного падежа)

1.0. Шумерские падежные формы, выражающие пространственные отношения, отличаются многофункциональностью. Значения этих форм во многом обусловлены их употреблением с глаголами и именами различных семантических классов. Исследователями уже отмечалась способность орудийно-отложительного падежа (показатель *-ta*) выражать наряду с основными значениями—аблативными и орудийными—также и локативные отношения. Однако до сих пор не делалось попытки определить, в каких условиях контекста орудийно-отложительный падеж (в дальнейшем *Instr.-Abl.*) может выражать это значение.

1.1. Локативные значения *Instr.-Abl.* обнаруживаются достаточно четко прежде всего в конструкциях с глаголами состояния («жить», «сидеть» и т. п.), а также с переходными глаголами, соотносительными по семантике с глаголами состояния («ставить», «класть» и т. п.): *me-gé-ni-ta bi-in-gub* «она поставила (дерево) у своих ног» (GH 77, 35, 30, 78)¹; *barag-kug barag-sikil-ta* (вар. *-da*) *ši-im-me-e-da-an-tiil* «она живет при священной часовне, при чистой часовне (SGL I 19, 159); *kaš-ta tuš-a-ni* «если она сидит при (приготовлении) пива» (LE 20); *uri-gal abzu-ta si-ga* «большая эмблема, поставленная при „абзу“ (EWO 164).

1.2. Следует отметить, что локативные отношения—в конструкциях с теми же глаголами—мог передавать и шумерский совместный падеж (*Comit.*, показатель *-da*).

¹ В скобках приводятся общепринятые в шумерологической литературе сокращенные названия текстов.

giš ma-nu nam-sipad-da zag-da h́e-em-dè-gub „(пальцу из) дерева „ману“, (знак) пастырства, ты положил рядом (букв. „поставил у бока“), (EWO 430); x áb y gud... Igi-zid udul-da e-da-sig, „у Игизиды, пастуха, живет x коров (и) у быков“ (TSA 30); en-idim An lugal-da... i-im-tuš „могучий владыка сидит вместе (рядом) с царем Аном“ (EWO 197); urí é-da si-si-ga-bi „эмблема, стоящая при храме“ (Gud. Cyl A XXVII 18).

Материалы памятников показывают, что Comit. в рассматриваемой функции выступает чаще, чем Instr.-Abl.

Синкретизм значений падежных форм отмечается, как известно, во многих языках, причем различной типологии, однако можно попытаться выяснить, имеем ли мы дело с абсолютно одинаковой функцией или нет. Уже тот факт, что в текстах, сохранившихся в нескольких версиях, в конструкциях, требующих употребления совместного падежа, в одной версии отмечается показатель Comit. -da, а в другой -ta, наводит на мысль о возможности графической передачи показателя Comit. -da знаком TA², ср. (dam -a)-ni-da gú-da ba-ni-in-lal и вариант dam-a-ni-ta gú-da-a ba-ni-in-lal „я обнимусь с его женой“ (LE 10).

Таким образом, в конструкциях с определенной группой глаголов показатель -ta, возможно, представляет собой графический вариант форманта Comit. -da.

2.1. Второй тип употребления Instr.-Abl. при выражении локативных отношений составляют конструкции с именами пространственной ориентации («верх», «низ», «сторона» и т. п.), превратившиеся в устойчивые адвербиальные сочетания и имеющие как аблативные, так и локативные (место, среда) значения. В наших материалах засвидетельствованы такие сочетания лишь с глаголами состояния. an-ta „сверху, наверху“ (букв. „с небес“). ^{sa}šuš-gal... Ubme^{ki}-a an-ta h́e-šuš „пусть он набросит сверху (букв. „с неба“) на Умму большую сеть!“ (Ean I R I 25. 29—30). mēš mēš-e an-ta i-im-nàd „лежит (убитый) герой сверху другого героя“ (LE 193). bar-ta „снаружи, поодаль“ (букв. „от стороны“).

2 Вопрос об оппозиции звонкий-глухой в шумерском языке пока не изучен.

bar-bi-ta gi-gíd za-am-za-am-e „снаружи“ (букв. „с боку“) его (города)—флейта (и) инструмент „замзам“ (FA 36). ^dU[tug-š]ag₅-ga-ni bar-ta ba-da-gub „его добрый демон стоит поодаль от него“ (DU 175). šag₄-ta „изнутри, внутри“ (букв. „из середины“). šag₄-bi-ta gud gū-nun-di-dam „из его (храма) середины ревет бык (или „внутри него находится ревущий бык“) (ELA 266). ugu šag₄-bi-ta še-gar al-gar „внутри города происходит (букв. „помещается“) резня“ (IG 65—66).

2.2. А. Фалькенштейн (GSGL II § 109 b3) квалифицирует как локативные по значению конструкции с глаголами действия, в которых форма Instr.-Abl. обозначает местонахождение действующего лица. Следует, однако, заметить, что в таких конструкциях может сохраниться собственно аблативное (источник действия) значение. Так, в следующих примерах, где выступают глаголы речи, называния, обращения и т. п., Instr.-Abl. сохраняет исходное значение: [ud ^d]Nin-[gír]-su-ke₄ Gír-nun-ta [kl-ág-ga-ni ba]-pàd-da-a é-ninnu-[a] nam-[ni] mu-na-[tar]-ra ^dNanše é-sirara_x-ta igi-zid [mu-š]i-bar-[ra] „когда Нингирсу из (святилища) Гирнун назвал своего любимца, когда из Энинну определил ему судьбу, когда Нанше из Эсирара посмотрела на него благосклонно“ (Ent. 35 III 1—9), [сравни примеры, где вместо орудийно-отложительного употреблен местный падеж: ud ^dNin-gír-su-ke₄... Gù-dé-a sipad-zid-šè kalam-ma ba-ni-pàd-da „когда Нингирсу назвал Гудеа в стране в качестве благочестивого пастыря“. (Gud. St B III 6. 8—9); nin Gír-su^{ki}-a nam-tar-re „госпожа, решающая судьбы в Гирсу“ (Gud. St E I 6)]. kug-^dInanna-ke₄ kur-MUŠ-ta šag₄-kug-ga-ni-a hē-em-ma-ni-pàd-dè-en „святая Инанна из страны „Муш“ назвала меня в своем чистом сердце“ (LE 294—295; 360—361); mà-e abzu-ta zag-mí dug₄-ga-mu-dè „чтобы я произносил хвалу из абзу“ (ELA 57, 88); ^dNin-gír-su Nippur^{ki}-ta nír-gál „Нингирсу, уважаемый из Ниппура“ (Ukg. 5 XII 12). [Сравни случай с именем в местном падеже ^dNin-gír-su... Nippur^{ki}-a nír-[gál] „Нингирсу, уважаемый в Ниппуре“ (Gud. Cyl A II 11—12)]. na-rú-a Lugál-kisal-si Gù-dé-a en-^dNin-gír-su-ke₄ Gír-nun-ta mu-zu „вла-

дыка Нингирсу из Гирнуи дал знать Гудеа (о) стеле Лугальки-сальси" (Gud. Cyl. A XXIII 9—11). *ud-ba gešlug-dirig me-zu an-ki-a ki-tuš-a-ni-ta šag₄-dingir-re-e-ne-ke₄ ši-in-ga-zu-a* „тогда (имеющий) величайший разум, знающий „обряды“ небес (и) земли, тот, кто сообщает из своего покоя волю богов“ (IE 18 SLTNI 32, 9—10).

3.1. Особого внимания заслуживают несколько конструкций с Instr.-Abl., которые определялись исследователями как локативные.

Прежде всего обратимся к конструкции типа: храм—название какой-либо храмовой постройки или части храма—притяжательное местоимение—показатель Instr.-Abl., например, *é bappir-bi-ta* «из пивоварни храма» буквально «храм-пивоварня его из». А. Фалькенштейн (GSGL II § 109 b 3) переводит „in seinem Brauhaus“). Однако отношения, передаваемые Instr.-Abl., скорее выступают здесь как аблативные—источник действия/состояния; *é-bappir-bi-ta id^{id}igna a-ù-ba gál-la-àm* „(то, что) из пивоварни храма—Тигр во время половодья“ (Gud. Cyl. A XXVIII 12—13). *ká-ki-lugal-ku₄-bi-ta hu-ri-in am-šè igi-il-il-dam* „(то, что) из ворот, куда входит царь,—орел, глядящий на дикого быка“ (Gud. Cyl. A XXV 5—6). *si-gar-bi-ta muš-šag₄-túr muš-huš am-šè eme éd-dè* „(то, что) из засова—змея „шагтур“, ужасная змея, жалающая дикого быка“ (Gud. Cyl. A XXVI 24—25); *a-lál-bi-ta Ka-sud_x-da* „(то, что) из помещения „алал“—молитва“ (Gud. Cyl. A XXVII 16). *é-gud-bi-ta ia-tu ga-tu gir₄-maḥ-bi-ta gúg-gal si-gal* „(то, что) из скотного двора—масло..., молоко..., (то, что) из пекарни—большой хлеб „гуг“, большой хлеб в форме рога“ (Gud. Cyl. A XXVIII 3—6).

3.2. Вторая конструкция имеет следующий состав: название города в Loc. (показатель Loc. может быть графически не выражен)—слово со значением «город»—определение к нему—показатель Instr.-Abl., например, *Kiš^{ki}-a ugu-nam-lugal-la-ta* букв. „Киш-в-город царственности-из“. А. Фалькенштейн переводит „in Kiš, der Stadt des Königiums“ (GSGL II 145³), т. е. сочетание *ugu-nam-lugal-la-ta* толкуется им как приложение к слову Киш. Однако при таком толковании ожидался бы лишь один падежный показатель (либо Loc., либо Instr.-Abl., если считать, что

он может передавать локативные отношения), так как в шумерском языке при сочетании «определяемое-определение» падежные показатели оформляют сочетание в целом, а не каждый его член. Поскольку присутствуют два падежных показателя, сочетание *ugi pam-lugal-la-ta*, очевидно, имеет самостоятельное значение.

3.2.1. С предшествующей конструкцией сходна следующая, включающая название святилища в *Loc.*, существительное, притяжательное суффиксальное местоимение и показатель *Instr.-Abl.* Значение источника в такой конструкции оказывается пограничным со значением причины (аблативно-каузальные отношения):
èš-Uri^{ki}-a pam-galam-ma-bi-ta šag₄-bi-a^d Èn-ki^d Nin-ki-ne pam-si-si-sá-bi-ta me šu ši (!)-im-du₇-du₇-ne „Энки (и) Нинки в святилище Ура из-за его совершенства, в нем из-за его правильности делают совершенными обряды“ (MNS 35 Rs 7—9). Нельзя ли точно так понимать и *Kiš^{ki}-a ugi-pam-lugal-la-ta é-ḥur-sag-kalam-ma^{ki} é-éš-[dam]-zu 7-kam-ma* „в Кише из-за того, что он царский город (букв. „из-за города царственности“), находится храм Эхурсагкаламма, твой седьмой покой“ (ОЕСТ I 16 III 19)? Отметим, что в тексте, из которого взят этот пример, по крайней мере в одном случае вместо *Instr.-Abl.* употреблен направительный падеж (показатель *-šè*), который в шумерском довольно часто передавал причинные отношения: *Urim^{ki}-ma kisal-ad-da-zu-šè é-Dilmun-na é-éš-dam-zu i-kam-ma* „в Уре, из-за того, что он двор твоего отца, находится храм Эдильмун, твой первый покой“ (ОЕСТ I 16 III 7—8). *^dGá-tùm-dùg nin-a-né Lagaš^{ki} ugi-ki-ág-gá-ni-ta unu₆-šuba-a mu-ni-tud-da-a* „его госпожа Гатумдуг в Лагаше, из-за того, что он ее любимый город, родила его в святилище...“. (Gud. St E I 12—16). *en-ud-sud-du-ke₄ ugi-ni-ta^dSuen-e dūr ki ba-ni-in-gar* „владыка далеких дней, Суэн поселился в нем из-за того, что он его город“ (MNS 55, 6—7).

4.0. В шумерском языке пространственные падежные отношения могли находить отражение в спрягаемой глагольной форме с помощью специальных пространственных префиксов, состоящих из местоименного элемента, указывающего на лицо или класс косвенного объекта, и соответствующего падежного показателя.

В шумерском языке известны случаи нарушения корреляции падежных форм и пространственных префиксов, когда при сохранении в глагольной форме прежнего префикса имя, обозначающее косвенный объект, получало другой падежный показатель (по значению близкий первоначальному). Так, в предложении Ag-ga-šè gù mu-na-dé-e „он говорит Age“ (GA 64), вместо показателя дательного падежа (Dat.) -ga при имени стоит показатель направительного падежа -šè, но в глагольной форме присутствует пространственный префикс Dat. -na.

4.1. В шумерских текстах наблюдаются случаи, когда имя, с которым можно соотнести пространственный префикс Instr.-Abl., стоит не в том же самом падеже, как следовало бы ожидать, а в Loc. Конструкции подобного типа, казалось бы, свидетельствуют о способности пространственного префикса Instr.-Abl. выражать локативные отношения. Заслуживает, однако, внимания тот факт, что в конструкциях с именем в Loc. и с пространственным префиксом Instr.-Abl., засвидетельствованных в наших материалах, выступают глаголы, выражающие перемещение предмета/лица (субъекта или объекта действия), причем имя, обозначающее место действия (пункт, среду и т. п.) стоит в Loc. *udu-ba udu-šag₅-ga-bi lú ba-ta-túm-mu* „из этих овец (Loc.) человек уносит („несет -ta“) лучшую овцу“ (Ukt. 6 I 3—4). *men-kug ...sag-zu-a um-ta-gá-ar* „снял бы ты („положил -ta“) священную корону со своей головы (Loc.). (ID, UET VI II 8), ср. *men-kug sag-za* (вар. -zu) *um-te-gál... túg-ME-kug bar-za* (вар. -zu), *um-te-gál... gišgidri-kug šu-za um-te-gál...*, *kuš³e-sír-kug gir-za* (вар. zu) *um-te-gál* „если бы ты снял („имел -ta“) священную корону со своей головы (Loc.), если бы ты снял какую-то одежду со своего тела, если бы ты выбросил из своих рук священный посох, если бы ты снял сандалии со своих ног“ (SK 2 II 10—13 из LE стр. 169). *dubbin-?-ni mu-sír ba-ra³-an-túm kur-gar-ra ba-an-dím dubbin-su₄-še-gin(!)-na mu-sír ba-ra-an-túm ga[la-tur ba-a₄]-dím* „он взял грязь из-под ногтей, сделал „кургара“, он взял грязь из-под ногтей,

³ В глагольной форме вместо префикса -ta- фигурирует совпадающий с ним по значению префикс -ga-.

сделал галатура" (ID 219—220). amar-mu gùd-ba a-ba-a ba-ra-ab-tùm Anzu^{mušen} gùd-ba a-ba-a ba-ra-ab-tùm „кто унес („нести -га-“) моего птенца из его гнезда (Loc.), кто унес Анзу из его гнезда (LE 88—89). "Utu ki-šár-ra ma-ta-éd „солнце вышло („выходить -та-“) из горизонта" (Loc.), (Gud. Cyl A II 22); ninda-maḥ-mu é-kur-ra éd-mu-na-ra-ab-zé-[e]n", выдайте ему из Экура (Loc.) мой прекрасный хлеб". Gliš-hur-tur-re ká-gal-la ba-ra-éd „Гиришхуртура вышел из больших ворот (Loc.)" (GA 59). é-gal ki-ḤAR-šag₃-a-za ḥúl-la-zu-ù gala nam-ta-dag-ge „пусть не прекращается радование тобой в твоём дворце, в месте..." (SLTNi 80, 43—46).

4.2. В таких конструкциях, как представляется, выступает не локативное значение Instr.-Abl., а выражение с помощью Loc. значения источника действия (аблативные отношения). Что касается пространственного префикса -ta- в глаголе, то его присутствие в глагольной форме, нарушающее корреляцию, может объясняться сращением префикса с глагольным корнем, ср. sag₄-lú- 36000-ta šu-ni e-ma-ta-dab₃-ba-a „когда он схватил (выхватил) его руку из середины 36000 людей" (Ukg. 5 VII 18—19) и šag₄-ukù-šár-ra-na ḥé-éb-ta-an-[d]ab₃? „он схватил (выхватил) его среди многочисленного народа" (IG 104—105), где во втором примере в глагольной форме сохраняется пространственный префикс Instr.-Abl., хотя при имени вместо Instr.-Abl. показателя употреблен формант Loc. Итак, из всего сказанного вытекает:

1) Instr.-Abl., судя по нашим материалам, выражает место совершения действия с именами пространственной ориентации, превратившимися в устойчивые адвербнальные выражения.

2) Конструкции с Instr.-Abl., обозначающие местонахождение действующего лица, выражают аблативные отношения, а не локативные.

3) Как аблативные (а не локативные) следует также квалифицировать отношения, выражаемые Instr.-Abl. в конструкциях типа é-bappir-bi-ta.

4) В конструкциях типа Kiš^{ki}-a uru-nam-lugal-la-ta Instr.-Abl., скорее всего, выражал каузальные отношения.

5) В сочетании с глаголами состояния («сидеть», «жить» и т. п.), а также переходными глаголами, соотносительными по семантике с глаголами состояния («ставить», «класть» и т. п.), показатель Instr.-Abl -ta, возможно, представляет собой графический вариант форманта Comit.-da.

6) Не подтверждают локативного значения Instr.-Abl. конструкции с именем в Loc. и с пространственным префиксом Instr.-Abl, в спрягаемой глагольной форме. Поскольку во всех конструкциях подобного типа, засвидетельствованных в наших материалах, выступают глаголы, выражающие перемещение предмета (субъекта или объекта действия), очевидно, следует говорить не о локативном значении префикса Instr.-Abl., а о выражении посредством Loc. значения источника действия.

7) Полученные результаты ни в коей мере не являются окончательными. С привлечением более широкого круга источников, по всей вероятности, выявятся новые обстоятельства, при которых Instr.-Abl. мог передавать локативные отношения.

В. А. ЯКОБСОН

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

(К постановке вопроса)

В Старовавилонский период традиция централизованного государства, объединяющего всю или большую часть Месопотамии насчитывает уже несколько столетий. Политические перипетии борьбы за гегемонию и за верховную власть в Месопотамии сравнительно хорошо известны. Значительно меньше внимания уделялось до сих пор идеологическому аспекту этой борьбы, а также тем экономическим побудительным мотивам, которые и явились в конечном итоге первоосновой политической борьбы и выработки новой государственной идеологии.

Начать, естественно, следует с экономических мотивов, а хронологической отправной точкой следует избрать период возникновения первых государственных образований, начиная с которого и можно говорить о более или менее осознанных экономических и политических тенденциях. Мы располагаем лишь весьма ограниченными данными об экономике столь отдаленного периода, и потому наши построения неизбежно будут иметь в значительной степени теоретический характер.

Возникновение цивилизации можно констатировать с момента, когда общество оказывается в состоянии производить достаточное количество прибавочного продукта, чтобы можно было освободить от непосредственного производительного труда более

или менее значительное количество людей. Именно эти люди и составляют аппарат возникающего государства—его правителей, чиновников, войско и т. д., а также его «интеллигенцию»—ученых, писцов, художников, строителей. Такая коренная реорганизация человеческого общества вызывается бурным ростом производительных сил и сама дает новый импульс для дальнейшего роста. Здесь, однако, следует отметить одно важное обстоятельство, на которое до сих пор не обращали должного внимания: разделение производительных сил на этой стадии довольно быстро достигает определенного «потолка» и в дальнейшем почти не прогрессирует, а иногда даже регрессирует.

Так, в Месопотамии почти все важнейшие изобретения и усовершенствования процессов производства были сделаны в Протописьменный или I Раннединастический период (ирригация, агротехника и орудия сельского хозяйства, строительство, сложные приемы ремесла и т. п.) или еще значительно раньше (гончарный круг, ткацкий станок). Единственное крупное техническое достижение более поздних времен—применение железа. По этой причине в исторический период в Месопотамии не происходит сколько-нибудь заметного повышения производительности труда¹. Более того, имеет место ее снижение в основном виде производства—сельском хозяйстве—вследствие истощения и засоления земель².

С другой стороны, увеличение интенсивности эксплуатации тоже очень быстро натывается на физические пределы: основной производитель (как свободный, так и несвободный) получает лишь весьма скудное пропитание и минимум прочих средств существования³.

Наконец, прирост населения поначалу весьма велик, ибо условия жизни, по сравнению с периодом варварства, значительно улучшаются. Но и он довольно быстро упирается в свои естес-

¹ Нормы производительности труда остаются в Месопотамии практически постоянными, а его интенсивность—максимально возможной.

² См. *R. M. Adams and Th. Jacobsen, Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture, Science, vol. 128, № 3334, 1958.*

³ См. *Н. В. Козырева, Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии, ВДИ, 1972, № 2, стр. 94—99.*

твенные пределы, определяемые ограниченностью годной для обработки земли, а также эпидемиями и высокой детской смертностью—неизбежными следствиями «урбанизации» в тот период.

Все эти обстоятельства, взятые вместе, означают, что внутренние источники дальнейшего увеличения абсолютного объема прибавочного продукта иссякают уже на сравнительно раннем этапе развития цивилизации. Но дальнейшее развитие без такого увеличения невозможно, и, следовательно, новорожденное классовое общество должно искать и находить источники прибавочного продукта вовне. Очевидно, что таких источников может быть три: ограбление соседних народов, неэквивалентная торговля с ними и, наконец, расширение территории и, тем самым, количества населения, поставляющего прибавочный продукт.

Рассмотрим названные источники в отдельности.

Ограбление соседних народов—наиболее простой и «естественный» метод, к которому новорожденное государство прибегает в первую очередь. Под ограблением мы понимаем захват не только материальных ценностей, но и рабов—этого своеобразного «концентрата» прибавочного продукта. Именно по этой причине для древнего общества характерно состояние «войны всех против всех». Воздействие такого состояния общества на его культуру весьма многообразно. Прежде всего, в структуре общества все более видную роль играют войско и военачальники. Прежние мелкие стычки из-за хозяйственных или охотничьих угодий заменяются организованными и систематически проводимыми военными походами. Города обзаваются стенами и, тем самым, превращаются в города в собственном смысле этого слова. Строительство стен требует крупных общественных работ и расходов, но, с другой стороны, стены становятся предметом гордости и объектом поэтического восхваления в эпосе⁴. Эпос фиксирует также и войны между городами-государствами⁵.

Такой способ добывания дополнительно прибавочного продукта сохраняет свою роль в течение всего периода древности. Но ограниченность этой роли выявилась очень скоро. Прежде всего, из-за переменчивости военного счастья вчерашний гра-

⁴ Пролог к аккадскому эпосу о Гильгамеше («О все выдавшем»).

⁵ «Гильгамеш и Агга».

битель сегодня оказывался в положении ограбленного. А длительная удача приводила к образованию вокруг победоносного государства зоны пустыни.

Вторым источником дополнительного прибавочного продукта для древнего общества, как уже отмечалось, является торговля— в силу ее неэквивалентности. Месопотамия, например, нуждалась в импорте металлов, камня и дерева, представлявших там большую ценность. «Варварская» периферия в изобилии располагала этими видами сырья и здесь оно стоило недорого. Но зато здесь высоко ценились изделия месопотамских ремесленников и некоторые продукты сельского хозяйства, которые в самой Месопотамии можно было приобрести по низким ценам. Бурный рост торгово-ремесленных городов в древнем мире (Месопотамия, Финикия, Греция) показывает, что возможности, открываемые такой торговлей, были оценены по достоинству. Особой разновидностью такого торгового центра были «караванные города», извлекавшие прибыль из транзитной торговли. Следует заметить, что и товарообмен между двумя центрами цивилизации мог оказываться чрезвычайно выгодным для обеих сторон, ибо обменивались, разумеется, товарами, представляющими для покупателей особый интерес, но недефицитными для продавца. Поэтому и здесь товары приобретались задешево, но, доставленные на место назначения, продавались по высокой цене.

Какова была в точности прибыль, приносимая международной торговлей, сказать трудно, так как прямых данных об этом не имеется. Однако косвенные данные позволяют заключить, что она была весьма высокой. Так, из текста Законов Хаммурапи (§ 101) можно сделать вывод, что минимальная чистая прибыль от торгового путешествия равнялась 100%. С другой стороны, текст СТ 31. 35. 9 (Omen) гласит: DUMU DAM-GAR ina KASKAL DU-ku ina 1 GIN I MA.NA ut-ta-ag, т. е. «купец отправится в (торговое) путешествие (и) на 1 сикль 1 мину вернет» (предсказание). Из этого следует, что предлагаемая прибыль равна 6000%! Цифра эта представляется фантастической, но следует заметить, что события, предсказываемые в текстах Omina, как правило, часто ничего фантастического в себе не содержат и, наоборот, отражают явления, если и не по-

вседневные, то во всяком случае, возможные и происходящие реально. Поэтому не будет слишком фантастическим допущение, что предельный размер прибыли мог быть, пусть в единичных случаях, именно таким.

Следует еще заметить, что торговые путешествия были связаны с немалым риском (ср. § 103 Законов Хаммурапи, устанавливающий правило на случай ограбления торгового агента). Купцов нередко не только грабили, но и убивали⁶. Уже по одной этой причине прибыли от международной торговли должны были быть очень большими, ибо только такие прибыли оправдывали бы риск. Наконец, косвенным, но важным свидетельством являются размеры даров, приносимых купцами в храмы Ура⁷.

Торговые города накапливали огромные богатства и, в принципе, не нуждались в захватнических войнах. Тем не менее, они, разумеется, тоже не упускали благоприятные случаи, а также вели войны в целях ликвидации торговых соперников и ради обороны (ср. историю торговых городов Финикии и Греции). Такие города были лакомой добычей, и сильные соседи неизменно стремились ограбить их, а еще лучше—включить их в состав своей территории.

Здесь мы переходим к третьему способу увеличения размера прибавочного продукта. Понятно, что чем больше население того или иного государства, тем больше (при неизменном уровне эксплуатации) размер прибавочного продукта, получаемого его правящей верхушкой. Как уже отмечалось, войны между древнейшими городами-государствами («номами») Месопотамии велись, первоначально, исключительно с целью грабежа. Эти войны даже породили особый литературный жанр—так называемые «плачи» о разрушении городов. В дальнейшем, однако, наиболее сильные правители делают попытки объединить под своей властью более или менее значительные части Месопотамии, а затем и всю ее. Та-

⁶ Ср. более позднее письмо касситского царя Буриабурнаша (EA 8, 21 sqq): «они (разбойники) убили моих купцов и забрали их серебро».

⁷ UET V, 282 и 292 (дары состояли из драгоценных камней, золота и т. п.). Дары в тексте 292 (очень длинный список) принесены после поездки в Дильмуи.

Ср. также данные об ассирийской караванной торговле в Анатолии примерно в это же время (M. T. Larsen. *Old Assyrian Caravan Procedure*, Istanbul 1967): каждое торговое путешествие примерно удваивало вложенный капитал.

кое объединение охватывает рамки одного этно-культурного региона и нередко, особенно в западной науке, именуется «империей» (например, «Империя Хаммурапи», «Империя III династии Ура» и т. п.). В этой связи возникают два вопроса: во-первых, чем, собственно, отличается «большое государство» от «империи» и, во-вторых, почему государственные объединения, охватывавшие всю Месопотамию или большую ее часть, оказывались весьма недолговечными, раздирались внутренней борьбой и оказывались легкой добычей для иноземных завоевателей?

Создание более или менее крупного государственного объединения представляет собой как бы соединение всех трех способов увеличения прибавочного продукта (с доминирующей ролью двух последних). Первые объединители Месопотамии сознавали это, по крайней мере, частично. Так, Лугальзагеси сообщает в своей надписи (VAB I, стр. 154): «Когда Энлиль, царь всех стран, Лугальзагеси «царственность»⁸ страны вручил, перед Страной его «выпрямил»⁹, все враждебные страны силе его подчинил (и) от восхода солнца до заката солнца он объединил (их), тогда-то от Верхнего моря по Тигру и Евфрату до Нижнего моря путь ему он выпрямил». Таким образом, первым (и важнейшим?) результатом объединения признается «выпрямление пути», т. е. создание возможности свободного передвижения в пределах этно-культурного региона. То же самое сообщает и Гудеа (статуя «В», V, 25—27). Далее в этом же тексте сообщается о доставке из далеких стран драгоценных металлов, различных пород дерева, камня и других материалов. Все это—результат торговли, а не военная добыча (о ней сообщается лишь ниже, в строках VI, 64—69). Это новое положение весьма способствовало торговле, но города от этого выиграли мало. Теперь все пошлины и налоги сосредоточивались в столице державы. Сами же города по-прежнему оставались не партнерами, а соперниками в торговле, и, кроме того, каждый из них сохранял претензии на первенство. Отсюда—мощные центробежные си-

⁸ Обычно *nam-lugal* переводят «царская власть». О значении этого термина см. ниже.

⁹ Т. е. «возвеличил»? Перевод Ф. Тюро-Данжена: «... ihn Zurecht geführt hatte». Перевод Э. Сольберже: «...l'eut justifié au regard du Pays» (IRSA, стр. 94).

лы, приводившие к бесконечным мятежам во времена династии Аккада, а затем во времена III династии Ура и I Вавилонской династии.

Народное самосознание впервые возникает на исходе древности и проходит многовековую путь развития, прежде чем становится связующей силой при создании «национальных» государств. Поэтому завоеватели извне так легко покоряют Месопотамию, не вызывая ожесточения против себя. Единственным исключением здесь были кутии, разрушившие царство Аккада: Гутнум— «жалящая горная змея, враг богов, унесший в горы «царственность» Шумера, наполнивший Шумер злом, отнимавший жену у мужа, отнимавший дитя у родителей, возбуждавший в стране злодейство и раздоры»¹⁰. Так говорится о кутиях в тексте времен III династии Ура. Но это, как уже сказано, исключение. Ни эламиты, постоянно вторгавшиеся в Месопотамию, ни аморен, разрушившие царство III династии Ура, ни касситы, основавшие свое царство на руинах I Вавилонской династии, ни, в более поздние времена, арамен и халдеи подобных чувств у местного населения не вызывали. Впрочем, и Кутийская династия была внесена в «Царские списки»¹¹ и, следовательно, рассматривалась как «законная».

С другой стороны, войны между «номовыми государствами» тоже рассматривались как житейское дело, и даже разрушение городов и разграбление храмов считались не злодеянием и святотатством, но лишь свидетельством того, что бог-покровитель города прогневался на своих подопечных. Свидетельством такого восприятия этих событий являются уже упоминавшиеся «плачи» о разрушении городов. Здесь тоже можно привести лишь одно исключение. «Плач о разорении Лагаша» заканчивается инвективой против победителя—энси Уммы: «Человек Уммы, поелику он разрушил Лагаш, провинился перед Нингирсу. Отсечена будет рука, которую он поднял на него. Нет греха на Уруинимгине, лугале Гирсу. На Лугальзагеси, энси Уммы, да возложит этот грех Нисаба, его богиня». Любопытно, что призвать Лугальзагеси к ответу

¹⁰ F. Thureau-Dangin, La fin de la domination gutténne, RA, IX, 1912, стр. 112.

¹¹ См. Th. Jacobsen, The Sumerian King List, Chicago, 1939. Об этом «Списке» подробнее см. ниже.

должен не Иннигирсу, оскорбленный бог разграбленного им Лагаша, а Нисаба, богиня-покровительница его собственного города Уммы, т. е. посягательство на чужой город и храм чужого бога рассматривается как проступок против своего собственного божества или, скорее, против складывающегося общемесопотамского пантеона. Это—зачаток новой идеологии, рассматривающей «Страну», т. е. Шумер как некое единство.

Однако, как уже отмечалось, центробежные силы еще на длительный период оказываются преобладающими, чем и объясняется непрерывное противоборство тенденций к объединению, которым удается восторжествовать лишь на сравнительно краткие сроки, с упорным партикуляризмом «номовых» общин. Не могли, вопреки обычно принятому мнению, серьезно противоборствовать этому партикуляризму и потребности в орошении. Дело в том, что единая оросительная система в древней Месопотамии никогда не существовала, да и не могла существовать. Централизованная оросительная система возможна и необходима в двух случаях: а) когда воды реки, которыми эта система питается, полностью или почти полностью расходуются на орошение и б) когда река полностью зарегулирована посредством плотины и других гидротехнических сооружений. В обоих этих случаях необходима некая центральная власть, регулирующая отношения между водопользователями.

Обитатели древней Месопотамии не могли и не пытались перегородить плотинами Тигр или Евфрат. Орошение там осуществлялось через самотечные каналы, отходящие от Евфрата и следующие естественному уклону местности и частично использующие естественные разветвления русла (берег Тигра был для этого слишком высок, и Тигр стал интенсивно использоваться для орошения лишь позже, с созданием простейших водоподъемных орудий).

С другой стороны, реки эти были столь полноводны, что каналы, расположенные выше по течению, несколько не мешали тем, которые расположены ниже. Наоборот, воды было даже чересчур много, и одной из важнейших забот было удержание воды в русле рек, каналов и в водохранилищах, чтобы предотвратить несвоевременный и неконтрольный разлив и превращение полей в боло-

то¹². Поэтому регулирование орошения было нужно и возможно лишь в бассейнах отдельных магистральных каналов, где и создавались первые «номовые» государства и объединения «номов». Сами же магистральные каналы были, как показывают новейшие исследования¹³, сооружены в основном еще в додинастическое или раннединастическое время, когда централизованного государства в Месопотамии еще заведомо не было. Поэтому создание централизованного государства могло лишь прекратить раздоры из-за воды между «номами», расположенными в бассейне общего магистрального канала.

Правда, наличие централизованного государства оказывало косвенное, но очень важное влияние на состояние ирригационных систем. Системы такого рода чрезвычайно чувствительны. Повреждения и разрушения выводят их из строя иной раз необратимо. Такой же эффект имеет и отсутствие надлежащего ухода, хоть бы даже в течение лишь одного сезона. Главной же причиной разрушений и отсутствия ухода были межномовые войны, принявшие особенно широкий масштаб в конце Раннединастического периода. Создание централизованного государства, прекратив эти войны, способствовало сохранности ирригационной сети.

Таким образом, созданию большой централизованной державы в Месопотамии препятствовали экономические и географические условия, а также традиции крупных городов, каждый из которых имел одинаковые основания претендовать на гегемонию или на положение столицы.

Говорить об образовании империи можно, видимо, лишь тогда, когда пределы государства становятся существенно шире этнокультурного региона, где оно возникло и выросло. Империя включает в себя несколько таких регионов и, что особенно важно, несколько находящихся на различных ступенях развития экономических районов, которые «дополняют» друг друга, хотя, разумеется, и не по доброй воле. Экономические связи в империи направлены главным образом внутрь, а не за ее пределы. Ее экономические районы из соперников превращаются в партнеров, а «имперский

¹² Ср. ЗХ § 53—56.

¹³ R. M. Adams, *The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehistoric Mexico*, Chicago, 1966.

мир» на обширных территориях способствует бурному развитию торговли и ремесла.

Для империи характерно также различие между статусом метрополии и других ее областей, наиболее ярко проявившееся в Римской империи как различие между римскими гражданами и провинциалами. Метрополией нередко становится отнюдь не самая развитая в экономическом и культурном отношении часть империи, но это дает метрополии толчок для бурного развития. Немалые выгоды извлекает из создания империи и верхушка других ее областей. Именно этим фактом объясняется относительная устойчивость империй: верхние слои провинций оказывают упорное сопротивление всем попыткам выйти из империи. В этой связи можно напомнить, что Набопаласару пришлось силой покорять вавилонские города, державшие сторону Ассирии, и что почти все восстания в провинциях Римской империи были восстаниями низов, в то время как местная аристократия этим восстаниям не содействовала, а нередко и боролась на стороне римлян.

Если исключить различного рода исторические случайности, то «естественная смерть» империи, как это видно из примера Римской империи—единственной, которой удалось дожить до своего естественного конца, наступает вследствие выравнивания экономических условий в различных ее частях, что как бы превращает империю в «большое царство», а ее составные части из партнеров становятся соперниками. Это приводит к усилению центробежных сил и, в конечном счете, к распаду империи.

Если приведенные выше соображения верны, то первой в истории империей следует считать Ассирийскую державу I тысячелетия до н. э. Но рассматриваемый нами период еще очень далек от этого времени, а в Старовавилонский период можно констатировать наличие тенденций к созданию «большого царства», тенденций, насчитывавших уже довольно длинную историю успехов и неудач.

Поэтому теперь необходимо рассмотреть идеологические перемены, которые были порождены этой тенденцией. Частично они уже были предметом исследования, но эти исследования касались, главным образом, перемен в пантеоне и возникновения нового

взгляда на государство¹⁴. Однако дальнейшее развитие этого взгляда, в частности в Старовавилонский период, до сих пор не было предметом исследования. Между тем, такое исследование позволяет получить ряд новых и весьма интересных данных.

«Шумерский царский список»¹⁵ давно уже привлекает к себе внимание исследователей и вызвал к жизни обширную литературу. Одним из наиболее дискуссионных является, в частности, вопрос о его датировке. Издатель «Списка» датирует его временем Утухегая, т. е. относит к периоду, непосредственно следовавшему за свержением владычества кутнев, предполагая, что в дальнейшем этот список был дополнен списком царей III династии Ура и I династии Иссина¹⁶. По мнению И. М. Дьяконова, составление списка следует датировать временем III династии Ура (устное сообщение). Если существующее представление о политических идеях, которыми вдохновлялись авторы списка, считать верным, то точка зрения И. М. Дьяконова должна считаться предпочтительной.

Сам же Т. Якобсен полагает, что «Список» составлен с целью показать, что в Южном Двуречье всегда существовало единое государство начиная от времени «до Потопа». Сменялись лишь столицы и, соответственно, династии¹⁷. Но ведь первым после царства Аккада государством, реально охватывавшим всю территорию, было именно царство III династии Ура. Впрочем, вопрос о датировке списка не может пока считаться решенным окончательно.

Однако гораздо более важным представляется другой вопрос: почему «Список» завершается I династией Иссина, перечисляя всех ее царей, т. е. приобретает окончательный вид *после* I династии Иссина и, насколько можно судить по имеющимся материалам, более не продолжается¹⁸.

¹⁴ См. И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер, М., 1959, стр. 252 сл.

¹⁵ См. выше, прим. 11.

¹⁶ И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 141.

¹⁷ Там же, стр. 138—140.

¹⁸ Там же, стр. 127.

Обычная формула смены династии в «Списке» звучит так: «Город (такой-то) был сокрушен оружием, «царственность» его была перенесена в город (такой-то)». «Царствовать» — поневоле приблизительный перевод шумерского «*nam-lugal*», означающего особую субстанцию, харизму власти, сошедшую с небес в начале времен и перемещавшуюся затем из одного города в другой. Иначе говоря, цель списка состоит в обосновании гегемонистских устремлений, осуществляемых силой оружия. Наиболее сильный правитель мог, таким образом, претендовать на верховную власть, опираясь на «традицию», восходящую ко времени «до Потопа» и насчитывавшую, согласно представлениям обитателей Двуречья, десятки тысяч лет. Перед нами, следовательно, древнейшая теория государственной власти и, что особенно любопытно, ее следует признать «теорией насилия».

Впрочем, «Список» сохранил в некоторых своих вариантах и несколько иной взгляд на вещи. В вариантах S и P₅ формула смены династии выглядит иначе: «Черед правления города (такого-то) переменился, царственность его была перенесена в город (такой-то)»¹⁹. Термин «черед правления» (*BAL*) употребляется в ранних шумерских текстах²⁰ для обозначения очереди на отправление должности магистрата-эпонима и для обозначения срока одного эпонимата. Этот институт «примитивной демократии» существовал, очевидно, и в представлениях об устройстве мира богов до того, как совершилось преобразование пантеона по «монархическому принципу». Каждый из богов (во всяком случае, из великих богов) поочередно исполнял функцию магистрата.

Такое представление сохранялось, видимо, довольно долго. Так, о Саргоне Аккадском эпос сообщает, что он сделался царем в «*ra-lê lštar*», т. е. «в черед правления богини Иштар», чьим любимцем он был. Составители вариантов S и P₅ царского списка, видимо, исходят из представления о том, что «череду правления» определенного бога на небесах соответствует на земле «черед правления» города, чьим покровителем является этот бог. Поэтому и конец

¹⁹ Там же, стр. 37. См. подробнее АНw под словом *ra-lê*.

²⁰ См., напр., тексты из Фары.

череда правления города—явление нормальное, даже если оно приобретает трагический для города характер²¹.

В смутное время, последовавшее за падением I династии Исина, ни один из тогдашних правителей не мог претендовать на верховную власть. Именно в этот период и был завершен список, но, когда Хаммурапи объединил под своей властью всю Месопотамию, «Список» продолжен не был. Дело, видимо, в том, что возвращаться к нему уже не имело смысла. Прежде всего, недавнее многовластие было еще слишком свежо в памяти людей, чтобы его можно было с помощью каких-либо искусственных манипуляций выдать за единовластие. Но еще важнее было другое обстоятельство: из самого же «Списка» вытекало, что хотя единая власть в Месопотамии существовала «всегда», ее местопребывание менялось и, следовательно, будет меняться и в дальнейшем. Поэтому государственная мысль сделала новый шаг, означающий на практике полный разрыв с основными идеями списка. Наиболее полное выражение этот новый взгляд получил в «Прологе» к Законам Хаммурапи:

«Когда высочайший Ану, царь Аннунаков, (и) Эллил, владыка небес и земли, судящий судьбы страны, вручили Мардуку, первородному сыну Эйи²², эллилство над всеми людьми, возвеличили его среди Игигов, назвали Вавилон его высоким именем, возвысили его среди четырех стран света и установили в нем для него (т. е. для Мардука—В. Я.) вечное царство, чьи основания тверды, словно основания небес и земли,—тогда-то меня, Хаммурапи, правителя заботливого и богобоязненного, дабы справедливость

²¹ Подробно об этом см.: *Th. Jacobsen, Primitive Democracy in Ancient Mesopotamia. Towards the Image of Tammuz, Cambridge, Massachusetts, 1970*, стр. 167 сл. Там же приводятся и тексты, иллюстрирующие это представление. Автор не ставит их в связь с «Царским списком», возможно, из-за того, что все цитируемые им тексты относятся ко времени после падения III династии Ура. Однако сам же он датирует варианты P₅ и S «Царского списка» «второй половиной I Вавилонской династии» (*Sumerian King Lists*, стр. 7 и 9). Вполне возможно, следовательно, связать их с «Плачем о разрушении Ура» и другими подобными текстами.

²² Более правильное чтение, чем „Эа“. См. *I. M. Diakonoff, Die Arier im Vorderen Orient: Ende eines Mythos, Orientalia 41, fasc. 1, стр. 101, прим. 49.*

в стране была установлена, на погибель злым и беззаконным, дабы сильный не обижал слабого, дабы подобно солнцу над черноголовыми я восходил и озарял страну, дабы убоготорворена была плоть людей, Ану и Эллиль назвали по имени»²³.

Таким образом, Хаммурапи объявляет Вавилонское царство «вечным» и «твердым»: «царственность» обретает отныне постоянное обиталище. Поэтому «Царский список» уже не нужен и, более того, вреден. Его еще продолжают переписывать, как и все произведения подобного рода, но не дополняют. Идея вечного царства повторяется и в другом тексте времени Хаммурапи²⁴, но до того как будто не встречается. На небесах тоже происходит перемена: боги уже не правят по очереди, во главе пантеона становится Мардук—бог Вавилона (к нему переходят «эллильство», т. е. верховная власть бога Эллиля, с которым Мардук в дальнейшем часто отождествляется). Мардук отныне—царь богов и бог царственности. Совершенно очевидно, что эти изменения в теологических и политических взглядах тесно связаны между собой и вытекают из новой политической ситуации.

Уже а priori можно предположить, что эти политические и идеологические перемены пришлось по вкусу далеко не всем. Но ожидать, что будут найдены свидетельства оппозиционных настроений, было бы, как кажется, чересчур оптимистично. Тем не менее, косвенное свидетельство, видимо, существует. Именно в этом смысле может быть истолкован весьма своеобразный текст ВМ 23103, опубликованный Э. Сольберже²⁵. Этот текст представляет собой список правителей Лагаша от времени «после Потопа» до Гуден. Списку предпослан пролог, описывающий положение дел после Потопа. Заканчивается текст колофоном, где сообщается, что он «написан (переписан?) в эдуббе» (школе), и возносится хвала богине Нидабе. Большая часть перечисленных в списке правителей (19 из 30), по-видимому, никогда не существовала, а сроки правления, приписанные многим из них, фантастически велики.

²³ ЗХ X, 1—49.

²⁴ См. PBS VII, 133, 10... «бог Шамаш даровал мне вечное царство и долгое правление ...».

²⁵ E. Sollberger, *The Rulers of Lagaš*, JCS XXX, № 1—4, стр. 279 сл.

Одним словом, этот «Лагашский список» во многих отношениях весьма схож с «Шумерским царским списком». Следует отметить, что этот последний не включал в себя ни одной лагашской династии. Трудно сказать, чем руководствовались составители «Царского списка», исключая из него правителей Лагаша, но издатель «Лагашского списка» считает, что этот последний представляет собой «политико-сатирическое сочинение, написанное лагашским писцом в ответ автору (авторам) Шумерского царского списка...». Цель «Лагашского списка» — показать, что, «...в то время как главенство других городов было эфемерным (царственность постоянно переходила из одного города в другой), в Лагаше власть правителей, которая, кстати, имеет более длительную историю, чем царская власть, была постоянной и непрерывной — даже если она и вручалась разным семьям, она всегда оставалась в Лагаше»²⁶.

В действительности, однако, цель автора «Лагашского списка» была, возможно, и более широкой. Прежде всего, он считает, что харизма власти энси (пат-РА.ТЕ.SI) старше, чем пат-lugal, т. е. «царственность» (ср. строки 8 и 9—10). Вспомним, что почти никто из правителей Лагаша не носил царского титула. Далее, автор «Лагашского списка», видимо, отвергает и концепцию перехода власти, главенства, от одного города к другому и, в противовес этой концепции, утверждает непрерывность и независимость власти правителей Лагаша. Именно это утверждение и заставляет его завершить список именем Гудеи, пользовавшегося, со времен III династии Ура, божескими почестями.

Ведь со времен III династии Ура энси Лагаша стали не более как чиновниками, назначаемыми центральной властью. А «Лагашский список», по мнению его издателя, составлен в середине Старовавилонского периода. Уж не мечта ли о восстановлении прежней независимости вдохновляла автора «Лагашского списка»? Если высказанные здесь предположения верны, то следует признать, что партикуляризм номовых центров порождал не только мятежи, но и литературную пропаганду независимости.

²⁶ Там же, стр. 279.

Однако хилластической идее, провозглашенной Хаммурапи, была суждена исключительно долгая жизнь. Функция Мардука в качестве бога царственности сохранялась за ним почти полторы тысячи лет. Даже во времена касситского владычества, когда резиденция царей переносилась то в Ниппур, то в Дур-Куригалзу, и позднее—при ассирийском и персидском господстве—Вавилон, по крайней мере формально, оставался столицей Царства Шумера и Аккада, и цари получали по специальному обряду власть из рук Бела-Мардука. Последним, кто совершил обряд «прикосновения к рукам Бела», был Александр Македонский. Но и на этом история хилластической идеи не закончилась. Идея лишь получила новое развитие, сделала новый шаг вперед.

В библейской «Книге Даниила» содержится рассказ о последовательном переходе власти над миром к четырем великим державам: Ассирии (Вавилонии), Персии, Греции (т. е. державе Александра Македонского и его преемникам) и Риму²⁷. Хотя «Книга Даниила» и датируется II в. до н. э., само предание о Данииле, человеке божьем, сложилось еще в среде плененных иудеев в Вавилонии. Не будет чрезмерной смелостью предположить, что именно там они познакомились с идеей «первенства» Вавилона. Под влиянием дальнейших событий (Персидское завоевание, приход греков и т. д.) идея первенства городов трансформировалась в идею первенства держав.

Блаж. Иероним перенес затем эту идею на европейскую почву, где теория *translatio imperii*, т. е. переноса власти господствовала среди историков средневековья. Ее влияние на исторические и политические концепции Европы было чрезвычайно велико. В качестве примера можно привести упорные попытки сохранить давно уже ставшую фикцией «Римскую империю», попытки, от которых отказались лишь в XIX веке (к этой теории восходит и теория Москвы—Третьего Рима). Отзвуки этой же теории видны и в исторических концепциях Гегеля. Наконец, созданный нацистскими «теоретиками» миф «Третьего Райха»—последняя по времени и, будем надеяться, вообще последняя попытка возродить эту древнюю и давно уже ставшую глубоко реакционной концепцию.

²⁷ Daniel, 2, 31—44, 7, 3—27; 9, 20—25.

Л. М. ГОЛОВЛЕВА

ЦАРСТВО АЛЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫС. до н. э.

Из истории древнейших государственных образований на Армянском нагорье

Развитие общества на Армянском нагорье привело во II тыс. до н. э. к возникновению на этой территории не только организационно объединявшихся догосударственных единиц—«стран», под которыми могли пониматься либо целые племена, либо их более или менее самостоятельные части, размежеванные горным рельефом; во второй половине II тыс. до н. э. здесь появляются уже и собственно политические образования—царства, каковыми являлись страны Хайаса-Ацци, Алзи и Исува.

Долины верхнего Тигра и верхнего Евфрата, где были расположены страны Алзи и Исува, наряду с территорией страны Хайаса-Ацци рассматриваются исследователями как центры формирования армянского народа¹.

¹ Против общепринятых исследователями (Н. Мартиросян, К. Рот, П. Кремер, Г. А. Капанцян, А. Хачатрян, Я. А. Манандян, С. Т. Еремян, Г. Б. Джаукян, В. В. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе и др.) точек зрения о происхождении этнического названия *Հայ* от названия страны Хайаса и о Хайасе как родине protoармян выступает И. М. Дьяконов, считающий, что нет доказательств идентичности этих названий и нет промежуточных звеньев между хайасцами, исчезающими из памятников к XIII в. до н. э., и армянами—*Հայր*, появляющимися столетиями позже и на несколько иной территории (см. И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 209 сл.).

Настоящая работа начинается с собой серию исследований, посвященных наиболее ранним государственным и территориальным образованиям в юго-западной части Армянского нагорья—Алзи, Исуве, Цухме, Паххуве, Малдин и др. Мы пока оставляем в стороне как вопрос о Хайасе, так и вопрос о раннегосударственных образованиях юго-восточной части нагорья, история которых заслуживает особого исследования.

История Алзи, несмотря на наличие ряда факторов, выдвинувших ее в число значительных стран II тысячелетия до н. э., была довольно тесно связана с историей крупнейших государств Передней Азии—Митанни, Хеттского царства и Ассирии. Для хеттов долина верхнего Тигра представляла собой подступы к Северной и Центральной Месопотамии. Для Митанни и для Ассирии эта долина являлась ключевой позицией к центральным областям Армянского нагорья и к долине верхнего Евфрата—стратегически чрезвычайно важному району, предоставлявшему пути на запад—в Малую Азию, на север—к берегам Черного моря и более удобный, чем из долины верхнего Тигра, путь в центр Армянского нагорья.

Локализация страны Алзи² не вызывает среди исследователей особо противоречивых точек зрения. Ее местоположение, как правило, связывается с верхним течением Тигра. Наиболее определенными следует считать северо-западные границы Алзи. Хеттский царь Суппилулиумас I во время своего митаннийского похода перешел Евфрат и, покорив Исуву, расположенную на Харпут-

² Alzi—ассирийское название; его хеттское соответствие—Alzija (в такой форме это название выступает в хеттских религиозных текстах при перечислении враждебных «стран») наряду с Alše хеттских аккадоязычных текстов; урартское—Alzi(ni). А. Гетце, ссылаясь на KAV 92, допускает, что KUR Aš-zé могло быть старой формой названия страны Алзи (JNES V, 2, [1946], 165, прим. 9). И. М. Дьяконов не исключает, что Ašša надписи Ашшурнацирапала II (ARAB I, № 480; АВИИУ, № 23, III, 92)—та же страна Алзи (И. М. Дьяконов, АВИИУ, № 23, прим. 61; он же, ПАН, стр. 87; см. также Г. А. Меликишвили, Наирн-Урарту, Тбилиси, 1954, 24, 52). Для удобства изложения ниже мы будем придерживаться ассирийского названия этой страны, сохраняя другие его формы только при цитировании и переводе первоисточников.

ской равнине, направился в Алзи, а затем в Митанни³. Принимая во внимание, что в древности границами территориальных единиц— «стран» обычно служили естественные рубежи, можно предположить, что отделял Исуву от Алзи хребет Эргани, и тем не менее трудно с уверенностью сказать, под чьим контролем находились богатые медные рудники Эргани-Мадена⁴. Не исключено, что между Алзи и Исувой могли возникать конфликты из-за обладания этими рудниками, так что как Алзи, так и Исува могли в периоды своего усиления расширяться за пределы хребта Эргани. Но вероятнее, что крайние северо-восточные отроги этого хребта обычно принадлежали стране Исува. Расположенная здесь, у истоков Зебене-су, страна Энзите (античная Анзитена)⁵ относилась, во всяком случае в новоассирийское время, к стране Ишуа (=Исува)⁶.

³ E. Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien (далее PDK), Leipzig, 1923, № 1, Vs. 17 сл.

⁴ Правильной представляется точка зрения С. Т. Еремяна, относящего рудники Эргани-Мадена к стране Алзи (Ս. Երեմյան, Հայկական առաջին պետական կազմավորումները, «Պատմա-բանասիրական Հանդես», 1968, № 3, стр. 93).

⁵ Античная Анзитена включала территорию не только у истоков Зебене-су (M. Streck, Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach der babylonisch-assyrischen Keilinschriften, ZA, XIII [1898] 91—94; C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, Berlin, 1910, I, стр. 444, 455, 505), но также и район оз. Гельджик (J. Markwart, Südarmenien und die Tigrisquellen, Wien, 1930, 41*, 70, 73; Կ. Աղոնց, Հայաստանի պատմութիւնը, Երևան, 1972, стр. 49; Н. М. Дьяконов, АВИИУ, № 27, прим. 10).

⁶ ARAB I, № 604; АВИИУ, № 27, II, 40 сл. В этой надписи сообщается, что Салманасар III, захватив и разорив страну Энзите, принадлежавшую стране Ишуа, вышел из нее и, переправившись через р. Арцанна (=Арацани), подошел к стране Сухму. Г. А. Меликишвили привлекает эту и другие надписи Салманасара III, повествующие об этом же походе (ARAB I, № 607, 641, 680, 688, 692), для уточнения северо-западных границ Алзи на том основании, что в одной из надписей (ARAB I, № 560; АВИИУ, № 28, стк. 35 сл.) вместо Энзите выступает страна Алзи (Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 52 сл.). Но поскольку вариант не означает синонимичность (чего, кстати, и не утверждает Г. А. Меликишвили), нужно предположить, что Алзи выступает здесь уже как страна, включившая и Исуву, а, следовательно, и Энзите (Н. М. Дьяконов, ПАН, стр. 138, 229, см. при этом прим. 148 на стр. 138, где автор отмечает, что область Энзите в стране Ишуа и Алзи—одно и то же), и, таким образом, Арацани в этом районе служила границей Исувы (поскольку Энзите

Кроме сообщений Суппилулиумаса I и Салманасара III, позволяющих говорить о соседстве Алзи с Исувой, мы имеем малочисленные сведения, которые помогли бы уточнить протяженность Алзи в рассматриваемый период. Древнеармянская область Агдзник (греч. Арзанена) сохранила название Алзи, однако трудно сказать, насколько совпадали территории этих двух исторических областей⁷.

Территория Алзи, как мы отметили, единодушно связывается с верхним течением Тигра и, как правило, с территорией, лежащей к северу от него. Пожалуй, только Э. Вайднер отводит для Алзи южную от Тигра область гор Кашияри (горы Мардин)⁸. Э. Форрер располагает ее между отрогами Тавра и верхним Тигром⁹. Н. Адонц, отождествлявший Алзи с Анзитеной, допускает, что границы Алзи могли доходить до гор Кашияри¹⁰. Гр. Капанцян, сопоставляющий Алзи с армянским Агдзник, отводит для Алзи район гор западнее Сасуна¹¹. А. Гетце¹², Г. А. Меликишвили¹³, И. М. Дьяконов¹⁴, Н. В. Арутюнян¹⁵, как и Э. Форрер, локализируют Алзи у истоков Тигра, при этом Г. А. Меликишвили и И. М. Дьяконов считают, что она занимала и нижнюю часть до-

входила в ее состав), но не Алзи (а если Алзи, то только в новоассирийское время).

⁷ О границах Агдзник см. *W. Belck*, Beiträge zur alten Geographie und Geschichte, Leipzig, 1901, стр. 71—82; *H. Hübschmann*, Die altarmenische Ortsnamen, Straßburg, 1904, стр. 248—251; *E. Forrer*, RLA I, 89; *С. Т. Еремян*, Карта Армении I—IV вв. (Атлас Армянской ССР, Ереван—Москва, 1961, стр. 104).

⁸ *E. Weidner*, PDK, стр. 8, прим. I. Такую локализацию для Алзи Э. Вайднер предлагает для времени Суппилулиумаса I, считая, что в ассирийское время Алзи отнеслась все дальше на север и объединилась в конце концов с Исувой.

⁹ RLA I, 89, 259.

¹⁰ Ы. Ադոնց, Հայաստանի պատմություն, стр. 49.

¹¹ Гр. Капанцян, Хайаса—колыбель армян (в кн.: Историко-лингвистические работы, Ереван, 1957), стр. 144.

¹² *A. Goetze*, Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography, New Haven, 1940, карта.

¹³ Г. А. Меликишвили, Наир-Урарту, стр. 52 сл. и карта.

¹⁴ И. М. Дьяконов, Предыстория..., стр. 87.

¹⁵ Н. В. Арутюнян, Биайнили, Ереван, 1970, стр. 24 и карта.

лины р. Арацани. Трудно сказать, достигала ли Алзи в северном направлении р. Арацани. Об этом мы не имеем никаких свидетельств¹⁶. Кроме того, в северо-западном направлении путь к Арацани преграждает хребет Эргани (территория страны Исуба), переходящий в хребет Битлис, включающий труднодоступные Сасунские горы¹⁷ и в свою очередь также преграждающий выход к долине р. Арацани¹⁸.

На наш взгляд, Алзи охватывала большую, чем отводят для нее исследователи территорию, а именно—платогорье, ограниченное на северо-западе, севере и северо-востоке отрогами Восточного Тавра, на юге—горами Тур-Абдин¹⁹ и на юго-западе—хребтом Караджадаг. Не исключено, однако, что юго-западная часть этого платогорья входила в состав Митанни. Весьма неопределенна протяженность Алзи на восток. Здесь она, возможно, граничила с довольно значительной «страной» пабхийцев (бабхийцев), локализуемой в районе слияния Западного и Восточного Тигра²⁰, отделяясь от нее, может быть, мелкими шубарейскими (хурритски-

¹⁶ Некоторые исследователи (*W. Belck, Beiträge...*, 80; *E. Forrer, RLA I*, 89; см. также *Г. А. Меликишвили*, ук. соч., стр. 52, прим. 3) рекой Арацани ограничивают северные пределы древнеармянской области Агдзинк. Ср. *С. Т. Еремян*, Карта Армении I—IV вв.

¹⁷ *Н. В. Арутюнян* под «могучими горами», которые преодолел Тукульти-Нинурта I после завоевания шубарейских «стран», в том числе и Алзи, прежде чем вступить на территорию «стран Наирн», справедливо видит Сасунские горы (*Н. В. Арутюнян*, Биайнили, стр. 24).

¹⁸ Согласно *С. Т. Еремян*у (см. карту Армении I—IV вв.), северной границей армянской области Агдзинк служил Восточный Тавр, отделявший ее от р. Арацани. Небезынтересно то, что северные границы совр. турецкого вилайета Диярбакыр, занимающего большую часть территории древнего Агдзинка, также проходят по этой линии (см. совр. карту Турции).

¹⁹ См. надпись Тукульти-Нинурты I (ITN, № 1, Kol. III, 30 сл.): KUR šu-ba-ri-i ka-la-ša si-hir-ti KUR ka-ši-ja-ri a-di KUR al-zi... ana KUR ka-ši-ja-ri e-li KUR šu-ba-ri-i KUR al-zi ù LUGAL.MEŠ ga-i-ši-šú-nu i-na gar-pi lu-ú-la-it... «Всю страну шубарейцев: область гор Кашияри до страны Алзи (включительно)... Поднялся (я) на горы Кашияри; страну шубарейцев: страну Алзи и царей, их (имеются в виду шубарейцы) союзников, сдержал (я) (как) уздой...».

²⁰ *E. Forrer, RLA I*, 328—329; *Г. А. Меликишвили*, Наирн-Урарту, стр. 50; *Н. В. Арутюнян*, Биайнили, стр. 24, 36.

ми) странами^{20а}. Целый ряд подобного типа «стран», названных в надписи Тукульти-Нинурты I союзниками Алзи²¹, был расположен на окраинах страны Алзи. Все эти незначительные объединения, представлявшие собой порою просто отдельные городки, безусловно, находились под влиянием Алзи и даже входили в ее состав и лишь временами могли приобретать относительную самостоятельность.

Под Алзи следует, по-видимому, отвести бо́льшую территорию также и потому, что в документах Суппилулиумаса I²² Алзи выступает как весьма значительное царство. Несмотря на это, сведений об этой стране очень немного, и первые из них дошли от сравнительно поздней эпохи—XIV в. до н. э. Следует полагать, что интенсивными и сложными были взаимоотношения Алзи с ее непосредственными соседями: граничащим с юга государством Митанни и расположенным к западу от Алзи другим довольно значительным царством Армянского нагорья II тыс. до н. э.—страной Исувой. Отсутствие не только собственно алзийских надписей, но и анналов митанийских царей, а также надписей царей Исувы крайне ограничивает наши возможности, так что мы не в состоянии проследить процесс сложения классового общества в Алзи, а судить о взаимоотношениях Алзи с Митанни и Исувой мы можем только по малочисленным сведениям, содержащимся в хеттских документах. С другой стороны, ничего не известно нам о взаимоотношениях Алзи с северной значительной страной Армянского нагорья—Хайасой-Аци, с которой она, впрочем, вряд ли соприкасалась, будучи отделена от нее рядом «стран»²³.

^{20а} Учитывая, что география местности могла предопределять границы стран, нельзя ли восточной границей Алзи считать естественный рубеж—р. Батман? И в этом случае, возможно, следует обратить внимание на то, что именно по этой реке проходит восточная граница современного турецкого вилайета Диярбакыр.

²¹ См. выше, прим. 19.

²² Время правления этого царя определяется учеными по-разному. Так, Г. Оттен: 1370—1330; О. Р. Гэрри, а также А. Гетце: 1380—1340; Э. Фои Шулер: 1370—1335; Э. Бикерман: 1360—1345.

²³ И. Фридрих и следующий ему В. Н. Хачатрян считают Хайасу непосредственным северным соседом Алзи (В. Н. Хачатрян, Восточные провинции

История Алзи прослеживается с эпохи Суппилулиумаса I, когда хетты, укрепив свое влияние в долине верхнего Евфрата, в частности в Исуве, продвигались в Северную Месопотамию с целью завоевать Митанни. Естественно, что при этом они должны были столкнуться с Алзи—страной, соседствовавшей как с Исувой (на северо-западе), так и с Митанни (на юге). Вот что сообщает об этом в своем договоре с митаннийским царем Шаттиваззой²⁴

Суппилулиумас I: ù ^DUTU^{ŠI} ¹šū-up-pí-lu-li-u-ma LUGAL GAL LUGAL KUR ^{URU}ḫa-at-ti na-ra-am ^DU ù KUR ^{URU}al-še ak-ta-šá-ad(!) ù ḫal-ši ^{URU}ku-ut-ma-ar el-te-'i-šu-nu-ti a-na ¹an-tar-a-at-li ša KUR ^{URU}al-še a-na NÍG.BA-šu at-ta-dín „Я, Солнце, Суппилулиумас, царь великий, царь страны Хатти, любимец Тешшуба, страны Алше я достиг, захватил крепость Кутмар и отдал ее в подарок Антаратли, (правителю) страны Алше“²⁵.

Среди ученых нет единого мнения относительно локализации города-крепости Кутмар, между тем как определение его местоположения помогло бы уточнить границы Алзи, если считать Кутмар пограничным городом. Поскольку описываемое событие произошло во время митаннийского похода Суппилулиумаса I после подчинения Исувы и до вступления хеттского царя на территорию Митанни, высказывались предположения, что Кутмар—исувская или митаннийская крепость²⁶. Ряд ученых отождествляет Кутмар с ассир. Куллимери—одним из центров страны Шубриа новоассирийских источников²⁷. В свою очередь общепризнано пред-

Хеттской империи, Ереван, 1971, стр. 142 сл.; здесь же ссылка на И. Фридриха), однако текст, на который ссылаются исследователи (КUB XIX, 20, Vs. 1 сл.), разрушен и не позволяет сделать такой вывод. Отметим также, что среди ученых преобладает точка зрения о более северной локализации Хайасы.

²⁴ О правильности чтения имени этого царя как Шаттивазза (при ранее допускавшихся Куртивазза, Маттивазза) см. *I. M. Diakonoff, Nochmals Mattiwazza-Kurtiwazza-Šattiwazza, Altorientalische Forschungen III, 1975, стр. 167 сл.* и указанную там литературу.

²⁵ КВо I, 1, Vs. 25 сл.; *E. Weidner, PDK, № 1, Vs. 25 сл.*

²⁶ *E. Forrer, RLA I, 89; Г. А. Меликишвили, Напри-Урарту, стр. 90; И. М. Дьяконов, ПАН, стр. 94.*

²⁷ *E. Forrer, PAR, 20, 21; A. Goetze, ANET, 318; Г. А. Меликишвили, ук. соч., 52, 90; Г. А. Капанцян, Хайаса..., стр. 195; В. Н. Хачатрян, Восточные провинции..., стр. 114.*

ложенное И. Марквартом сопоставление Куллимери с визант. Хломарон (арм. Кгимар, иран. Кутемран), локализуемым севернее совр. Маяфаркина (древн. Неферкерт) на противоположном берегу р. Батман²⁸.

Э. Форрер, первым предложивший отождествление Кутмара с ассир. Куллимери в области Арзанена, в более позднем своем исследовании отождествил Кутмар с развалинами близ совр. деревни Кунмар в 18 км от Хани²⁹, что поддерживается и другими учеными³⁰.

Уточнить локализацию Кутмара, по-видимому, помогло бы определение направления движения хеттского войска из Исувы в Алзи³¹. Э. Форрер предлагает следующий маршрут похода Суппилулиумаса I из Исувы в Митанни: Исува—Палу—Кутмар—Амид (совр. Диярбакыр)—Митанни, считая при этом (на наш взгляд, необоснованно) Кутмар митаннийской крепостью³¹. Г. А. Капанцян также считает, что хеттские цари³² на территорию Алзи проникали с севера по истокам Зебене-су через горный узел Клейсуры, где и сейчас проходит горная дорога³³.

При сопоставлении Кутмара с Кунмаром такое направление похода не вызывает возражений, поскольку территория вокруг Зебене-су, как указывалось выше, принадлежала Исуве, и не исключено, что Суппилулиумас на территорию Алзи мог вступить в этом районе, и в таком случае границы Исувы доходили на востоке до Хани. Но из Исувы в Алзи имеется другой, более удобный для движения больших масс войск проход: из Харпутской равни-

²⁸ *J. Marquardt*, *Eranšahr*, Berlin, 1901, стр. 141.

²⁹ *E. Forrer*, RLA I, 89. Но и в данном случае Э. Форрер сопоставляет Кутмар с новоассирийским Куллимери.

³⁰ *N. Adontz*, *Histoire d'Arménie*, Paris, 1946, стр. 43, прим. 1; *С. Т. Еремян*, карта Урарту (Атлас Армянской ССР, 102); *И. М. Дьяконов*, *Предыстория...*, стр. 94, прим. 45.

³¹ *E. Forrer*, RLA I, стр. 89.

³² Имеется в виду не только Суппилулиумас I, но и Хаттусилис III (?), предпринявший поход против Ассирии также из Исувы (КВо IV, 14, Rs. 38; *E. Forrer*, RLA I, 263; *И. М. Дьяконов*, *Предыстория...*, стр. 97).

³³ *Г. А. Капанцян*, *Хайаса...*, стр. 195.

ны через Восточный Тавр к Эргани³⁴. Такой маршрут продвижения Суппилулиумаса из Исувы на Эргани был предложен уже Я. А. Манандяном, считавшим, что хетты двинулись затем на Диярбакыр, а оттуда на Мардин, и не исключавшим поэтому локализацию Кутмара близ Кашиярских гор³⁵.

Расположение Кутмара у гор Кашияри допускал уже ранее Н. Адонц, подчеркивавший, что оно может быть принято, если предположить, что в плохо сохранившемся договоре Суппилулиумаса I с царем Нухассе Тетте, в той его части, где имя царя Алзи Антаратли упоминается в связи с горами Кашияри, речь могла идти о крепости Кутмар³⁶. В таком случае, по мнению ученого, границы Алзи могли достигать гор Кашияри³⁷. Однако имя алзийского царя могло быть упомянуто в этом договоре безотносительно к акту передачи ему Кутмара. И поскольку текст разрушен, предположение о протяжении границ Алзи до гор Кашияри³⁸ можно делать на основании этого отрывка лишь с большой осторожностью, зато оно уже убедительно подтверждается надписями Тукульти-Нинурты I.

Итак, отождествление Кутмара с совр. Кунмаром можно признать, если принять предложенный Э. Форрером маршрут похода

³⁴ Н. Г. Корсун, Турция, М., 1923, стр. 22; С. Н. Матвеев, Турция, М.—Л., 1946, стр. 182 сл. Через хребет Эргани проходил древний торговый путь, связывавший Малую Азию с Северной Месопотамией. И сейчас здесь проложены железная и шоссейная дороги.

³⁵ Я. А. Манандян, О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении, Ереван, 1956, стр. 123, 129.

³⁶ КВо 1, 4, Vs. Kol. 1, 16 сл.; E. Weidner, PDK, № 3: a-na KURⁱ-šu-wa a[ⁱ-lik... ki]-i-me-e KURⁱ-šu-wa ú-ḫal-liq ú a-na [ti-il₅-lu-ti-šú...] ša I¹šar-ru-up-ši i-na KUR URU¹mi-it-i[a-an-ni al-lik...] ki-i-me-e KUR^{tam} ša ḪUR.SAG¹ka-ši-j[a-ra... I¹an-tar-a-a]t-la LUGAL KUR^{al}-še D^š[amši... ḪUR.SAG^kka-ši-ja-ra [...] ki-i-me-e [...ú-ḫal]-liq-ma. „В страну Исува я п[ошел...ко]гда страну Исува я разрушил и на [помощь...] Саррупси в страну Мит[анинн]и я пошел...], когда горы Кашияр[и... Антарат]ли, царь страны Алше, Я, С[олнце... горы К]ашияри [...] когда [...]я раз]рушил...

³⁷ Ы. Ադոնց, Հայաստանի պատմություն, стр. 49.

³⁸ E. Weidner, PDK, стр. 59, прим. 14.

Суппилулиумаса I из Исувы на Палу—Хани—Диярбакыр или же, если предположить, что при более удобном для продвижения больших масс маршруте из Харпутской равнины на Эргани (через хребет Эргани) хеттское войско несколько отклонилось на северо-восток в сторону Кунмара.

Трудно сказать, на чьей территории был расположен этот пограничный город—на территории Алзи или Исувы. Это могла быть исувская крепость, завоеванная Суппилулиумасом I и переданная им Антаратли. Возможно, Кутмар принадлежал Алзи, но был захвачен усилившейся Исувой. Суппилулиумас же, подчинив Исуву, вернул Алзи эту пограничную крепость. Суппилулиумас мог оккупировать Кутмар как алзийский город, который он тем не менее не разрушил. В любом из этих случаев передача Кутмара Антаратли—это дипломатический ход Суппилулиумаса, вызванный желанием заручиться поддержкой алзийского царя, через территорию страны которого должно было пройти хеттское войско, чтобы достигнуть Митанни³⁹. Не случайно могущественный Суппилулиумас искал союза с Алзи. В договорах этого царя Алзи выступает как значительное царство наряду с Митанни, Вавилонией и Египтом⁴⁰. Следовательно, в Алзи Суппилулиумас мог встретить серьезное сопротивление. Конфликт же с этой страной был невыгоден хеттскому царю: необходимо было сохранить, по-видимому, ослабленные дальностью и трудностью перехода и особенно при подчинении Исувы силы для осуществления основной цели похода—завоевания Митанни.

Успешные действия Суппилулиумаса I в Митанни не встретили активного сопротивления со стороны митанийского царя Тушратты, который ушел, не вступив в открытый бой с Суппилулиумасом⁴¹. Тем не менее хеттский царь вынужден был прервать митанийский поход и направиться в Сирию, чтобы подавить там волнения⁴². В самом Митанни началась борьба за трон. Тушратта

³⁹ Поддержкой царя Алзи нужно было заручиться сразу же при вступлении на территорию его страны. Поэтому убедительным кажется расположение Кутмара у границ с Исувой и, следовательно, его отождествление с Кунмаром.

⁴⁰ E. Weidner, PDK, № 3, Vs. Kol. II, 6 сл.; № 4, Vs. 5 сл.

⁴¹ E. Weidner, PDK, № 1.

⁴² H. Otten, Hethiter, Hurriter und Mitanni, Fischers Weltgeschichte, Frankfurt am Main, 1966, III, стр. 144.

был убит. Престол захватил сын Артадамы, царя Хурри⁴³, Шуттарна. Сын Тушратты Шаттивазза с 200 колесничими вынужден был бежать из страны⁴⁴.

Какова была роль Ашшур и Алзи в событиях, начавшихся с похода Суппилулиумаса, послужившего началом ослабления, а впоследствии и полного уничтожения Митанни?

Возможно, Ашшур и Алзи приняли участие в военных действиях Суппилулиумаса против Митанни. Прямых указаний об активности Алзи мы не имеем, но не исключено, что оно выступило как союзник Суппилулиумаса. О борьбе ассирийцев против Митанни может свидетельствовать сообщение Ададнерари I о действиях его предка Ашшурубаллита I, рассеявшего «всех многочисленных шубарейцев»⁴⁵. Трудно сказать, совпало ли выступление Ашшурубаллита I с походом Суппилулиумаса I. По устному сообщению Н. Б. Янковской, разбитое Ашшурубаллитом войско Митанни частью укрылось в Аррапхе; нузийцы в течение 45 дней кормили две сотни митаннийских колесничих, которые затем ушли в Вавилонию. Если под этими 200 колесничими иметь в виду митаннийцев, с которыми бежал из Митанни Шаттивазза, то, по-видимому, выступление Ашшурубаллита произошло после похода Суппилулиумаса и после смерти Тушратты.

Шуттарна, захватив престол, возвратил в Ашшур вывезенные отсюда в XVI в. до н. э. митаннийским царем Сауссадатаром обктые золотом и серебром двери (храма или дворца?). Остальную золотую и серебряную утварь он передал алзийцам. Более того, Шуттарна уничтожил дом (É-tum) царя Митанни с его имуществом и богатством, разрушил царский дворец (É. GAL) и дома хурритов (É.MEŠ ša LÚ.MEŠ^{URU} ĩur-ri), придворных же (LÚ.MEŠ

⁴³ Хотя для эпохи Суппилулиумаса I засвидетельствовано царство Хурри, царем которого является Артадама, вопрос существования отдельного царства Хурри, отличного от Митанни, продолжает оставаться спорным.

⁴⁴ E. Weidner, PDK, № 2, Vs. 14 сл.

⁴⁵ E. Ebeling, B. Meissner, E. Weidner, Die Inschriften der altassyrischen Könige, Altorientalische Bibliothek I (далее АОВ I), Leipzig, 1926, XX, I, стк. 27 сл. и прим. 2 на стр. 64, АВВМУ, № 1, стк. 15 сл. и прим. 18 на стр. 266.

GAL-ti) выслал в Ашшур и Алзи⁴⁶. Все эти действия Шуттарны были не только проявлением нетерпимости в отношении противников, но и были вызваны необходимостью найти в лице Ашшура и Алзи союзников и заручиться их поддержкой, чтобы удержаться на троне. Союз был, по-видимому, заключен на невыгодных для нового повелителя Митанни условиях. Возможно, значительная часть митаннийских земель отошла к Ашшуру и Алзи. Шуттарна «совершил насилие над Митанни, и Митанни полностью погибло. Люди Ашшура и Алсе (Алзи) разделили его между собой»⁴⁷. Этот раздел Митанни следует рассматривать не только как условие необходимого для Шуттарны союза с Ашшуром и Алзи, но и (причем, возможно, даже в первую очередь) как результат упоминавшихся военных действий ашшурцев и алзийцев против Митанни. Союз Шуттарны с Ашшуром и Алзи фактически свел на нет поход Суппилулиумаса I, поскольку Митанни оказалось вне сферы хеттского влияния. Не этим ли объясняется поддержка Суппилулиумасом I Шаттиваззы—сына его противника Тушратты, который бежал в Хатти. Покровительство и военная помощь могущественного хеттского правителя помогли Шаттиваззе сесть на митаннийский престол.

Союз Суппилулиумаса I с Шаттиваззой, скрепленный договором и браком последнего с дочерью Суппилулиумаса, не просто возвращал Митанни под хеттское господство. Суппилулиумас приобретал в Северной Месопотамии в лице Митанни буферное государство, вынужденное в первую очередь противостоять натиску усиливающейся Ассирии⁴⁸. Дальнейшие события подтвердили политическую дальновидность Суппилулиумаса.

Свой статус равного Ханнигальбату (Митанни), Египту, Кардуниашу (Вавилонии) царства⁴⁹ Алзи сохраняло до создания в

⁴⁶ E. Weidner, PDK, № 2, Vs. 8 сл.

⁴⁷ E. Weidner, PDK, № 1, Vs. 49 сл. Фраза Шуттарна «совершил насилие над Митанни» отсутствует в тексте А договора Суппилулиумаса I с Шаттиваззой, но имеется в тексте В (E. Weidner, PDK, стр. 16, прим. 2).

⁴⁸ H. Otten, Fischers Weltgeschichte, III, стр. 134, 148; J. M. Munn-Rankin, Assyrian Military Power, САИ II, XXV [1967], стр. 5.

⁴⁹ H. Otten, ук. соч., стр. 153.

Месопотамии Среднеассирийского государства. Интересы усиливающейся Ассирии были направлены в первую очередь на север, где осуществлению захватнических интересов Ассирии могло помешать Митанни, поэтому завоевание Митанни явилось основной целью внешней политики первых среднеассирийских царей—Ададнерари I и его сына Салманасара I. Несмотря на успешные войны Ададнерари I в Северной Месопотамии⁵⁰, Митанни не было окончательно подчинено Ассирии. Более того, оно было потеряно Ассирией или в последние годы правления этого царя, или в ранние годы царствования Салманасара I⁵¹, и, возможно, причиной этого явились действия хеттов, стремившихся вернуть Митанни под свое господство. Если правильна интерпретация Э. Форрером письма митаннийского царя, по-видимому, Васашатты, Хаттусилис III завоевал Митанни в союзе с «шубарейским царем», каковым, возможно, являлся царь Алзи⁵².

Спор за Митанни был разрешен Салманасаром I. Его победа над Шаттуарой II⁵³ знаменовала окончательное падение Митанни, территория которого была присоединена к Ассирии. Салманасар I, первым из ассирийских царей проникший в долину верхнего Тигра⁵⁴, попытался, как это явствует из надписи его сына Тукульти-Ни-

⁵⁰ E. Weidner, Die Kämpfe Adadneraris I. gegen Hanigalbat, AfO V [1923—1929]; он же, Wasasatta, König von Hanigalbat, AfO VI [1930].

⁵¹ Этот вопрос остается пока нерешенным. См. АОВ I, прим. 9 на стр. 118; R. Borger, Die Einleitung in die assyrischen Königsinschriften (далее ЕАК), Handbuch der Orientalistik I, Erg. 5, Abschn. 1 [1961], стр. 57; M. B. Rowton, The Background of the Treaty between Ramesses II and Hattusiliš III. JCS VIII, 1 [1959], стр. 2; M. Falkner, Studien zur Geographie der alten Mesopotamien, AfO XVIII [1957—1958], стр. 9.

⁵² КВо I, 20, E. Laroche, Catalogue, Paris, 1971, № 208; E. Forrer, RLA I, стр. 258 сл.; Н. М. Дьяконов, ПАН, стр. 96 сл.

⁵³ АОВ I, XXI, 1, Kol. II, стр. 16 сл.

⁵⁴ Если согласиться с локализованной митаннийского поселения Элухат, завоеванного еще Ададнерари I, севернее Тур-Абдина (древн. Кашняри) (E. Forrer, RLA I, стр. 262; E. Unger, RLA II, стр. 358 сл. Такое местоположение Элухата представляется спорным; библиографию по этому вопросу см. M. Falkner, ук. соч., стр. 8 сл.), то первым ассирийским царем, проникшим в эти районы, следует считать Ададнерари I. Локализация митаннийского поселения Таиди,

нурты I, подчинить «страну» шубарейцев (в данном случае имеются в виду области к северу от гор Кашияри: страна Алзи и ее союзники), но, по-видимому, безуспешно, поскольку жители этих «стран» восстали и не прислали Салманасару I дани⁵⁵.

Решительную борьбу с шубарейцами (=хурритами) должны верхнего Тигра повел Тукульти-Нинурта I. Многочисленные надписи этого царя⁵⁶ сообщают о покорении «страны» шубарейцев (KUR šu-ba-gi-i), которая включала «страны» Кадмухи⁵⁷, П/Бушшу, Мумму, Алзи, Амадани (вариант Мадани), Нихани, Тебурзи⁵⁸, П/Бурулумзи и «страну» пабхийцев (KUR rab-ḫi-i).

Среди этой коалиции шубарейских «стран» различаются две группировки⁵⁹: «страны» Кадмухи, Пушшу, Мумму и «страны» Алзи, Амадани, Нихани, Тебурзи, Пурулумзи. Вторая группа «стран» обычно обозначается как «область гор Кашияри»⁶⁰. Лидером среди них выступает страна Алзи. Кроме того, здесь выделяется также «страна» Пурулумзи. Такое подразделение шубарейских «стран», возможно, было обусловлено географией местности. Кадмухи, Пушшу, Мумму⁶¹ не включались в понятие «область гор

также завоеванного уже Ададнерари I, в районе Днярбакыра (*E. Cassin, Fischers Weltgeschichte*, III, стр. 81) не поддерживается исследователями.

⁵⁵ ITN, I, III, 30 сл.

⁵⁶ См. ITN.

⁵⁷ Эта «страна», покоренная отцом Ададнерари I, Арикденили (AOB I, XX, 1; АВИНУ, I), была, по-видимому, потеряна при Ададнерари I; ее снова завоевал Салманасар I (AOB I, XXI, 1, III, 18 сл.), но также не сумел подчинить окончательно (см. *R. Borger, EAK I*, стр. 79).

⁵⁸ Чтение названия этой «страны» окончательно устанавливается текстом КВо, I, 1.

⁵⁹ «Страна» пабхийцев не включается ни в одну из них.

⁶⁰ Как мы указали выше, раскрытие понятия «область гор Кашияри» через перечисление «стран» Алзи, Амадани и пр. может явиться доказательством протяжения границ Алзи до гор Кашияри.

⁶¹ Поступление скота из Кадмухи и Мумму (199 козлят из Кадмухи и 10 козлят из Мумму) фиксируется в документе архива Тукульти-Нинурты I (*E. Weidner, Studien zur Zeitgeschichte Tukulti-Ninurtas I, AfO XIII [1939]*, 1/2, 112). В другом документе этого же архива регистрируется выдача 3 овец для, по-видимому, пленного «царя» Пушшу (см. там же).

Кашняри», очевидно, потому, что не охватывали горные районы Кашняри и лежали южнее этих гор⁶².

Особое место среди шубарейских «стран» занимала «страна» пабхийцев⁶³. Эта отдаленная «страна», локализуемая в районе слияния Западного и Восточного Тигра (Бохтан-су)⁶⁴ и севернее Кадмухи⁶⁵, была известна также хеттам (KUR^{URU} pa-ra-aḫ-ḫi или KUR^{URU} pa-ra-an-ḫi)⁶⁶ и египтянам (pḥ или pwh)⁶⁷. «Страной пабхийцев» обозначалось не политическое объединение; это было понятие общего характера, под которым подразумевалась обширная горная территория, заселенная, по-видимому, многочисленными племенами. Этимология названия этой «страны» (хур. pabḫi «горный», ср. урартск. babani «гора»), безусловно, связывает ее с горами, каковыми, очевидно, являлись Курдистанские горы.

⁶² В правление Тиглатпаласара I территория Кадмухи охватывала области и к северу от гор Кашняри (см. АКА, I, Col. I, 72 сл.; АВНИУ, № 10). Расширение границ Кадмухи, очевидно, за счет территории Алзи, могло быть результатом ослабления Алзи, начавшегося после завоевания ее территорий Тукульти-Нинуртой I, а также вследствие вторжения в эти районы в XII в. до н. э. племен мушков и урумейцев. То, что основная территория «страны» Кадмухи занимала область к югу от гор Кашняри, подтверждается и новоассирийскими документами, позволяющими локализовать Кадмухи в районе совр. Джизре (E. Forrer, PAR, стр. 17 сл.; Н. М. Дьяконов, АВНИУ, № 50, прим. 2). О локализации Кадмухи в среднеассирийский период ср. Н. В. Арутюнян, Биайнили, стр. 22—23, 30—32.

⁶³ В общем перечне завоеванных Тукульти-Нинуртой I «стран» (ITN, № 2, 22), а также при перечислении только шубарейских «стран» (№ 5) Пабхи упоминается всегда перед Кадмухи (и после Мехри—в общем списке). В двух надписях (№ 16, 17) она названа отдельно от шубарейских «стран». В ряде надписей (№ 3, 6, 14, 16) «страна» пабхийцев связывается со «страной» укумашийцев—племен, жившего юго-восточнее оз. Ван, в районе среднего течения р. Большой Заб (Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 165 сл. Ср. Н. В. Арутюнян, Биайнили, стр. 361 сл.).

⁶⁴ E. Forrer, RLA I, 328 сл.

⁶⁵ Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 50; Н. В. Арутюнян, Биайнили, стр. 36.

⁶⁶ См. КВо II₉, I; КUB XV₃₄, I, 58.

⁶⁷ H. Gauthier, Dictionnaire des noms géographiques, t. 2, 1925, Le Caire, стр. 37.

В надписях Тукульти-Нинурты I, сообщающих о завоевании шубарейских «стран», особенно подчеркивается подчинение «стран» Алзи, Пурулумзи, Амадани, Алайа, Тебурзи⁶⁸, причем наибольшему разгрому из них подверглись первые три. Были захвачены и разграблены 4 «укрепленных города господства» Эхли-Тешшуба, царя Алзи⁶⁹ (4 URU be-lu-ti-šu dan-nu-ti⁷⁰), 6 укрепленных(?) поселений „страны“ Амадани (6 URU.AŠ.AŠ šar-šu-ti), большое торговое(?) поселение страны Пурулумзи (ma-ḫa-za GAL^a). Всего было разграблено, разрушено и сожжено 180 шубарейских поселений, их жители взяты в плен и уведены в Ашшур. Эхли-Тешшуб, царь Алзи, со своими сыновьями и придворными бежал в Наири. „Страны“ Алзи, Амадани, Нихани, Алайа, Тебурзи и Пурулумзи были обложены данью и включены (букв. „повернуты“) в состав Ассирии.

Таким образом, продолжавшееся при Тукульти-Нинурте I усиление Среднеассирийского государства расширило сферу ассирийского влияния далеко на север и остановило ассирийцев непосредственно перед верхнеевфратской долиной, где пока что удерживали свое влияние хетты⁷¹.

Завоевание Тукульти-Нинуртой I долины верхнего Тигра ослабило царство Алзи, что в свою очередь послужило одной из причин, вызвавших события, имевшие место на этой территории в середине XII в. до н. э. и сыгравшие большую роль в истории общества Армянского нагорья. Речь идет о вторжении племен мушков и урумейцев⁷².

Причины, выдвинувшие Алзи в число довольно важных царств II половины II тыс. до н. э., следует видеть в природных ус-

⁶⁸ ITN, I.

⁶⁹ Если хурритское происхождение первого известного нам царя Алзи—Антаратли вызывает сомнение (по мнению И. М. Дьяконова, имя Антаратли вряд ли можно объяснить с точки зрения хурритского словообразования; более вероятно, что оно лувийское), зато безусловно хурритским является имя второго известного нам царя Алзи—Эхли-Тешшуба.

⁷⁰ Имеются в виду города с царской резиденцией.

⁷¹ Тукульти-Нинурта I переходил Евфрат (ITN, № 16, 17)—южнее Исувы, поскольку в его надписях нет сообщений о завоевании этой страны.

⁷² Вопрос об этом явится предметом специального исследования.

ловнях этой страны. С. Т. Еремян связывает ускоренный процесс разложения первобытнообщинного строя и зарождение элементов государственности в Арме-Шубрин—политическом объединении Армянского нагорья I тыс. до н. э., включавшем территорию Алзи,— с разработкой медных месторождений Эргани-Мадена⁷³. Процессы, описанные С. Т. Еремяном, очевидно, имели место уже в более ранний период—во II тыс. до н. э. Ход образования классового общества в Алзи и значительность этого царства, возможно, обогащавшегося от торговли металлом, следует также связывать с разработкой расположенных на территории Алзи медных рудников Эргани-Мадена. Аналогичный процесс возникновения и развития раннеклассовых городов-государств в связи с горнорудными разработками и возникшей на этой основе международной торговлей хорошо известен на примере ряда расположенных к западу от Армянского нагорья районов восточной Малой Азии III—начала II тыс. до н. э. (Пурушханда, Анкува, Каниш, Хаттуса и др.).

73 Ս. երեմյան, Հայկական առաջին պետական կազմավորումները, стр. 94.

Г. Х. САРКИСЯН

ДОВОЛЬСТВИЕ-ISQU В ГОРОДЕ ПОЗДНЕЙ ВАВИЛОНИИ—АНАЛОГ ПОЛИСНЫХ РАЗДАЧ

(Постановка вопроса)

Нет надобности подробно останавливаться на сущности полисных раздач, то есть различных форм субсидирования гражданского коллектива полисов. Скажем лишь несколько слов для определения аспекта подхода к этому вопросу в данной статье. Я опираюсь главным образом на известные труды Бузольта-Свободы и Андреадеса, в которых рассмотрен материал по классическим эллинским полисам, в основном—по Афинам.

Наиболее характерной формой раздач были, как известно, *θεωρικά*—«зрелищные деньги», выдававшиеся гражданам полиса для посещения театральных представлений. Учрежденные вначале, в классическую эпоху, в весьма умеренных пределах, они затем в период кризиса полиса в IV в. неизмеримо увеличились и стали предоставляться также для участия в различного рода городских празднествах. Они поглощали все излишки государственных доходов. Социальная сущность этих раздач совершенно ясна: они давали возможность бедным слоям граждан участвовать в различных мероприятиях города наряду с имущими и служили тем самым делу консолидации гражданского коллектива полиса как коллектива действительных и потенциальных рабовладельцев в его противопоставлении массе рабов и неполноправных. Недаром Демад, афинский деятель второй половины IV в. до н. э. назвал *θεωρικά* «клеем демократии» (*κόλλαν δημοκρατίας τὰ θεωρικά τῆς δημοκρατίας*). Разумеется, речь идет об античной демократии.

Другую форму раздач представляла собой днобелня—выдача двух оболов в день бедным гражданам, что в итоге также преследовало указанные выше цели.

К раздачам можно приравнять и оплату такой деятельности граждан, как участие в заседаниях народного собрания, буле, судебных коллегий и т. п., каковое, собственно, было обязанностью граждан и должно было осуществляться бесплатно. Однако полису приходилось тратить на это значительные и все возрастающие суммы, достигавшие многих десятков талантов в год.

Граждане получали свою долю и от мяса жертвоприношений, животные для которых поставлялись государством. Правда, в этих поставках большую роль играла и литургия, поручавшаяся наиболее богатым гражданам, но это не меняет существа интересующего нас вопроса.

Кроме таких регулярных раздач, имели место и экстраординарные раздачи продуктов, в основном хлеба, в периоды войны и других бедствий. Однако эти раздачи, эпизодические в классический период, со временем превращались в обычные: народ привыкал к ним и требовал их регулярно.

Какое же явление в городах Вавилонии эллинистического периода мы склонны типологически сопоставить с раздачами в греческих полисах?

В Вавилонии издревле существовал институт *isqu* или *išqu* (логограмма *G1Š. ŠUB. BA*), что буквально означает «долю» или «жребий». Этим термином в рассматриваемых нами случаях определялось натуральное довольствие, полагавшееся за исполнение определенных культовых функций при храмах. В известных нам документах упоминается более десятка функций, обеспечивавшихся довольствием, например, функции «заклинательства» (*ašipūtu*), «вступления в храм» (*erib-bīfūtu*), «мясничества» (*tābi-hūtu*), «пивоварства» (*sirašūtu*) и т. п. Несмотря на ремесленный характер названий некоторых из этих функций, все они, как это видно из описаний ритуалов, были культовыми. Довольствие, выдаваемое за исполнение этих функций, было, как отмечалось, натуральным, состояло в основном из определенного, разного для исполнителей различных функций количества жервен-

ного мяса, но также из других продуктов, иногда—одежды, благо-
воний и т. п.

«Довольствие-иску» встречается еще в шумерских текстах, далее, в старовавилонский и нововавилонский периоды. Во все эти времена оно было отчуждаемо, причем передавалось вместе со связанными с ним функциями. Оно могло отчуждаться и по частям: например, отчуждалось довольствие половины или трети дней каждого месяца, и вместе с ним к покупателю переходили соответствующие функции на эти дни.

Документы, касающиеся «довольствия-иску» в древний период довольно редки. В нововавилонский период (VII—IV вв. до н. э.) они встречаются чаще, раздробленность их бывает несколько большей. И все-таки из 10 тысяч известных нам нововавилонских частнопроводных и административных документов им посвящено лишь несколько десятков, то есть максимум—один процент общего числа.

Эта картина резко меняется в эллинистический период. Основная масса клинописных деловых документов этого времени дошла до нас из Урука—одного из древнейших городов Вавилонии. Несколько слов об Уруке селевкидского периода. Ядром города, как установлено нами в предыдущих работах, являлась его гражданско-храмовая община—продукт постепенного слияния гражданской части населения города с храмовым персоналом в единый гражданский четко очерченный коллектив типа городских общин эллинистических полисов. Гражданско-храмовая община имела свой определенный статус в системе государства—была полуавтономна, имела различные привилегии в отношении государственных податей и повинностей, присущие городам этой эпохи, обладала своими органами самоуправления и в своей деловой жизни продолжала придерживаться традиционной клинописной нотариально-правовой системы.

Документов—продуктов этой системы нам для эллинистического времени пока известно значительно меньше, чем для нововавилонского—всего 350—400. Из этого числа мне было доступно несколько более 200, из них пока не изданных—50 (фотографии последних любезно предоставлены мне Восточным институтом Чикагского университета для исследовательских целей) .

В вопросе «довольствия-иску» между нововавилонским и эллинистическим периодами имеется два основных различия. Первое из них заключается в том, что если там сделки с довольствием составляют около 1 процента общего числа документов, то в эллинистический период они составляют более 30 процентов—треть общего числа, причем эта пропорция довольно стабильна и внутри групп документов, происходящих из различных архивов.

Таким образом, можно констатировать, что среди объектов сделок в эллинистический период—по крайней мере в урукском материале—«довольствия-иску» занимают значительно больше места, чем в нововавилонский период. Они стали массовым объектом купли-продажи.

Второе основное различие заключается в том, что в сделках эллинистического периода фигурируют, по сравнению с нововавилонским периодом, значительно более размельченные части «довольствий-иску». Здесь мы имеем дело с отчуждением не только целых (кстати, в очень редких случаях) довольствий или их половины, трети, одной шестой, но и одного дня каждого месяца, а в большинстве случаев—дробных частей дня, от половины до $1/56$.

Отсюда следует второй основной вывод. Если еще в нововавилонский период вместе с отчуждением довольствия или его частей могли передаваться также связанные с ним функции, то в эллинистический период это стало невозможным, по крайней мере, в большинстве случаев. Немыслимо было бы передать $1/18$ или $1/30$ часть обязанностей одного или нескольких дней месяца.

Этот вывод подтверждается рядом других обстоятельств. Во-первых, в качестве покупателей довольствия выступают не только непосредственно связанные с храмами люди, но, в большинстве случаев, частные лица, граждане Урука; таким образом, довольствие выходит за пределы храмового персонала*. Во-вторых, в числе покупателей довольствия в ряде случаев оказываются греки, которые вряд ли могли бы стать исполнителями культовых функций в вавилонских храмах. В-третьих, покупателями до-

* Поэтому применение в литературе термина «пребенда» к урукским «довольствиям-иску» эллинистического периода мне представляется не слишком правомерным.

вольствия нередко являются женщины, в то время как функции, связанные с приобретенным ими довольствием, относятся к мужчинам.

Все это подводит к заключению, что в эллинистический период между правами на довольствие и связанными с ним обязанностями имелся разрыв и что обязанности эти уже успели превратиться в фикцию. Таким образом, «довольствие-иску», некогда представлявшее собой плату за исполнение определенных обязанностей, превратилось в форму раздачи продуктов жертвоприношений и других материальных благ.

Казалось бы, это явление трудно назвать раздачами, поскольку обладатели прав на довольствие приобретали эти права за деньги, платили за них. Однако следует иметь в виду, что сама администрация храмов или, что то же, администрация гражданско-храмовой общины, предоставляла довольствие не за деньги, не продавала его, а давала за исполнение определенных обязанностей. С превращением этих обязанностей в фикцию довольствие, с точки зрения администрации, государства, превратилось в раздачу в полном смысле этого слова.

Возможно, и даже вероятно, что эллинистический полис, ставший агентом, проводником влияния греческого образа жизни на Востоке, и оказал какое-то воздействие на действительность вавилонского города также в затронутой нами области, как это несомненно имело место в других областях жизни. Однако нашей целью здесь было подчеркнуть не этот, представляющийся нам в данном конкретном случае второстепенным, аспект проблемы, а именно функциональную адекватность двух явлений, чуждых друг другу по природе своих предметных истоков.

В. Н. ХАЧАТРЯН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ХЕТТСКОГО ЦАРСТВА

Вопросу о древневосточных современниках хеттских царей посвящен ряд ценных работ зарубежных специалистов¹. Здесь мы намерены коснуться некоторых вопросов хронологии истории хеттов периода Империи. Что касается времени Древнего царства, то клинописные источники содержат о нем весьма скудные сведения. В специальной литературе лишь установлены отдельные точные датировки событий истории хеттов данного периода.

В работе «Хетты» О. Гэрни представил нам список имен хеттских царей с указанием на округленные, приблизительные даты их правления². Однако это сделано автором для научно-популярных целей. Он не приводит научное обоснование этой хронологии.

¹ А. Goetze, JCS, Vol. IX, № 2, 1957, стр. 53—73; H. Klengel, Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. Teil 1—Nordsyrien, Berlin, 1965; Oriens Antiquus, Vol. VII, Fasc. 1, Roma, 1968, стр. 63—76; Klio, Band 51, Berlin, 1969, стр. 5—14; H. Otten, Die hethitischen historischen Quellen und altorientalistische Chronologie, Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandlung der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, 1968, № 3, стр. 101—126. Рецензию на эту работу см.: Г. Г. Гуоргадзе, ВДН, 1971, № 3, стр. 155—156.

² O. Gurney, The Hittites, Liverpool, 1951, стр. 216. Ср. подобный список у E. von Schuler, Die Kaškäer, Berlin, 1965, стр. 18. Ср. также Fr. Cornelius, Geschichte der Hethiter, Darmstadt, 1973, стр. 356, где тоже датировки округлены. Э. Бикерман для Нового царства хеттов считает более приемлемым хронологию А. Камменхуёер (Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968, стр. 23—46), согласно которой, Суппилулиума правил около 1360 гг. до н. э., Арну-

В настоящей же статье делается попытка на основании хеттских, египетских и ассирийских письменных источников установить хронологические рамки истории хеттов периода Империи.

По данным документов, найденных в Эль-Амарне, хетты продвигались к югу еще во время Тутмеса IV (1422—1413 гг. до н. э.)³. В конце правления Аменхотепа III (1413—1377 гг. до н. э.) хетты дошли до города Эмес. А Суппилулиума написал письмо Аменхотепу IV (Эхнатон—1377—1360 гг. до н. э.), в котором он жалуется на то, что не получил ответа на свое первое письмо и требует, чтобы Эхнатон, подобно своему отцу, был дружен с ним и выполнял свои братские обязательства⁴.

Одновременно установлено, что после смерти Тутанхамона в 1349 г. до н. э. его жена Дахамун (Пипхуррурийа) отправила гонца к Суппилулиуме с просьбой послать одного из его сыновей в Египет в качестве царя и мужа царицы⁵. Следовательно, Суппилулиума был современником Тутанхамона и жил также после него. Разумеется, современник Аменхотепа IV и Тутанхамона правил и во время Сменхкара, наследника первого и предшественника последнего.

По письму Суппилулиумы, адресованному Аменхотепу IV, хеттский царь был дружествен с его предшественником Аменхотепом III. Однако Аменхотеп IV с самого начала своего правления был недоволен им и не ответил на его первое письмо, в котором, по мнению специалистов, Суппилулиума поздравлял египетского царя с восшествием на престол⁶. Это недовольство Аменхотепа IV объясняется тем, что до него между Египтом и Хатти были серьезные разногласия, о которых Суппилулиума умалчивал. Египетские письменные источники об этом пишут: «Когда Аменхо-

ванда II—около 1345 гг. до н. э., Хаттусили III—около 1270 гг. до н. э., Тудхалия IV—около 1250 гг. до н. э., а Суппилулиума II—около 1200 гг. до н. э. (см. Э. Бикерман, Хронология Древнего мира, М., 1975, стр. 191).

³ Мы везде имеем в виду египетскую хронологию Нёберта—O. Neubert, *The valley of the kings*, London, 1957, стр. 54—55.

⁴ EA, № 12, стр. 1092 и прим. 2; EA, § 41.

⁵ *Deeds*, стр. 28—30.

⁶ GA, 227.

геп III праздновал свой третий юбилейный год, северные горизонты стали беспокойными—хетты ворвались в Митанни и в бассейне нижнего Оронта захватили египетские провинции»⁷.

Аменхотеп III свой первый юбилей отметил на 30-м году правления, а о времени II и III нет никаких данных. По Г. Брестиду, он отмечал свой юбилей подобно Рамсесу II, т. е. I на тридцатом году правления, II—на тридцать четвертом, а III—на тридцать шестом⁸. Следовательно, Аменхотеп III (1413—1377 гг. до н. э.) свой III юбилей отметил на тридцать шестом году правления, который соответствует его последнему году, т. е. 1377 г. до н. э. Именно в этом году, когда Аменхотеп III праздновал свой третий юбилей, хетты напали на границы Египта. Однако до этого, как на это указывает Суппилулиума в своем письме, адресованном Аменхотепу IV, с его предшественником, т. е. с Аменхотепом III, он был в хороших отношениях. Следовательно, это было первым нападением Суппилулиумы на границы Египта. Да и египетские письменные источники подтверждают, что хетты напали на границы Египта во время правления Тутмеса IV и при Аменхотепе III. Значит, это было первое столкновение Суппилулиумы с Египтом.

По хеттским текстам первое нападение Суппилулиумы на границы Египта произошло на двадцать первом году его правления. Об этом сказано в летописи Суппилулиумы, составленной его внуком Хаттусили III. Согласно указанному документу, как замечает К. Кичен⁹, Суппилулиума двадцать лет занимался восстановлением и укреплением страны Хатти. Двадцать лет он провел в Хатти, а затем во главе хеттских войск захватил Ливан и напал на страну Хурри¹⁰.

Итак, египетские письменные источники свидетельствуют, что во время третьего юбилея Аменхотепа III, т. е. в 1377 г. до н. э., хетты напали на Митанни и захватили у Египта провинции, расположенные в бассейне нижнего Оронта, а хеттские тексты пишут, что Суппилулиума на двадцать первом году правления напал на

⁷ ARE, 870; GA, 211—212.

⁸ ARE, 870.

⁹ SAP, 3—5.

¹⁰ KUB, XIX, 9, I, 5—14.

Хурри и захватил Ливан. Если иметь в виду, что Суппилулиума был современником Аменхотена III, с которым он до этих событий вообще был в добрососедских отношениях, а район нижнего Оронта и Ливан—смежные друг с другом территории, то можно предположить, что события тридцать шестого года правления Аменхотена III совпадают с действиями Суппилулиумы, совершенными в двадцать первом году его правления.

Следовательно, Суппилулиума занял хеттский престол за двадцать лет до событий, происшедших в 1377 г. до н. э. Поэтому 1397 г. до н. э. следует считать началом правления Суппилулиумы. Одновременно этот же год, естественно, является концом правления его отца и предшественника Тудхалии III.

Что же можно сказать о последнем годе правления Суппилулиумы?

О смерти Суппилулиумы в тексте молитвы его сына Мурсили II сказано: «Бог Дат[т]а страны Хатти, мой господин, и [боги страны Хатти, гос]пода мои, великий царь Мурсили послал меня, вашего слугу, велел,—Иди, так скажи богу Дат[т]а страны Хатти, моему господину, и богам, моим господам: «Что это вы сделали, распространили холеру в стране Хатти. Мой брат и мой отец умерли»¹¹.

Как видно из приведенного отрывка, отец Мурсили II—Суппилулиума умер от холеры.

О тех же событиях и распространении холеры в Хатти более подробно мы читаем в другом отрывке того же документа: «Мой отец послал пехоту и боевые колесницы, Они напали на границы страны Мицри (т. е. Египет —В. Х.), на страну Амка. Потом еще раз он послал их, и они опять напали. А когда люди страны Мицри испугались, пришли и попросили у моего отца его сына с целью сделать царем. Когда мой отец дал своего сына, когда его увели, его убили. Мой отец же разгневался. Он убил их в Мицри... Среди военнопленных, которых захватили, когда их пригнали в Хатти, среди <этих> военнопленных распространилась холера. Они стали умирать... С этого дня в страну Хатти пришла смерть»¹².

¹¹ KUB, XIV, 8.

¹² KUB, XIV, 8. 10. 11.

Итак, если первый из приведенных отрывков позволяет установить, что в стране Хатти была распространена холера, отчего умерли Суппилулиума и его сын, то по сообщению последнего выясняется, что эта болезнь распространилась в Хатти вследствие угона египетских военнопленных в эту страну. Египтяне пришли и попросили у Суппилулиумы его сына в качестве египетского царя, увели его, а потом убили. Разгневавшись, Суппилулиума послал войско, которое захватило многих египтян в плен и угнало в Хатти. Среди них вспыхнула холера, которая распространилась по всей стране Хатти, от которой и умерли Суппилулиума и его сын, брат Мурсили II.

Об этих событиях рассказывает и другой хеттский текст. Как замечает Х. Г. Гютербок, по сообщению этого текста после смерти Тутанхамона (он правил в 1358—1349 гг. до н. э.) его жена Дахамун послала гонца к Суппилулиуме с просьбой отправить его сына в Египет в качестве мужа царицы и египетского царя. Царь страны Хатти выполнил просьбу Дахамун, и его сын по имени Сарри-Кусух (в ином тексте Пийассили) поехал в Египет, однако зимой вернулся. По просьбе Дахамун Суппилулиума послал второго своего сына—Цананца, которого в Египте убили. В гневе царь страны Хатти снарядил войско во главе с третьим своим сыном Арнувандой, который и отомстил египтянам, пригнав их в качестве военнопленных в Хатти¹³.

Итак, Суппилулиума умер после смерти египетского царя Тутанхамона. Сын Суппилулиумы—Сарри-Кусух вернулся из Египта, не согласившись стать царем, видимо, весной 1349 г. до н. э.

Следует иметь в виду, что египетский трон не мог долго оставаться свободным. В крайнем случае, во время хеттско-египетских столкновений трон должен был быть занят. Это подтверждается тем, что между правлениями Тутанхамона и его наследника Айу все специалисты по египетской хронологии ни малейшего вакуума не оставляют: Тутанхамон правил в 1358—1349 гг. до н. э., а Айу—в 1349—1345 г. до н. э. Следовательно, все указанные со-

¹³ H. G. Güterbock, *The Deeds of Suppiluliuma told by his son Mursili II*, JCS, 10 (1956), стр. 28—36; ANET, 395.

бытия произошли в течение одного года. Вероятно, Суппилулиума умер в 1348 г. до н. э.

После смерти Суппилулиумы I на хеттский трон вступил его сын Арнуванда II. Об этом его брат и наследник Мурсили II пишет: «Когда я не сидел на троне своего отца, со мной все окружающие чужие страны стали враждовать. Когда отец умер, Арнуванда же, мой брат, сел на трон своего отца. Потом сразу же заболел. Когда чужие страны услышали о болезни моего брата Арнуванды, чужие страны стали враждовать. А когда Арнуванда, мой брат, умер, те чужие страны, которые не были врагами, они тоже стали враждовать»¹⁴.

По сообщению приведенного отрывка, Арнуванда II заболел сразу же после вступления на престол. В связи с болезнью Арнуванды тот же Мурсили II пишет: «Страна Хатти очень страдает от холеры. Мой брат и мой отец умерли»¹⁵.

Итак, если Арнуванда действительно заболел холерой, то после этого он жил недолго. Когда Мурсили II вступил на трон, холера еще свирепствовала в стране. Об этом он пишет: «А когда я, Солнце, сел на трон своего отца, окружающие чужие страны, которые со мной враждовали, пока ни на какую чужую страну я войной не пошел. Я следил за исполнением празднеств богини Истану города Аринна, моей госпожи»¹⁶.

Таким образом, в первый год своего правления Мурсили II занимался религиозными праздниками. К этому времени следует отнести текст «Второй молитвы» Мурсили II, в которой обстоятельно описаны события последнего периода правления Суппилулиумы.

Со второго же года правления Мурсили II, согласно его летописи, Хеттское царство уже вело завоевательные войны, которые явно говорят об отсутствии в стране холеры.

В связи с холерой в тексте молитвы Мурсили II написано: «Так как город Хаттуса заплатил смертью (тот двадцатикратно

¹⁴ КВо, III, 4, I, 1—15; A. Goetze, AM, стр. 14—17.

¹⁵ KUB, XIV, 8.

¹⁶ КВо, III, 4, I, 16—22; A. Goetze, AM, стр. 18—22.

[заплатил смертью]»¹⁷. Следовательно, смертность во время холеры в двадцать раз превышала обычную. А сколько времени она длилась, об этом свидетельствует следующий отрывок из того же текста: «Смотри, двадцать лет, как в Хатти смерть»¹⁸.

Если от холеры умер Суппилулиума, его сын Арнуванда после вступления на трон сразу заболел также холерой; Мурсили II же, унаследовав у него царство, лишь в первом году правления был озабочен страшными последствиями этой болезни, а со второго года начал свои завоевания, то приведенную цифру «20 лет» надо воспринимать иначе.

В тексте молитвы в одном месте написано, что смертность во время холеры в двадцать раз превышала обычную, в другом месте—двадцать лет, как в Хатти смерть.

Исходя из всего сказанного, второе сообщение следует считать преувеличением, вероятно, для религиозных целей, чтобы показать, что число умерших в Хаттусе равняется двадцати годам обычной смертности. К тому же от начала холеры до составления текста молитвы Мурсили II прошел один год, который по смертности равняется двадцати обычным годам.

Следовательно, от распространения в Хатти холеры до вступления на трон Мурсили II прошел лишь год. В течение этого времени умер Суппилулиума. Затем стал править его сын Арнуванда II, который сразу же после коронавания заболел холерой и умер. Это произошло в 1347 г. до н. э., который и можно считать началом правления Мурсили II.

Для установления даты последнего года правления Мурсили II обратимся к сообщениям хеттских текстов, относящихся к его наследнику Муваталли.

Военное столкновение между Муваталли и Рамсесом II произошло у Кадеша в 1297 г. до н. э., на пятом году правления последнего. О событиях же, относящихся к Муваталли и охватывающих начало его правления вплоть до битвы у Кадеша, подробно повествуется в «Автобиографии» Хаттусили III¹⁹. Речь идет о том, что после смерти Мурсили II хеттский трон занял его сын Мува-

¹⁷ KUB, XIV, 8, стл. II, стк. 32.

¹⁸ KUB, XIV, 10, I, стк. 12—13.

¹⁹ KBo, III, 6, I, 1—72; II, 1—63.

талли, который назначил своего брата Хаттусили III командиром. Последний «Верхнюю страну» получил в качестве собственности. Спустя некоторое время Муваталли повысил его в должности; он стал главнокомандующим всеми хеттскими войсками. В этот период Хаттусили III одержал победу над десятью странами. Эти события отняли у него десять лет.

Затем Хаттусили III на севере один год воевал против касков. После этого на Хатти напало каскское племя Писхуру. Надо предполагать, Хаттусили, получив с самого начала правления Муваталли «Верхнюю страну», несколько лет правил ею. Лишь после этого он стал главнокомандующим хеттскими войсками. Хаттусили в течение десяти лет обеспечил победу над десятью странами, а потом занимался покорением касков. Все эти события отняли у него 15—20 лет времени. Лишь после всех этих событий, по сообщению «Автобиографии», Хаттусили III проводил своего брата Муваталли в страну Мицри (Египет)²⁰.

Таким образом, до битвы с Рамсесом II у Кадеша, которая произошла в пятом году правления последнего, т. е. в 1297 г. до н. э., Муваталли правил примерно 15—20 лет. По указанному документу для данного периода это первое военное столкновение хеттов с Египтом. Итак, Муваталли впервые воевал с Египтом при Рамсесе II. Это, между прочим, подтверждается также сообщением договора Рамсеса II с Муваталли, согласно которому Муваталли заключил мирный договор с отцом египетского царя, т. е. с Сети I (1317—1301 гг. до н. э.)²¹. А Сети I, предшественник и отец Рамсеса II, как известно, лишь в первом году своего правления имел военные столкновения с хеттами. На десятый день третьего месяца первого года своего правления он предпринял поход в Сирию, дошел до Амата, завоевал Кадеш и Амурру и «в стране несчастных хеттов... ..он устроил большое побоище в первом году правления»²².

Итак, в первом году правления у Сети I были военные столкновения с Мурсили II²³. После этого он уже ни разу не был в пре-

²⁰ См. там же, II, 49—52.

²¹ ARE, 377; GA, 238.

²² ANET, 253—255.

²³ См. там же.

делах Хатти. В то же время Сети I не заключал мирного договора с Мурсили II. По данным египетских иероглифов, Сети I заключил такой договор с Муталу, сыном Мурсили II, против которого он вообще не воевал²⁴.

Из сказанного, как нам кажется, можно заключить, что в первом году своего правления Сети I воевал против Мурсили II, а во втором году, по-видимому, заключил договор с Муваталли (resp. Муталу). Следовательно, последний год правления Мурсили II совпадает с первым годом правления Сети I, а первый год Муваталли—со вторым годом правления того же царя.

Итак, можно думать, в 1316 году до н. э. Мурсили II правление страной Хатти передал своему сыну Муваталли в весьма сложных и тяжелых для Хатти военно-политических условиях.

Известно, что Мурсили II оставил летопись 27 годов правления, в которой, естественно, отсутствует описание военных событий последнего года его правления.

В связи с Муваталли же вспомним вышеназванные сообщения из «Автобиографии» Хаттусили III, согласно которым, до битвы у Кадеша (1297 г. до н. э.) он правил примерно двадцать лет, что в свою очередь подтверждает датировку первого года его правления—1316 год до н. э.

Для установления даты последнего года правления Муваталли необходимо рассмотреть одновременно вопросы хронологии, связанные с царствованием Урхи-Тешуба и Хаттусили III.

О времени правления Муваталли весьма ценные сведения имеются в «Автобиографии» Хаттусили. Когда умер Муваталли, царем страны Хатти стал Урхи-Тешуб. Хаттусили продолжал жить в своей старой резиденции в Хакмисе (позд. Камиса). Однако новый царь перестал доверять ему пост главнокомандующего, даже отнял у него почти все области, кроме Хакмиса и Нерика, которые были отняты позднее. Хаттусили III об этом пишет: «Семь лет я терпел». Потом он вызвал Урхи-Тешуба на битву. Последний принял его вызов. Однако Хаттусили III удалось арестовать его и в качестве пленного отправить в страну Нухашши²⁵.

²⁴ ARE, 3, 147, 415.

²⁵ КВо, III, 6, III, 40—IV, 26; A. Goetze, *Hattusiliš*, Leipzig, 1925.

Любопытно, что в другом варианте той же «Автобиографии» относительно Урхи-Тешуба написано: «Он семь лет правил»²⁵. После этих семи лет хеттский трон уже захватил Хаттусили III.

По сообщению того же документа, когда Хаттусили вступил на престол, все враждовавшие с Хатти страны стали заключать с ним мирные договоры и посылать своих представителей²⁷. Все это, как сказано в указанном документе, произошло в начале правления Хаттусили.

Кстати, нет ни одного документа о завоеваниях страны Хатти в годы правления Хаттусили. Его военная деятельность связана с периодом правления Муваталли. А когда Хаттусили стал царем, то был уже в преклонном возрасте.

Хаттусили III заключил договор и с Рамсесом II. В египетском варианте договора написано: «Когда Хаттусили сел на трон своего отца, с Рамсесом стал дружить»²⁸.

По сообщению того же документа, двадцать первого числа первого месяца второго сезона 21-го года правления Рамсеса II в Египте появились курьеры Хаттусили с мирным договором, выгравированным на серебряной плите²⁹. О тех же сроках договора сообщают другие египетские надписи³⁰.

Если Хаттусили III стал царем в 21-м году правления Рамсеса II (1301—1234 гг. до н. э.), т. е. в 1281 г. до н. э., а его предшественник Урхи-Тешуб правил всего семь лет, то последний, по видимому, унаследовал хеттский престол у Муваталли в 15-м году правления Рамсеса II, т. е. в 1287 г. до н. э.³¹. Итак, в 1316 г. до н. э. после Мурсили II власть перешла Муваталли. Последний в 1287 г. до н. э. передал ее Урхи-Тешубу, а в 1281 г. до н. э. престол захватил Хаттусили.

Установление времени правления Хаттусили III подтверждается и другими данными, связанными с Ассирией. Так, сохрани-

²⁵ I-NA MU.7.KAM *ta-[par-ḫa]*: KUB, I, 4, III, 29.

²⁷ KBo, III, 6, IV, 8—20.

²⁸ ANET, стр. 199—200.

²⁹ ANET, 199.

³⁰ GA, 245.

³¹ См. там же.

лись хеттские варианты писем вавилонского царя Кадашман-Тургу (1297—1280 гг. до н. э.) и ассирийского царя Салманасара I (1274—1245 гг. до н. э.), адресованные Хаттусили III³². Ассирийский вариант письма, адресованного вавилонскому царю Кадашман-Эллилю (1279—1265 гг. до н. э.), также подтверждает нашу датировку³³; Хаттусили стал царем в 1281 г. до н. э., а указанные цари в какой-то степени являлись его современниками.

Однако нас интересует также конец правления Хаттусили III. Как известно, Рамсес II в 34-м году своего правления, т. е. в 1268 г. до н. э., женился на дочери Хаттусили III, а последний по этому поводу посетил Египет³⁴. Другими сведениями, относящимися к последнему периоду правления этого царя, мы не располагаем. Следовательно, остается весьма туманным и вопрос о времени вступления на престол Тудхалии IV, наследника Хаттусили III.

Известно также письмо Тудхалии IV, адресованное Тукульти-Нинурте I, царю Ассирии³⁵. Насколько можно судить по поврежденному тексту письма, в нем речь идет о курьерах царя Тудхалии к Тукульти-Нинурте I, о дарах, посланных последнему. По-видимому, можно предположить, что Тудхалия IV послал дары в Ассирию до того, как Тукульти-Нинурта I в первом году правления, в 1243 г. до н. э., перешел Евфрат, полонил страну Хатти и увел оттуда 28800 пленных³⁶. Задолго до этого Тудхалия был царем страны Хатти.

В связи с датировкой последнего года правления Тудхалии IV весьма интересные сведения имеются в египетских надписях.

Мернептах (1234—1220 гг. до н. э.), царь Египта, унаследовал власть в весьма тяжелых условиях—в стране была большая потребность в пшенице. Сохранились сведения об отправке Мернептахом кораблей в Хатти за пшеницей³⁷.

³² О хронологии Ассирийского царства см. *A. Oppenheim, Ancient Mesopotamia*, Chicago, 1964, стр. 335 сл.

³³ KUB, II, 72+KBo, I, 10.

³⁴ ANET, 201 сл.

³⁵ KUB, XXIII, 101.

³⁶ АВНИУ, № 6, № 7.

³⁷ ARE, 3, 580.

По мнению специалистов, Мернептах во втором году правления не получил пшеницу и узнал, что хетты помирились с «морскими племенами», врагами Египта³⁸. Именно с этой целью в третьем году своего правления он снарядил поход в Сирию, к границам государства Хатти³⁹.

Как известно, в пятом году своего правления Мернептах уже вел войну с ливийцами, вместе с которыми выступали многие «народы моря»⁴⁰. Следовательно, можно думать, что поход против Хатти длился недолго и завершился в третьем году правления Мернептаха. На следующий год царь Египта, видимо, был занят уже подготовкой к войне против ливийцев.

В связи с событиями первых трех годов правления Мернептаха весьма интересно одно из писем хеттского архива, однако плохой сохранности.

В нем упомянуто имя Тудхалия. Часто повторяется выражение «мой брат». Хеттские цари, как известно, обычно так обращались к египетским или ассирийским царям. В письме упоминается название страны Мицри (Египет). Все это дает основание думать, что письмо Тудхалии адресовано какому-либо египетскому фараону⁴¹. Насколько нам позволяет предполагать текст, царь страны Хатти сообщает, что египетские корабли захватил царь Аххиявы⁴². Об этом Тудхалия написал царю Аххиявы, но последний отказался вернуть их⁴³.

Фактически Тудхалия старается доказать свою невиновность перед египетским фараоном. Любопытно, что это событие почти полностью совпадает со сведениями египетских надписей о том, как Мернептах в первом году своего правления отправил корабли в Хатти за пшеницей, но они не вернулись. Поэтому в третьем году своего правления Мернептах был вынужден совершить поход в Хатти.

³⁸ GA, 258.

³⁹ ARE, 3, 629, 630.

⁴⁰ Там же, 569—617.

⁴¹ KUB, XXVI, 91, I, 18, II, 2—14.

⁴² Там же, I, 6—10.

⁴³ Там же, I, 11—12.

В египетском документе сообщается, что царь Египта отправил корабли в Хатти за пшеницей, но последние не вернулись, а в хеттском тексте рассказывается, что корабли были захвачены царем Аххиявы.

Очевидно, письмо Тудхалии относится ко второму году правления Мернептаха. Следовательно, Тудхалия в это время все еще был царем. В третьем году своего правления царь Египта уже объявил войну стране Хатти.

По нашему мнению, об этом речь идет в другом письме Тудхалии IV, адресованном Мернептаху. В нем царь страны Хатти жалуется: «Почему теперь в отношении моего сына ты стал врагом», «Почему не называешь братом, как раньше», «Твою границу за счет границы моего сына не продвигай»⁴⁴.

Письмо, несомненно, относится к Мернептаху. Снарядив поход в Сирию к границам государства Хатти, Мернептах, очевидно, об этом сообщил письмом царю Тудхалии IV. Ответом на это письмо, как видно, является указанный хеттский документ.

Но самым главным среди этих сообщений является то, что Тудхалия в этом письме явно указывает на смену царя в стране Хатти; теперь он Мернептаха считает врагом своего сына, так как границы страны Хатти уже принадлежали его сыну. В предшествующем письме, написанном во втором году правления Мернептаха, в 1233 г. до н. э., хеттский царь все еще выступает от своего имени, а в данном письме, где речь идет о нападении Мернептаха на хеттские границы (это произошло в третьем году правления последнего)—уже от имени своего сына. Следовательно, в третьем году правления Мернептаха, т. е. в 1232 г. до н. э., Тудхалия IV передал власть сыну, Арнуванде III.

После Арнуванды в стране Хатти правил Суппилулиума II, которым и замыкается хронологическая таблица хеттских царей. О времени правления последнего пока трудно сказать что-либо определенное. Известно лишь, что за 50 лет до вступления на престол ассирийского царя Тиглатпаласара I, в 1165 г. до н. э., фригийское племя мушкийцев перешло Евфрат и напало на границы

⁴⁴ KUB, XXVI, 88, I, 7—9, II, 9.

Ассирии. Можно полагать, что в это время Хеттского царства уже не существовало.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного хронологическая таблица хеттских царей периода Империи выглядела, по всей вероятности, примерно так:

Тудхалия III	—	1397 гг.	до н. э.
Суппилулиума I	1397	— 1348 гг.	»
Арнуванда II	1348	— 1347	»
Мурсили II	1347	— 1317	»
Муваталли	1316	— 1287	»
Урхи-Тешуб	1287	— 1281	»
Хаттусили III	1281	— 1255(??)	»
Тудхалия IV	1255(??)	— 1233	»
Арнуванда III	1232	— 1201(??)	»
Суппилулиума II	1201(??)	— ?	

(É)ḫilammaṛ ПО ДАННЫМ ХЕТТСКИХ ТЕКСТОВ

Впервые (É)ḫilammaṛ был объяснен И. Фридрихом как „Тор-
ваи к храму“, буквально—„сооружение при воротах храма“¹. В
(É)ḫilammaṛ, как справедливо считал И. Фридрих, мы имеем про-
тотип аккадского *biṭ ḫilan(n)ī*, который в свою очередь был
заимствован из языка Амурру. В дальнейшем (É)ḫilammaṛ К. Бит-
телем и Р. Науманном² при храмах Богазкёя и Язылыкяя рас-
сматривался как вестибюль с двумя пилонами³ и тремя проле-
тами.

(É)ḫilammaṛ в хеттской клинописи стоит в ряду немногочис-
ленных слов с суффиксом-*maṛ*, как-то: *ḫarnammaṛ*—„тревога“,
ṭiyammaṛ—„шнур?“ *ḫalḫaltammaṛ*—„угол“ и т. д.

Отметим также, что наряду с формой *ḫilammaṣ* (род. п. ед.
числа от *ḫilammaṛ*) в хеттском языке имеем форму *ḫilannaṣ*, ко-
торую И. Фридрих⁴ считает разновидностью *ḫilammaṣ*, образова-
нную в результате ассимиляции. Э. Ларош⁵ же склонен рассмат-

¹ *J. Friedrich, Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, Berlin, 1926, Neue Folge, 3, стр. 179.*

² *Bittel-Naumann-Otto, Yazilikaya, Leipzig, 1971, стр. 45—49; R. Naumann, Architektur Kleinasiens, Tübingen, 1955, стр. 395.*

³ При строительстве зданий хетты возводили не колонны, а четырехгран-
ные квадратные столпы—пилоны.

⁴ *J. Friedrich, Die hethitischen Gesetze, Leiden, 1959, стр. 102.*

⁵ *E. Laroche, Revue hittite et asianique, Paris, 1957, 15, № 60, стр. 18.*

ривать *ḫilannaš* как форму генитива от ⁶*ḫilatar*, которую он переводит как „двор“.

С целью выявления назначения (^É)*ḫilamma*, его связей с другими сооружениями, а также подтверждения архитектурных данных о нем как о помещении, представляющем собой вестибюль с двумя пилонами и тремя пролетами, обратимся к анализу некоторых хеттских клинописных текстов, которые являются главным источником нашего исследования.

Наш обзор начнем с текста ритуального праздника AN.TAḪ.ŠUM⁶.

Приведенный фрагмент повествует об очередном дне многодневного культового праздника, происходящего в храме бога Zababa: 7) ta LUGAL SAL.LUGAL I-NA É^DZA.BA₂.BA₁, 8) ra-a-an-zi LUGAL-uš É^Éḫi-lam-ni 9) a-ri na-aš-ta LUḪUB.BI 10) 1-ŠU ne-i-ja 11) ni LUGAL SAL.LUGAL I-NA É^DZA.BA₂.BA₃ 12) É^Éḫi-i-li ti-an-zi 7) Затем царь (и) царица в храм бога Zababa идут, 8) царь к *ḫilamma* подходит, 9) танцор 10) один раз поворачивается. 11) Царь и царица во двор храма бога Zababa заходят⁷.

В тексте праздника дано описание шествия царской четы в храм бога Zababa. Вначале царь подходит к *ḫilamma*, а затем уже вместе с царицей они входят во двор храма.

Как видим из текста, чтобы попасть в храм, царь и его супруга должны пройти через *ḫilamma*, а затем уже через *ḫila*.

Данное описание способа прохождения пути, однако, не является характерным для всех храмов⁸, и здесь, как мы убедимся,

⁶ Праздник AN.TAḪ.ŠUM („лук?“ см. *J. Friedrich*, *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952, стр. 265) связан с наступлением весны, оживлением природы.

⁷ КВо IV, 9 II (СТН 612).

⁸ При ознакомлении с проектами остальных четырех храмов (см. *R. Naumann*, *Architektur Kleinasien*) мы видим, что у II и III храмов (стр. 391) вестибюль (*ḫilamma*) находился во дворе храма, тесно примыкая к культовому помещению—святилищу храма. У IV и V храмов (стр. 392) *ḫilamma* находился не во дворе, а отделялся от него то одним, то двумя залами, снова примыкая к культовому помещению—святилищу храма.

познакомившись с описанием пяти храмов Богазкёя, речь идет об одном виде храма. Более всего настоящее описание подходит для храма I⁹, где главные входные ворота имеют вестибюль с 2 пилонами и 3 пролетами, пройдя через который можно попасть во двор храма.

Далее рассмотрим тексты, где (É)ḫilammar выступает в связи с дворцом: (É.GAL) (6) ma-aḫ-ḫa-an-ma LUGAL-uš I-NA ÉTM GAL (7) a-ri ḫa-an-te-ez-zi-az-ma LÚ. MEŠ ALAN.ZU (8) ka-gu-ú a-ra-an-ta-ri (9) LUGAL-uš Éḫi-lam-na-aš KA'-aš a-ri (10) LÚ ALAN.ZU me-ma-i (11) LÚ ki-i-da-aš ḫal-za-a-i (12) LUGAL-uš I-NA ÉTM GAL an-da (13) ra-iz-zi (6) Когда царь во дворец прибывает, (7) а люди ALAN.ZU стоят (8) заранее готовые, (9) царь к воротам ḫilammar подходит, (10) человек ALAN.ZU говорит, (11) священник—kiša кричит, (12) царь во дворец, (13) заходит¹⁰.

В нашем тексте ḫilammar выступает в связи с дворцом. Текст сообщает о том, что царь подходит к воротам ḫilammar, (Éḫilamnaš KA'-aš), где его приветствуют люди ALAN.ZU и священник—kiša. Затем царь заходит во дворец.

Большой интерес представляет текст хеттского придворного церемониала, где мы неоднократно встречаемся с ḫilammar.

Рассмотрим несколько отрывков из указанного текста:

48) LÚ ME-ŠE-DI-ma Éḫi-lam-ni an-da in-na-ra-[a] Ú-UL ti-i-e-iz-zi ma-a-na-aš in-na-ra-ma

49) ti-i-e-iz-zi nu-uš-ši-kán LÚ].DU₈ ka[r-tim-mi]-ja-it-ta

48) Телохраниитель не должен самовольно входить в ḫilammar. Если же он самовольно заходит, 49) привратник гневается на него¹¹.

Как выясняется из всего текста, опубликованного Л. Якоб-Рост¹², в данном отрывке речь идет опять-таки о ḫilammar

⁹ Там же, стр. 391.

¹⁰ КВо. XIX, 128, I.

¹¹ ИВоТ, I, 36, I.

¹² L. Jakob-Rost, Beiträge zum hethitischen Hoizeremoniell MIO, Berlin, 1966, XI, № 2.

дворца, куда не разрешается входить самовольно телохранителям дворца.

Возьмем другой отрывок из того же текста:

(2) ...LÚ.MEŠ URU ħa-aĥ-ħa-ma EGIR-an K|A'.GAL?? (3) [a-ra-a]n-ta nu SiR^{RU} ma-a-aĥ-ħa-an-ma-aš-ta LÚ.MEŠALAM.KA×UD Éĥi-lam-m[a]r (4) [KA'.GAL?-aš an-da a-ra-an-zi nu a-ħa-a ĥal-zi-an-zi

(2) ...А люди из Наħħа¹³ (3) стоят за воротами и поют. А когда поклоняющиеся статуям богов в ĥilammar (4) главных ворот заходят—они кричат „аħа“¹⁴.

В отрывке речь снова идет о дворце, главные ворота которого имеют свой ĥilammar, т. е. ĥilammar тут выступает как деталь архитектурного ансамбля KA'.GAL.

Ниже следующий отрывок из того же текста хеттского придворного церемониала интересен тем, что своим содержанием подтверждает архитектурные данные о ĥilammar как о вестибюле с 2 пилонами и 3 пролетами:

(8) [nu?] LÚ.MEŠŠUKUR ma-a-aĥ-ħa-an Éĥi-lam-mar ar-ħa ták-ša-an ša-a-x-x-ri pa-lz-zi GAL.ŠU[KUR?? (9) [nu] ku-wa-pí LÚ.MEŠŠUKUR GIŠŠUKUR^{U1.A} ti-ja-an-te-eš ku-wa-pí pa-a-an-zi...

8) Когда копьеносец в середине ĥilammar проходит, главный копьеносец идет туда.

9) [И?] где копьеносец копьа <обычно> ставит, туда они идут¹⁵.

И в данном отрывке речь идет о ĥilammar дворца, через центральную часть которого, как свидетельствует текст, проходит копьеносец. Поскольку ĥilammar, как указывалось выше, представляет собой вестибюль с 2 пилонами и 3 пролетами, то данное описание означает, что для того, чтобы попасть во дворец, копьеносцу следовало пройти через центральный пролет вестибюля.

¹³ О локализации города Наħħа см. *H. Otten, Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft, Berlin, 1958, 91, стр. 83; J. Garstang, O. R. Gurney, The Geography of the Hittite Empire, London, 1959, стр. 26.*

¹⁴ I BoT, I, 36, IV.

¹⁵ I BoT, I, 36 IV (СТН 262).

И, наконец, рассмотрим последний фрагмент из текста придворного церемониала, который представляет не меньший интерес:

(14) LÚ^{MEŠ} URU ħa-aḫ-ħa-ma ka-ru-uš-ši-an-zi [] x [] x-ma-kán [A-NA ŠA É.GA]L^{LIM}-ma KA'.GAL^T[^{IM?}] (15) ša-ra-a Ú-UL ú-wa-an-zi ma-a-an 2 É^{hi}-l[am-mar?] na-at-kán kat-te-ra (16) KA'.GAL^{TIM} ša-ra-a ú-wa-an-zi ša-ra-a-az-zi-ma-at-kán KA'.GAL ša-ra-a Ú-UL ú-wa-an-zi

(14) Люди из ħahha молчали, а [люди из ħahħa?] не поднялись к воротам дворца. (15) Так как имеются два ħilammaḡ, то они поднялись¹⁶ (16) к нижним воротам¹⁷, а к верхним воротам они не поднялись.

Данный текст сообщает о наличии нижних и верхних ворот у дворца и соответственно двух ħilammaḡ.

Если в нашем тексте говорилось о двух ħilammaḡ, то следующее выражение сообщает об отсутствии такового: (5) ... É^{hi}-lam-mar-ma NÚ.GA'L¹⁸.

Это означает, что ħilammaḡ не являлся неотъемлемой частью сооружений; у небольших сооружений он вовсе отсутствовал.

В вышеприведенном тексте ħilammaḡ, как видно, выступает в качестве вестибюля храма и дворца. Теперь обратимся к текстам, где ħilammaḡ фигурирует в связи с другими сооружениями.

В тексте ритуального праздника сообщается следующее:

(8) nu-kán LUGAL-uš É^{hi}-lam-ni an-da IŠ-TU ANŠE.KUR.RA (9) kat-ta ti-ja-zi na-aš-kán É^{hi}ħa-le-en-tu-u-aš (10) an-da pa-iz-zi...

(8) Царь в ħilammaḡ сходит с коня (9) и в дом ħalentuwa (10) заходит¹⁹.

¹⁶ Данное выражение (šara uwanzi) означает, что дворцы строились всегда на высоком месте.

¹⁷ Дворец, кроме главных ворот, имел и другие, второстепенные, которые могли принадлежать другим частям дворца или же отдельным зданиям дворцового комплекса. Нижние ворота, к которым поднялись люди из города Хахха, как считает Л. Якоб-Рост, это главные входные ворота дворца (MIO, XI, 2, 1966).

¹⁸ KBO V, 2, IV (CTH, 471).

¹⁹ KUB, VII, 25, I (CTH, 636).

В другом отрывке текста весеннего ритуального праздника читаем следующее:

(5) $\text{h}[\text{i-lam-na-aš}] \text{KA'.GAL an-da a-ri}$ (6) $\text{L}^{\text{U}}\text{A}[\text{LAN.ZU}] \text{a-ḫa-a ḫal-za-a-i}$ $\text{L}^{\text{U}}[\text{k}]\text{i-i-da-aš ḫal-za-a-[i]}$ (7) $\text{x-kán} \text{GIŠGIGIR kat-ta ti-ja-zi}$ x $\text{Éḫa-le-en-tu-u-aš an-da pa-iz-zi}$

(5) (Царь) к воротам $\text{h}[\text{ilam}]\text{ma}$ подходит. (6) Люди ALAN.ZU „аḫа“ кричат, священник- kita кричит²⁰. (7) (Царь) с колесницы сходит, в ḫalentuwa заходит.

В обоих текстах ритуальных праздников прежде чем войти в дом ḫalentuwa ²¹, царь прибывает в $\text{h}[\text{ilam}]\text{ma}$ данного сооружения.

Далее рассмотрим фрагмент из ритуального праздника, посвященного божествам земли:

(12) $\text{AMAR-uš an-na-nu-[uz-zi-ja]-an-za}$ (13) $\text{A-NA UDÙ Û SILA ḫa-mi-in-kán-nu-uš NA}_4\text{-an paḫ-na-aš ḫi-lam-ni E[RIN.MEŠ-az.ḫa-an-da-a-an] ḫar-zi}$

(12) Связанный теленок (13) к овце и ягненку привязывается и вонны их в $\text{h}[\text{ilam}]\text{ma}$ каменного дома готовыми [ставят]²².

В тексте сообщается о наличии $\text{h}[\text{ilam}]\text{ma}$ у каменного дома²³, куда привозят связанных животных для совершения жертвоприношения или же другого ритуального обряда.

Интересен также отрывок, который мы приводим ниже:

(30) $\text{GIŠZA.LAM.GAR-ma-kán ku-e É-ri an-da ši-ja-an-da na-a}[(\text{t-kán})]$ (31) $\text{da-an-zi Éḫi-lam-ni an-da tar-na-an-}[(\text{-zi})]$

(30) Палатку, которая в доме разбита, (31) они берут и в $\text{h}[\text{ilam}]\text{ma}$ оставляют²⁴.

²⁰ КВО, VIII, 119, Vs. (СТН, 606).

²¹ Относительно Éḫalentu(wa) см. Volkert Haas, *Bemerkungen zu Éḫalentu(wa)* („Istanbuler Mitteilungen“, Tübingen, 1973/1974, № 23/24).

²² КВО XVII, 40=15, I (СТН 645).

²³ Каменный дом рассматривался большинством исследователей как храм — («мавзолей») для культа умершего царя. Относительно каменного дома см. Goetze, *Kleinasien*, стр. 106; *Diakonoff*, MIO, Berlin, 1967, 13, стр. 318.

²⁴ КУВ, XXXIX, 8, IV, (СТН 450).

Отрывок свидетельствует о том, что «дом»²⁵ имеет свой *ḫilamtag*, где ставят палатку²⁶.

Если в вышеприведенных текстах *ḫilamtag* выступал в связи с храмом, дворцом, каменным домом, халентувой и частным домом, то в фрагменте текста, рассматриваемого ниже, он выступает в связи с культовым сооружением (*É*)*arkiu*, которое, по свидетельству текста весеннего ритуального праздника, AN.TAḤ.ŠUM находится у горы *Piškurunuwa*:

(1) LUGAL-uš-kán ^{GIŠ}GIGIR ti-ja-zi (2) ta-aš HUR.SAG piš-[ku]-ru-nu-wa ra-iz-zi (3) ma-aḥ-ḫa-an-ma LUGAL-uš *É*ḫi-lam-na-aš (4) ^{GIŠ}KA'.GAL pi-ra-an a-ri 5 NINDA.KUR₄.RA^{HIA} GAL pa-ri-en (5) *É*ar-ki-ú-i kat-ta-an ḫar-pa-an-za

(1) Царь вступает на колесницу, (2) затем он едет к горе Пискурунува (3). А когда царь прибывает (4) к *ḫilamtag* главных ворот, по ту сторону пять кусков хлеба больших толстых (5) должно быть положено отдельно у *arkiu*²⁷.

В фрагменте описаны события одного дня многодневного ритуального праздника, когда по приезде царя к *arkiu* у *ḫilamtag* главных ворот должно быть положено пять кусков хлеба.

Итак, текст сообщает, что культовое сооружение *arkiu* также имеет свой *ḫilamtag*—вестибюль с 2 пилонами и 3 пролетами, который в данном тексте выступает при главных воротах (KA'.GAL) *arkiu* и дает доступ в указанное сооружение.

И, наконец, наш обзор закончим текстом, аналогичным вышеприведенному (в нем также описываются события весеннего ритуального праздника у горы Пискурунува).

²⁵ Шумерская идеограмма E (по хеттски—*rapn*, *rig*), как известно, означает помещение, где проживала семья. Кроме того, под домом надо понимать все домашнее хозяйство в целом, хозяйство крупного землевладельца—усадьбу, а также определенное государственное ведомство. См. Г. Г. Гиоргадзе, Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства, Тбилиси, 1973, стр. 9, с указанием на литературу в прим. 1, стр. 96.

²⁶ В данном случае, как указывает Г. Оттен, палатка, которая легко собиралась и разбиралась, была поставлена не на открытом месте, а в вестибюле «дома», из которого должны вынести останки покойника. Г. Оттен отмечает также, что, кроме своего прямого назначения, ^{GIŠ}ZA.LAM.GAR служила также для транспортировки покойников.

²⁷ KUB, XXV, 18 (CTH 618).

(17) LÚ.MEŠ ME-ŠE-DI-kán DUMU^{MEŠ}É.GAL[pa-ra-a pa-a-an-zi]
pa-at (18) Éki-lam-ni an-da ZAG-za ti-an-zi

(17) Телохранители, пажи идут дальше. (18) Они в kilammar справа заходят²⁸.

Из-за плохой сохранности текста мы можем лишь предположить, что речь идет о ħilammar культового сооружения arkiu-, по аналогии с вышеприведенным текстом. Фрагмент сообщает о том, что в kilammar заходили справа, т. е. в боковой пролет, что еще раз подтверждает архитектурные данные о нем.

Сравним приведенный текст с фрагментом текста зимнего праздника Солнца:

(7) pa-at-kán pa-ra-a pa-a-an-zi (8) pa-at Éĥi-lam-ni KA'.GAL-
-aš (9) ZAG-za ti-ja-zi

(7) Они идут дальше, (8) в ворота ħilammar (9) справа заходят²⁹.

Итак, мы имеем два аналогичных фрагмента из разных текстов ритуальных праздников. Однако, в первом случае мы имеем kilammar, а во втором—ħilammar. Как справедливо отмечает И. Фридрих³⁰, kilammar является вариантом ħilammar.

Таким образом, из всего сказанного видно, что ħilammar является очень характерным сооружением для хеттской архитектуры. И хотя ħilammar не являлся неотъемлемой деталью любого сооружения, многие из них имели свой ħilammar, каковыми в наших текстах являются храм, дворец, дом ħalentu(wa), каменный дом, „частный дом“, arkiu (см. также в связи с Éĥamgi KUB, XLI, 48, III 4; IV 2; с Ékataruzni KBo, X, 23, III, 18).

На примере храмов мы увидели, что как главный вход, так и вход в святилище могли иметь свой ħilammar, а у дворца сообщалось даже о наличии двух ħilammar.

Наконец, анализ рассмотренных нами текстов подтвердил архитектурные данные о ħilammar как о вестибюле с 2 пилонами и 3 пролетами для доступа в основное сооружение.

²⁸ KUB, XI, 23, V (CTH 618).

²⁹ KUB, X, 28, I (CTH 598).

³⁰ J. Friedrich, Kleinastatische Forschungen, Weimar, 1930, 1, Anm. 1, стр. 92.

JOHN A. C. GREPPIN

LUWIAN ELEMENTS IN ARMENIAN

The theory of the existence of Hittite loan words in Armenian has presented some very particular problems. Though we have a sufficient number of correspondences to feel confident that the concept is substantially correct, there have been some conceptual questions raised about their actual origin. Are they, in fact, really Hittite? There seems little doubt that they stem from an Anatolian language and that this Anatolian language is of Indo-European origin. But a Hittite origin presents some problems: one is chronological, the other is geographical. If these words are Hittite, it is likely that the bulk of them must have been absorbed into Armenian before the catastrophic date of 1190 B.C. Since it seems likely that the 'Hittite' words in Armenian were unaffected by the Armenian sound shift, it would then be necessary to posit that the Armenian sound shift was entirely completed before the end of the thirteenth century B.C., a date that is uncomfortably early¹.

The problem of geography is less clear; perhaps only suggestive. The Hittites themselves inhabited a large area in north-central Anatolia, not an area that has ever been considered a principal region of Armenian settlement. Of course the proto-Armenians could have lived in that area for a long period of time before their migration farther to the east and south, but we have no evidence for that. However, there is a consensus that the Armenians were probably well established in southeastern Anatolia around the Lake Van area and further southwest in what is now called Cilicia well before the beginning of the first millennium. It is more likely that the

Armenians absorbed their Anatolian vocabulary elements in this latter area, an area which is the homeland of the Luwians and their chronological successors, the writers of Hieroglyphic Luwian. Thus, the position that the 'Hittite' material in Armenian might be Luwoid is a position that should be explored.

The Luwians actually have two distinct branches, branches that existed well into the period of Greek settlement in western Anatolia and into the era of Iranian suzerainty in eastern Anatolia. Western Luwian is well represented by Lycian, a language that was shown to be closely related to Luwian². The eastern dialect is represented by Cuneiform Luwian, which disappeared a little after Hittite, but which is later echoed by Hieroglyphic Luwian³ (also improperly called Hieroglyphic Hittite). These particular texts date from about 1100 B.C. until 700 B.C. However, it seems very clear that although Hieroglyphic Luwian ceased to be written around 700 B.C., the language was very much alive and continued well into the period of Iranian expansionism in eastern Anatolia following the collapse of Assyrian power.

Unlike western Anatolia, about which little is known before the arrival of Greek culture, much is clear about the chronology of eastern Anatolia, specifically the area called Cilicia⁴. The language spoken there in the early second millennium is called Cuneiform Luwian. After 1500 there was a renewal of Hurrian influence⁵, following which the Luwian element reasserted itself and clearly remained until the Anatolian Dark Ages following the destructive invasions of the early twelfth century. The next half millennium is unclear, but certainly by the ninth century there was the beginning of Assyrian hegemony in eastern Anatolia. In the eighth century Sargon II of Assyria incorporated the area of Cilicia as a part of his empire. This situation coupled with Hurrian-Urartian influence, lasted up until the seventh century. However, Luwian (and here we must mean Hieroglyphic Luwian) was by no means extinguished, and numerous names of clear Luwoid shape are recorded in Assyrian tablets. By the beginning of the sixth century, Cilician names are consistently Luwoid, and indeed, during the Persian period⁶ when Xenophon⁷ wrote that two companies of Memnon's men

were lost in the interior on a mission involving Queen Epyaxa, it seems probable that they fell due to the violent ministrations of the Luwians.

Accepting the position that we might explore Luwian origins for the so called 'Hittite' loans, it would be appropriate to discuss the principal differences between the eastern Luwian dialects and Hittite. Frankly, the differences are slim. J. Puhvel⁸, who compiled a thorough list of differences, has shown that the principal variations between Cuneiform Luwian and Hittite are primarily found in the paradigmatic systems, being determinable in noun declensions and verb conjugations. This aspect of variation would leave little trace in loan words. Luwian's principal non-paradigmatic deviation is its partial destruction of the inherited ablaut system: Luwian replaced most earlier *e* vowels with an *a*: CL *aš-* 'to be', Hitt. *eš-* 'id.'; CL *annari-*, Hitt. *innara-*⁹. There is a variety of lexical differences. Luwian commonly uses *ara-* for 'long' rather than the common Hittite word *dalugi-*; similarly CL *ahha*, Hitt. *mahhan* 'as, when'; this list could be somewhat expanded. Some unique consonant changes have occurred. Luwian *t* will frequently appear as an *š* in Hittite: Hitt. *šiwatt-* 'day', CL *tiwat-* 'sun'; there is also evidence for the alternation of *t* and *l*: CL *la(i)-*, Hitt. *da-* 'take'. One might also mention a series of irregularities in the laryngeal series, though they are difficult to chase down: in some cases Hittite will maintain a form with no *h-*; Hitt. *išhiya-* 'bind', CL *hišhiya-*. Elsewhere there will be medial discrepancies: Hitt. *pahhur*, CL *pahur* 'fire'. This list too may be extended, but these differences, the only types that would show up in loan words, are altogether few. Hence, presented with an Anatolian word which would be either Luwian or Hittite, it is more than likely that it would be difficult to say with any degree of sureness from which language the word came.

The criteria for differentiating Hieroglyphic Luwian from Hittite and Cuneiform Luwian are vaguer still. This is brought to a great extent by the very small amount of vocabulary in the eastern Luwian dialects for which we have sure glosses. Essentially, Hieroglyphic Luwian follows Cuneiform Luwian in the shift of original **e*

to a (HL *as-* 'be', CL *aš-*, Hitt. *eš-*). In fact, Hieroglyphic Luwian shows this passage where Cuneiform Luwian does not: HL *aster*, CL *iššari-* 'hand'¹⁰. Hieroglyphic Luwian also shows a tendency not to write nasals in *NC* clusters: HL *ata* 'to' (Meriggi *Glossar*¹¹; Laroche¹² gives *a(n)da*), CL *anda*, Hitt. *anda*.

An extremely significant difference exists in Hieroglyphic Luwian sibilant series. It has been conjectured, and to a great extent convincingly so, that in some cases original Indo-European palatal **k'* passed to HL *š*. This phonetic description for the symbols

and

has been by no means universally accepted

(others would have *s*), and I will discuss it more thoroughly in its appropriate place below.

It might now be time to turn to the correspondences that exist between Armenian and the south-eastern Luwian dialects. Necessarily, there will be few correspondences since the body of precisely known lexical material is itself quite small. We cannot be sure of more than 125 Hieroglyphic Luwian words. Cuneiform Luwian has a somewhat larger inventory, perhaps approaching 200 sure roots. But of these, we could hope to find a still smaller number of correspondences since many of these Anatolian roots are too short to be used to suggest loan correspondences¹³ without the justifiable cry of 'root etymology'. Finally, the precise phonetic shape of these words is essentially unknown. Because of this, one can overlook a possible Armenian loan word on account of the indistinct phonetic form of the Anatolian word. This cuts, of course, the other way. This extra phonetic slack permits one to suggest numerous etymologies that are probably faulty. Many of these have no doubt appeared in print and seem plausible but are, in fact, wrong. I will deal first with five terms that appear in the Hieroglyphic Luwian inventory; following this I will discuss one term that appears in Cuneiform Luwian.

1. HL *tuwarsa-* 'vine', Arm. *torr* 'vine, tendril of a plant'. The meaning of HL *tuwarsa-* seems to be firmly known; on one occasion it is preceded by a determinative which can be described

a 'a section of a vine'. The term is attested at least nine times. One instance reads (Bor I 3): *à-wa i-* VINE *tu-wa+r-sà-ī à-mu-u-* PUṬ-*u-hâ* „It is I who has put these vines here“¹⁴. Arm. *torr* 'vine', with its unusual final double *-rr*, is not at all a common term. The *Nor Baṙgirk*¹⁵ mentions its appearance in (pseudo)-Khore-natsi's *Yalags pitoyic*⁶; and though the dating of this work is difficult, we may assume that it appeared well before the Middle Armenian period. The term is not continued into Modern Eastern Armenian, and its existence in Modern Western Armenian is questionable¹⁶.

2. HL *tupi-* 'beat', CL *dup(a)i-* 'id.', Arm. *dop^cel* 'id.'. This term appears twice in Hieroglyphic Luwian. The meaning is made clear from Kayseri 3:] ^d*w-hu-i-s à-pa-sa-a+ti* AXE-*na-pa-à+[ti?]* *tu-pi-ti-i* "T. will hit with his axe". Arm. *dop^cel* is not uncommon in classical literature, and continues up to modern times with the meaning of 'to strike with an object'.

3. HL *šuwana-* 'dog', Arm. *šun* 'id.'. This term, and the correspondence *ašu(wa)-* 'horse', *ēš* 'donkey' which follows, is of critical importance. There are two principal problems. One concerns the texture of the sibilant in the Hieroglyphic Luwian word; the other concerns the etymological status of Arm. *šun*, which I will discuss first. There is no clear way to derive Arm. *šun* from IE **k'uon* (Gk. *κόων*, Skt. *śvā* [gen. *śūnas*], etc.), because it is not clear how IE palatal **k'* could produce Arm. *š* when *s* is the regular result. Werner Winter¹⁷ has suggested the possibility of dialect diversity. On the one hand IE **k'w-* produced Arm. *sk* (*skund* 'little dog', *skesur-* 'mother-in-law'; this latter term presents particular difficulty: cf. Hübschmann *AG* p. 491, Meillet *Esquisse* p. 51, but Solta see *Die Stellung* pp. 57 ff. and Godel *Introduction* p. 84), on the other it produces *š* (*šun* and *ēš* 'donkey'). Winter's idea of dialectal diversity pleased no one, and another origin for these two words of clear Indo-European origin must be sought¹⁸. The other problem circles around the precise articulation of the Hieroglyphic Luwian sibilant. I. J. Gelb¹⁹ was the first to point out that it should be pronounced [*šu*]. His reasoning was sound. Noting that the symbol

for *ku* was well established, he stated that an additional *ku* would be incompatible with the writing system. The only likely consonants to be connected were *s*, *ś*, and *z*. The value *s* already had four sure signs; *z* was impossible because it is usually developed from an earlier **t*; *ś* thus became the most likely value. However, Gelb's argument has not been wholly accepted. Though it is agreed that the value must be that of a sibilant, it is not clear whether *s* or *ś* is the proper value. The existence of HL *ś* has been entirely rejected by Laroche²⁰. Kammenhuber²¹ slightly prefers the *ś* form, and Meriggi generally embraces it, though with qualifications. In his *Glossar* he employs *ś*, but in his later encyclopaedic study of Hieroglyphic Luwian²² he again discusses the problem briefly and closes with the statement that „Il problema resta sub iudice“²³. This is probably as close as we can safely come. I would add that the great variety of signs for sibilants would imply that there must be more than one class of sibilants: at least *s* and *ś*. Bearing in mind the strong influence that Assyrian and Hurrian probably had on proximal Hieroglyphic Luwian, we cannot dismiss the possibility that *š* existed as well.

This particular palatalization of **kw-* to *ś* is phonetically justifiable for Hieroglyphic Luwian. Given an earlier **kuwon*, we would posit that HL *u* developed the same prepalatalization found commonly before *u* in such a word as English „cube“ [*k^yab*]. Similar prepalatalization is also suggested in proto-Greek where initial up-silon developed a prothetic *y-* which later passed to aspiration: **u->*^yu->hu*. Thus, in Hieroglyphic Luwian we may propose a development of **ku->*^yku->śu-*.

The meaning of *śuwana-* is clear. The original suggestion of Hrozný²⁴ that it meant 'pig' (IE **sus*) has been dismissed. Hrozný was in part led to this error by misreading the ideogram DOG as PIG. The later appearance of a more precise and very doglike ideogram, functioning in the same way, removed any semantic doubt. HL *śuwana-* appears four times in Hieroglyphic Luwian literature. An example is Kargamis A 6.9: ^d*Nà-ka + ra-wa-ś DOG-nà-a-i á-pa-sá-n HEAD-hi-n arha EAT-tū* „...the dogs of Na-ka might devour his head“.

The value of Arm. *šun* is entirely clear, it being the standard word for dog attested since the earliest literate period.

4. *ašu(wa)*- 'horse', Arm. *ēš* 'donkey'.

This etymology has both strong and weak points. The semantic difference (horse vs. donkey) is probably not significant, especially when one considers the role of the donkey in Armenia as compared to the horse in Cilicia and farther to the north-east²⁵. A strong point is the continuation of the *u* of HL *ašu(wa)*- in the oblique cases of Arm. *ēš*: gen. sg. *išu*, gen. pl. *išuc*^c. Armenian *-u* stems are relatively uncommon, and it is probable that this particular instance can be explained by the HL *-u(wa)*-. A weak point is the existence of Arm. *ē* (<^{*ei}) for HL *a*. However, we need not go far to find instances of the interchange of *e* and *a* in Anatolian loan words. We have such examples as Gk. Ἀθρηναῖοι, Lyc. *atānas*; the opposite is seen in Gk. Πριανόβαρ, Lyc. *prijenuba*. Greek loans in Classical Armentian, which come from a source probably a millennium later, are more accurately transcribed: Gk. ἀήρ, Arm. *aer*; Gk. κτήρως, Arm. *kterk*^c. However, this later Armenian transliteration of Greek words was clearly more self-conscious, based on a learned methodology, and literacy in both languages. This could not have been true for the Hieroglyphic Luwian loans²⁶. We may assume that the differences in vocalic representation of the Greek and Hieroglyphic Luwian terms are due to subtle differences in vocalic timbre. Vowels, like some wines, travel poorly.

The meaning of HL *ašu(wa)*- is doubly clear. HL *ašu(wa)*- appears after the ideogram HORSE and its meaning is further supported by its existence in the Karatepe bilingual where it is replaced by Phoenician *ss* 'horse'. Note Karatepe fr. VIII [Meriggi XIV.75]: HORSE (*ā*)-*šu*-*ha*-*pa*-*wa*-*ta* HORSE *ā-šu-wa* SAR-*r*-*ta* *a-i-a*-*ha* (Phoenician *w-p^cl 'nh ss^cl ss*) „And I have prepared horse on horse“. The meaning of Arm. *ēš* is also without question. The root appears since the earliest period and there are numerous compounds built on it.

These last two correspondences are significant for identifying the exact substratum that the Anatolian loan words in Armenian came from. Only Hieroglyphic Luwian has the shift of proto-Anatolian **k* to *s*, and the Armenian continuation of these words lends strong support to the supposition that the Anatolian loan words in Armenian are actually from the language called Hieroglyphic Luwian.

5. HL *wasu* 'good', CL *wašu*, Palaic *wašu*, Lydian *višši-*, Hitt. *aššu(-)* 'id.', Arm. *vaš* 'good, Bravo!'.

Schultheiss²⁷ mistakenly listed this word as Hittite, which of course it cannot be. Though the term functions as a declined adjective, it also has a secondary function as a term of greeting, except in Lydian. In Palaic²⁸, Carruba notes that the term is almost always uninflected. Similarly, in Cuneiform Luwian the term is also used without inflection, and is glossed by Laroche²⁹ as 'good, Greetings!.' In Hieroglyphic Luwian the stem is quite complicated, and Laroche³⁰ lists eight classes for the use of the ideogram GOOD. Again, HL *wasu* may appear without inflection. One particular instance seems to imply the sense of a greeting. Note Çiftlik, rev. 3: *á-mi-há-wa-ta₃-'* LORD-*nà-n Wa+r-pa-la-wa-n-'* [*w*]a-su-u..., which Laroche translates „et j'ai fait sans cesse porter ma faveur (=mon salut?) à mon maître Warpalawa“.

Thus Arm. *vaš* 'good, Bravo!' conforms closely to the special use of Luwian **wašu* as shown in CL *wašu* and HL *wasu*, as well as Palaic *wašu* and the special adverbial use of Hitt. *ašši*, but not in the same manner as Lydian *višši-*. The spelling of Arm. *vaš*, with initial *v-*, clearly removes this term from the Hittite sphere.

A final correspondence appears only in Cuneiform Luwian with no exact continuation in Hieroglyphic Luwian.

6. CL *apparanti-* 'future', Arm. *aparni* 'id'.

The Cuneiform Luwian term is adequately established in literature, and its meaning is reinforced by the Sumerogram EGIR.UD^{M1} 'id.'. Laroche³¹ points out that a parallel occurs in Hittite *appašiwatt-* 'day(s) after, the future', HL *apašawati* 'in the future'. Armenian *aparni* is common from the earliest literature and continues into current usage in both eastern and western dialects.

A final point is paradigmatic. Since Cuneiform Luwian, and to a smaller extent Hieroglyphic Luwian, shows a proliferation of *-i* stems, it would be plausible to suspect that some of the Armenian monosyllables from Luwian might also show remnants of this declensional pattern. A survey of monosyllabic nouns in Armenian of Anatolian origin does indeed show a large percentage of *-i* stems, but there is no consistency to the pattern. Further, in view of the general popularity of *-i* stem nouns in Armenian, this cannot be viewed as an important correlation. Indeed, some contrary data exists: HL *hawa-* is not an *-i* stem though the Cuneiform Luwian form *hawī-* 'sheep' is, and the latter would be better compared with the Armenian derivative *hoviw* 'shepherd'.

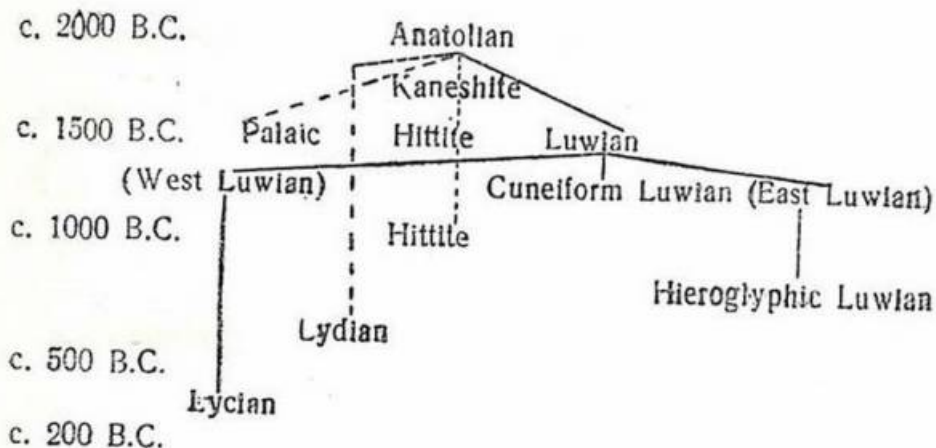
It appears that whatever decision we tend to be drawn toward, we will be able to find conflicting evidence somewhere. That some of our well established Armenian/Anatolian correlatives have a cognate known only in Hittite is irrelevant. The answer to this problem is simply that the Luwoid form has not yet been discovered. But other issues are not as easily countered. It is quite possible that apart from the Anatolian linguistic stratum that other strata might undeniably be identified³².

FOOTNOTES

1. The Armenian sound shift entirely corresponds to the Germanic *Lautverschiebung*, for which there have been various datings—all hypothetical. Suggestions have varied from 1500 B.C. to 400 B.C. The present general consensus places it between 800 and 400 B.C.

2. This was first pointed out by F. Tritsch „Lycian, Luwian and Hittite“, *AO XVIII* 1/2 1950: 494—518. We are now awaiting the publication of G. Neumann's *Glossar des Lykischen*, Heidelberg, forthcoming.

3. Ph. H. J. Houwink ten Cate has drawn an appealing graph showing the inter-relationship of the Anatolian languages of Indo-European origin. It appears in the *Encyclopedia Britannica*, 15th edition, Micropaedia vol. 1, p. 831, Chicago 1975.

4. Two studies came out, both at about the same time. Ph. H. J. Houwink ten Cate, *The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period*, especially pp. 17–44, Leiden 1961. A. Goetze, „Cilicians“, *JCS* 16, 1963: 48–58. During the Hittite period the area of Cilicia was known as Kizzuwatna.

5. It has been suggested, most concisely by I. M. Diakonoff, that Urartian and perhaps Hurrian words can be found in Armenian. Diakonoff (*Hurrisch und Urartäisch*, Munich 1971, p. 85) posits a loan relationship between Urart. *ulfu* ‘camel’, Arm. *ulf* ‘id.’; Hurr. *hinzuri* ‘apple’, Arm. *xnjor* ‘id.’, and a few others. Almost every etymology is compelling. But, it is also likely that Armenian acquired these words through another Anatolian source. Hurrian *hinzuri-* exists in Hittite records though it is clearly known as a foreign word. [On possible Luwian or other Anatolian rather than Hittite loanwords in Armenian cf. already in И. М. Дьяконов, ПАН, 1968, p. 201.—Ed.]

6. Houwink ten Cate (*op. cit.* p. 31) suggests that the Persians only had control over the narrow coastal region.

7. *Anabasis* 1.2.20, 25.

8. „Dialectal Aspects of the Anatolian Branch of Indo-European“, in *Ancient Indo-European Dialects*, H. Birnbaum and J. Puhvel (eds), Berkeley and Los Angeles, 1966, pp. 235–247.

9. A distinctive feature of Cuneiform Luwian is its proliferation of *-i* stems. This feature is not as evident in Hieroglyphic Luwian.

10. In light of recent work, many instances where *a* is con-

jectured in Hieroglyphic Luwian might in fact be wrong, and an *i* would be a better phonetic value for the hieroglyph. A compelling argument, though not without difficulties, may be found in „Hittite Hieroglyphs and Luwian“, by J. D. Hawkins, A. Morpurgo-Davies and G. Neumann, in the *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*, I. Phil.-Hist. Klasse, 1973, 145–197. A follow up, by Hawkins and Morpurgo-Davies „Hieroglyphic Hittite: Some New Readings and Their Consequences“, appears in the *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1975/2:121–133.

11. Piero Meriggi, *Hieroglyphisch-Hethitisches Glossar*, Wiesbaden 1962.

12. E. Laroche, *Les hiéroglyphes hittites*. Paris 1960; *Dictionnaire de la langue louvite*, Paris 1959.

13. Armenian, paralleling Germanic, has lost all final syllables of its inherited Indo-European vocabulary. Similarly, the ‘Hittite’ vocabulary in Armenian shows the same cutting. This latter, however, has often been obscured by the addition of secondary suffixes.

14. Meriggi (*Glossar*), following Laroche (*BSL* 51, p. XXXIII ff.) and Forbes (*Glotta* 36, 271 ff.), has suggested an etymological relationship between HL *tuwarsa-* and Gk. *θύρσος* ‘a wand wrapped in ivy and vine leaves with a pine cone on top’.

15. The lexicon *Nor bārgirk^c Haykazean lezui*, Venice 1836–37.

16. The term is not supported in the exhaustive lexicon of E. Agayan, *Ardi Hayereni bač'atrankan bašaran*, two volumes, Yerevan, 1976. The standard lexicon for Western Armenian, M. G. Kouyoumdjian, *A Comprehensive Dictionary Armenian-English*, Cairo 1950, lists Arm. *torr*. This however is not pertinent since Kouyoumdjian will frequently cite terms that are long since out of use.

17. „Traces of Early Dialectal Diversity in Old Armenian“, in *Ancient Indo-European Dialects*, H. Birnbaum and J. Puhvel (eds.), Berkeley and Los Angeles, 1960, pp. 201–211.

18. Other solutions have been tried. Note E. Hamp „On **h₂w* in Armenian“, *REArm* 10, 1973–1974: 23–25.

19. I. J. Gelb, *Hittite Hieroglyphs III* pp. 19ff. (Studies in Ancient Oriental Civilizations, vol. XXI), Chicago, 1942.

20. E. Laroche, *Les Hiéroglyphes hittites*, Paris, 1960.

21. A. Kammenhuber, „Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphen-luwisch“, in *Altkleinasiatische Sprachen*, pp. 119—357, esp. p. 281; *Handbuch der Orientalistik*, 1. Ab., 2. B., Lief. 2.

22. *Manuale di eteo geroglifico*, vol. 1: *Grammatica*, Rome 1966; vol. 2: *Testi-1^a serie*, Rome 1967; vol. 3 *Testi-2^a e 3^a serie*, Rome 1975; vol. 4. *Tavole-2^a e 3^a serie*, Rome 1975. *Incunabula Graeca*, volumes XIII, XIV, XV**.

23. *ibid.*, vol. I(XIII), p. 22.

24. „Die längsten Bauinschriften in hethitischen Hieroglyphen“, *MVAG XXXIX 1*, pp. 3 and 11 ff.; „Die Bleibriefe in hethitischen Hieroglyphen“, *AfO 10*, 1935, pp. 251—267, esp. 256—267.

25. This area of modern Turkey clearly has horses of better appearance and greater abundance, than are found elsewhere in Anatolia.

26. Also cf. note 10.

27. V. Schultheiss „Hethitisch und Armenisch“, *KZ 77:219—234*, esp. p. 22, derived his material on Armeno-Hittite loans largely from Gharanthsyan's study: „Общие элементы между хеттским и армянским языками“, *Историко-лингвистические работы*, Ереван, 1956, стр. 329—408. However, I was not able to find a reference to *waš'u* in Gharanthsyan, and the etymology might be original with Schultheiss.

28. Onofrio Carruba, *Das Palaische, Texte, Grammatik, Lexikon* (Studien zu den Bogazköy-Texten 10), Wiesbaden 1970, p. 78.

29. *Ibid. Dictionnaire...louvite*, p. 110.

30. *Ibid. Hiéroglyphes*, pp. 87—88.

31. *Dictionnaire...louvite*, p. 29.

32. Jaan Puhvel „Hittite *šhur* and Congeners“, *RHA* forthcoming, has suggested a correlation between Hitt. *šhur* 'urine' and CL *dār* 'id.'. Since Armenian has *šer* (<**sēr* 'urine'), which has been suggested to be related to Hitt. *šhur*, one would have to acknowledge in this case that the Armenian term could not be derived from Luwian since, unlike Hittite, there is no evidence of a Luwian shift of *t* to *š*.

УРАРТСКИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ИЗ АЛТЫНТЕПЕ*

Новые открытия в цитадели Алтынтепе близ Эрзинджана на востоке Турции позволяют впервые утверждать об употреблении силлабического «хеттского» иероглифического письма для записи урартского языка. Как будет показано ниже, те же надписи дают нам важные данные для изучения как хеттской, так и урартской фонологии.

Одиннадцать целых или частично разрушенных иероглифических текстов сохраняются сейчас в Археологическом музее Анкары¹. Сюда входят фрагменты больших карасов для хранения с выцарапанными надписями—граффити (ниже № 1—8), вырезанные надписи на бронзовых сосудах (№ 9 и 10) и кусок бронзового покрытия(?) с клинописной надписью, которой предшествуют два иероглифических знака².

Надписи на карасах все происходят из «складского» комплекса из двух помещений, расположенных на террасе в северо-восточной части цитадели³. Шестьдесят больших карасов (пифосов) для хранения были впущены в пол восточного склада; во второй же кладовой, раскопки которой не закончены, находилось по крайней мере еще одиннадцать. Такие хранилища были обычны на урартских городищах⁴, и, судя по царским надписям и другим источникам⁵, они, видимо, в основном использовались для хранения вина. Карасы из Алтынтепе принадлежат к обыкновенному урартскому типу, с толстым, угловатым краем и несколькими пластич-

ными полосами вокруг тулова. Глина грубая, содержащая песок, красная, с большими белыми включениями, с гладкой, полированной внешней поверхностью.

Почти на всех урартских городищах применялась какая-нибудь учетная система для записи содержимого отдельных сосудов в мерах *aqarqi* и *terusi*⁷, основных для измерения жидких тел в Урарту. Полное написание названий этих мер в клинописи в форме *a-qar-qi* и *te-ru-si* известно с карасов, найденных на Топраккале, в Шушанце и Аринберде⁷, а на других городищах⁸ встречаются клинописные сокращения *a* и *te*. В обоих случаях числительные выражены обычными клинообразными цифровыми знаками. В других случаях, а иногда в сочетании с клинописью, применялись различные типы рисуночных или «пиктографических» знаков. В этих случаях для передачи числительных в поверхности сосуда проверялись неглубокие ямки, причем слова *aqarqi* и *terusi* либо отделялись от цифр своего рода скобкой⁹, либо передавались процарапанными знаками, изображавшими соответственно МЕХ ДЛЯ ВИНА(?) и СОСУД¹⁰.

Из складского помещения на Алтынтепе сохранилось только восемь надписей на фрагментах сосудов, хотя первоначально их, несомненно, было гораздо больше; но остальные были либо уничтожены, либо рассеяны, когда это место было нарушено при постройке позднейших сооружений. Однако надписи на сосудах из Алтынтепе не напоминают ничем ранее известные способы записи, описанные выше, если не считать того, что и здесь цифры передаются с помощью просверленных ямок. Что же касается текстовых групп знаков, то они процарапаны на поверхности сосудов недалеко от края вертикальными столбцами ниже цифр. Знаки ясно отождествляются как хеттские, хотя и воспроизведены грубо, а их ориентация указывает на предполагавшееся их чтение справа налево и сверху вниз. Ниже столбцы обозначены, начиная с правого, римскими цифрами. Знаки цифр имеют в среднем 5—6 мм в диаметре и примерно одинаковую глубину. Прорисовки воспроизведены в масштабе 1:2, кроме № 9, масштаб которой несколько больше.

Надпись 1: Цельный большой черепок от края сосуда (*Altintepe II*, табл. 53, 3). Максимальная сохранившаяся высота 35,5 см.

На плоской верхней поверхности края три очень неглубокие проверченные ямки.

Столбец I: 4 *á-há+r-ku*

Столбец II: 6 *tu-ru-za*

I, знак 1: цифра 4 расположена симметрично, что характерно для всех четных чисел ниже.

I, знак 2: *á* курсивный вариант знака L. 19/M. 17; отождествление подтверждается контекстом. Та же форма знака встречается и в надписи на бронзовом сосуде № 9.

I, знак 3: *há* L. 215/M. 191 плюс ШИП=*ra/ri/r*, L. 383. Лишняя диагональная линия внутри окружности *há* явно нечаянно проведена писцом. Как Ларош, так и Мериджи включают в список особый знак *har* (L. 290/M. 189), состоящий из колеса с четырьмя спицами плюс ШИП; рассматриваемая нами комбинация—вероятно, вариант. Наилучшее чтение поэтому *há+r*.

I, знак 4: *ku* L. 432/M. 389, нормальной формы.

II, знак 1: в цифре 6 ямки расположены как обычно.

II, знак 2: *tu* L. 89/M. 182, 3. Варианты того же знака на бронзовых предметах №№ 9 и 10—см. ниже.

II, знак 3: *ru* Знак начертан небрежно, но в нем можно узнать L. 412/M. 188. Обычно средние линии в нем расположены наискосок, но чтение подтверждается контекстом.

II, знак 4: *za*. Этот знак (L. 377/M. 387) по традиции читается *z*, хотя его фонетическое значение и характер отличия от того же знака, но без двух черточек у основания (*z*), остаются ненадежными. Между тем, Боссерт давно предложил чтения *za* и *zi* для этой пары знаков¹¹, и это чтение, которое до сих пор, пожалуй, серьезно не рассматривалось¹², по-видимому, подтверждается нашим контекстом. Автор не считает себя компетентным рассматривать влияние, которое это новое чтение может иметь на хеттскую фонологию, но очевидно, что потребуются существенно новые интерпретации. Ряд авторов уже работает над этой проблемой¹³.

Ясно, что столбцы I и II являются попыткой передать написание урартских мер емкости, обозначаемых в клинописи как *a-qar-qi* и *té-ru-si*, хеттским иероглифическим слоговым письмом.

Почему обе версии несколько различаются по значению слоговых знаков, не вполне ясно, но наши знания как иероглифической хеттской, так и урартской фонологии далеко не достаточны, и более широкое использование данных настоящих текстов может позволить дать некоторые объяснения¹⁴.

Столбец III: 1 *á-ru-za*

Столбец IV: 1 *tu-ru-za*

По-видимому, столбцы III и IV представляют собой забракованную писцом попытку написания; писец заметил, что ошибочно написал *á-ru-za* вместо правильного *á-há+r-ku* и решил начать вторично правее. Несколько схожие ошибки встречаются также ниже в надписях № 2 и 3. Судя по надписи № 1, ямки для передачи числительных проверчивались позже написания названия мер, так как, если наше толкование приемлемо, то правильная цифра чисел мер так и не была написана перед первым, ошибочным написанием слов. Самая дальняя слева ямка значительно менее глубока, чем остальные, и возможно, что писец, проверчивая именно эту ямку, заметил свою ошибку и зачеркнул два из знаков столбца IV.

Надпись 2: Два больших соединяющихся фрагмента, включающие часть края (*Altintepe II*, табл. 53, 2). Максимальная сохранившаяся высота 51,5 см, ширина 39,0 см. Справа облом, уничтоживший цифру над столбцом I; маловероятно, чтобы эта цифра была более «2», иначе второй ряд пробурованных ямок был бы виден на оставшейся части поверхности. Левее столбца III много места, но письменных знаков нет.

Столбец: I (1 или 2?) *á-há+r-ku*

Столбец II: 5 *tu-ru-za*

Столбец III 1 *tu-ru-za* (?)

У последнего знака в столбце III недостает обычных двух черт внизу; возможно, этот знак был частично вычеркнут и писец начал писать снова правее.

Поскольку при первой попытке слово *aharku* еще не было начато, приходится предположить, что столбцы писались слева направо (то есть начиная со слова *turuza*), хотя ориентация знаков явно указывает, что они должны были читаться в противоположном направлении. Этим можно объяснить, почему в надписи № 1 пришлось повторить оба столбца: ошибочное написание *aruza* было сделано уже после того, как было сделано правильное написание *turuza* в столбце IV.

Надпись 3: Шесть соединяющихся фрагментов от горлышка и плечиков караса (*Altintepe II*, табл. 54, 1). Максимальная сохранившаяся высота 23,0 см, ширина 45,2 см. На сохранившейся поверхности цифр нет, хотя для них достаточно места вверху столбцов.

Столбец I: *á-há+r-ku*

Столбец II: *tu-ru-za*

Столбец III: *á-ru-za*

Повторяется та же ошибка, что и в надписи 1, но, по-видимому, в данном случае сначала было написано *aruza*, и ошибка была замечена до попытки написать *turuza*.

Надпись 4: Цельное горлышко сосуда (не воспроизведено в *Altintepe II*). Максимальная сохранившаяся высота 32,0 см, ширина 32,0 см.

Столбец I: 2(+?) *á-há+r-ku*

Столбец II: [*x tu-r*] *u-z[a]*

Надпись 5: Цельное горлышко сосуда (*Altintepe II*, табл. 53,1). Максимальная сохранившаяся высота 19,5 см, ширина 20,5 см.

Столбец I: [*x*] *á-há+r-ku*

Столбец II: 5 *tu+r(a)-za*

В столбце I единственный раз ШИП прибавлен к знаку *há* перпендикулярно слева. Возможно, что он был сначала ошибочно пропущен, а затем добавлен в необычном положении, поскольку

правильному написанию мешал уже нанесенный на поверхность следующий знак. Этот последний (*ku*) тоже необычен, так как в нем только одна вертикальная черта.

В столбце II (и в следующей надписи) клинописное *terusi* транскрибировано иначе, чем обычно, а именно к знаку *tu* добавлен ШИП вместо отдельного знака *ru*. Конечно, огласовка ШИПА неопределенна, но все же кажется более правильным передавать его как отдельный слог, исходя из клинописного и альтернативного хеттского нероглифического варианта. Знак *tu*, с его характерной вертикальной чертой справа, очень напоминает характер знака в надписях №№ 3 и 6.

Надпись 6: Цельное горлышко сосуда (*Altintepe II*, табл. 54,2).
Максимальная сохранившаяся высота 28,5 см, ширина 20,5 см.

Столбец I: [*x á*]-*há*(?) † <*r*>-*ku*

Столбец II: 6 *tu*+*ra-za*

В *há* отсутствует центральная вертикальная черта; опущен знак ШИПА. Такие ошибки могли заставить писца начать надпись снова правее, но эта часть сосуда не сохранилась. Как здесь, так и в надписи № 5 столбец со словом *aharku* непонятным образом сдвинут слишком сильно вверх по отношению к *turuza*.

Надпись 7: Цельный черепок от края (*Altintepe II*, табл. 53,4).
Максимальная сохранившаяся высота 21,5 см, ширина 26,5 см.

Столбец I: 3(+) [*á-há*+*r-ku*]

Столбец II: 2 *tu*-[*ru-za*]

Надпись 8: Цельный черепок (не воспроизведен в *Altintepe II*).
Максимальная сохранившаяся высота 19,5 см, ширина 14,0 см.

Столбец I: [1 или 2(?) *á-h*]*á*+ [*r-ku*]

На сохранившейся поверхности—верхний правый уголок знака *á*. Выше него следов цифр нет, так что, вероятно, был только один ряд ямок, то есть либо «1», либо «2».

Тщательное исследование надписей на карасах (пифосах) из Алтынтепе показывает, что они отражают почерки по крайней мере трех писцов. Надписи №№ 1 и 2 близки друг к другу начертанием знаков *tu* и *ru*, но в особенности крупного, старательно прочерченного *ku*, который повторяется и на № 4. Вероятно, к той же группе относятся и №№ 7 и 8, хотя от них сохранилось недостаточно, чтобы судить об этом уверенно. С другой стороны, хотя №№ 5 и 6 имеют между собой общий орфографический вариант, вряд ли они написаны одной и той же рукой. Маленький размер надписи № 5 и форма знака *tu* несколько напоминают № 3.

Надпись № 3 выделяется из всех прочих отсутствием цифровых знаков, четкостью силлабических знаков и тем фактом, что ее столбцы, по-видимому, были написаны справа налево (см. выше). Вероятным объяснением было бы, если мы сочли бы эту надпись за содержащую не запись содержания сосуда, а скорее за образец или пропись, с которой копировали составители других надписей. Если это объяснение правильно, то должна была существовать и другая пропись, с которой списывались бы тексты типа №№ 5 и 6.

Что касается величины самих мер, то этот вопрос, к сожалению, еще не получил достаточного освещения в литературе. В оценке основной единицы измерения жидкостей—*aqarqi*, которая, по-видимому, равнялась 10 *ferusi*¹⁵, обнаруживаются чрезвычайно большие расхождения: по данным Лемани-Гаупта, проводившего исследования на Топраккале¹⁶, она составляет 120—150 литров, Пиотровский же, изучавший материалы из Кармир-блур¹⁷, считает ее равной 240—250 литрам. Оба автора сообщают, что в основу своих расчетов они положили измерения конкретных сосудов, но при этом ни один из них не дает подробного описания своей методики. Впрочем, по поводу сосудов из Кармир-блур можно заключить, что автор в каждом случае принимал наибольшие количества *aqarqi* и *ferusi*, указанные в надписи на карасе, за емкость данного сосуда и, измерив фактический объем последнего, просто производил деление.

Такой метод расчета предполагает, что некоторые пифосы в данном хранилище были полны,—допущение, которое никак нель-

зя принимать безоговорочно. Например, большое разнообразие цифр в надписях на карасах приблизительно одинакового размера является верным свидетельством того, что многие из них не были заполнены до краев, так что вино, по всей вероятности, разливали обычно по всем имеющимся в хранилище пифосам, не заполняя целиком ни один из них. Кроме того, даже если некоторые сосуды и были полны, цифра, указанная Пиотровским, представляется нам сильно преувеличенной. Установлено, что емкость карасов в кладовых № 25 и № 28 на Кармир-блуре колеблется от 800 до 1200 литров¹⁸, а указанные исследователем величины суммарной емкости каждого помещения подтверждают, что средний объем сосуда был очень близок к 1000 литрам¹⁹. В то же время, и в первом и во втором хранилищах наибольшая цифра в надписях составляет 5 *aqarqi* 6 *ferusi*. Поэтому трудно понять, каким образом исследователю удалось получить значение свыше 1200 литров.

Величина 1000 литров как средний стандартный объем пифосов из Кармир-блур переключается с данными исследований других городищ. Математическое вычисление на основе опубликованного профильного изображения караса для хранения из Алтынтепе показало объем чуть менее 1000 литров²⁰, и есть все основания полагать, что на аналогичные количества были рассчитаны и сосуды из Каялыдере, очень похожие на предыдущий по размеру и форме²¹. Археолог, производивший раскопки в Аргштитхнни-ли (Давти-блур, Армавир), также упомянул, что на этом городище стандартная емкость пифосов составляет 1000 литров²². Опубликованные фотографии сосудов для хранения из других мест по крайней мере не противоречат предположению, что изготовители обычно стремились выработать сосуды единообразной стандартной емкости. Далее, приняв к сведению, что наибольшие цифры в надписях—это 7 *aqarqi* 7 *ferusi* (в Каялыдере²³), 7 *aqarqi* 3¹/₂ *ferusi* (в Адильджевазе²⁴) и, по всей вероятности, 8 *aqarqi* 8¹/₂ *ferusi* (на Кармир-блуре²⁵), мы неизбежно приходим к выводу, что величина этих единиц объема значительно меньше, нежели та, которую обычно называют. И, наконец, можно предположить, что, создавая карасы стандартной емкостью 1000 литров, изготовители хотели отразить в этой емкости целое число древних единиц измерения объема. Если это так, то наиболее ве-

роятно, что объем, на который был рассчитан каждый сосуд, составлял 10 *aqarqi*, из чего следует, что каждая единица объема *aqarqi* равнялась примерно 100 литрам, а *erusi*—около 10 л.

Надписи 9 и 10 вырезаны на двух бронзовых предметах из богатой могилы, которая была разграблена в 1938 году, а позднее, в 1959 году, вскрыта при раскопках под руководством Т. Эзгюча (Гробница II)²⁶.

Надпись 9: Шаровидный, снабженный отворотом кувшин из толколистной кованой бронзы; Музей Анкары, инв. № 11046 (R. D. Barnett and N. Gökcе, *Anatolian Studies* III [1953], 124, табл. XVI, 2, 4). Высота 37,6 см (максимальный диаметр примерно того же размера?), диаметр горлышка 12,0 см²⁷. Надпись вырезана на плечике сосуда вертикальным столбцом, причем знаки ориентированы слева направо.

Барнетт и Гёкче прочли эту надпись как *a-wa-ku-x-tu*; они не пытались ее перевести, но высказали предположение, что она обозначает хеттское личное имя²⁸. Штейнгерр²⁹ реконструировал ШИП на третьем знаке и прочел текст следующим образом: *a-wa-ri-ku* (плюс «глагольное окончание» *-tu*). Он интерпретировал сосуд как дар Урикки—царя Куэ, упоминаемого в надписях из Каратепе и являвшегося данником Тиглатпаласара III между 740 и 732 гг. до н. э. Археологи, в своем нетерпении точно определить абсолютный возраст этой могилы из Алтынпепе³⁰, почти повсеместно приняли такую интерпретацию, невзирая на тот факт, что сам сосуд, почти вне всякого сомнения, является урартским изделием³¹. Не было принято во внимание и то обстоятельство, что весьма трудно согласиться с реконструкцией отсутствующего (или невидимого теперь) знака в якобы хеттской царской надписи, в которой нет даже намека на титулатуру. Поэтому мы полагаем, что, независимо от того, какая интерпретация данного текста будет принята (шижеследующая интерпретация также отнюдь не бесспорна), предложенный Штейнгерром перевод несомненно является ошибочным.

Знак I: *śa/ś L. 433* (*s*², согласно Мериджи, М., 391). Как Барнетт и Гёкче, так и Штейнгерр считают этот знак словораздели-

телем, однако довольно значительная высота знака и отчетливо выраженный угол вверху слева говорят о том, что для предлагаемого здесь чтения имеется по крайней мере не меньше оснований. Заметим, что, как бы ни читался этот знак, он обращен «не в ту сторону» относительно знаков 2 и 6.

Знак 2: *á* L. 19/М. 17. Курсивная форма знака, сходная с обнаруженной в надписях на пифосах; обычно встречается в начальном положении, однако Ларош приводит как минимум одно исключение³².

Знак 3: *wa/wi* Знак L. 439/М. 394 обычно читается *wa*, однако Ларош привел некоторые доводы в пользу альтернативного значения *wi*³³, которое, очевидно, также засвидетельствовано в надписи из Порсука³⁴.

Знак 4: ДВОРЕЦ L. 254 (см., в частности, третий вариант). Барнетт и Гёкче, равно как и Штейнгерр, прочли этот знак как *ku* (L. 423/М. 389); однако в этом случае внутренние полуокружности были бы направлены наружу, в сторону углов знака; кроме того, на пифосах в знаке *ku* такие линии полностью отсутствуют. Предлагаемое нами чтение необычно, однако его возможность засвидетельствована материалами по крайней мере II тысячелетия до н. э.: отпечаток этого знака обнаружен на табличке с городища Рас-Шамра (17.239), где он чередуется с обычным знаком L. 250 и эквивалентен клинописному знаку É.GAL^{lim}³⁵. Этот знак, требующий, очевидно, такого же чтения, встречается и на нескольких новохеттских печатях³⁶.

Знак 5: 2 Числительное написано стандартным хеттским способом (см. L. 384), а не с помощью точек или ямок, обычных для надписей на урартских сосудах. Следы двух других линий, которые расположены чуть под углом к вышеуказанным знакам, скорее всего, являются случайными царапинами и вряд ли были нанесены писцом намеренно как часть надписи.

Знак 6: *tu* L. 89/М. 182, 3.

Первая часть этого текста сходна с урартской формой *šá-ú-i/e*, которая встречается трижды почти в идентичных, правда, спорных

местах³⁷. Первый знак этого слова трактовался как аккадограмма, которая читается GAR/ŠAKNU-ú-e и обозначает нечто вроде «администратор»³⁸. Предполагается, что здесь отражена форма множественного числа *a-la-ú-e (в действительности не засвидетельствованная), которая выводится на основе эквивалентности урартского слова a-lu-si форме ŠA' = šaknu в ассирийском варианте двуязычной надписи на Келяшинской стеле³⁹.

Меликишвили, в свою очередь, считает форму šau/e правильным урартским существительным с основой на -i/e, которое переводится им «правитель»⁴⁰. Такая интерпретация весьма правдоподобна (хотя отнюдь не бесспорна) для тех трех клинописных памятников, где встречается эта форма, и, кроме того, она вполне согласуется с контекстом надписи № 9. Таким образом, для первого слова текста можно предложить транскрипцию š(a)-á-wi и понимать его как эквивалент клинописной формы šau/e—либо в виде основы, либо в форме родительного падежа.

Если принять эту гипотезу, то последующий знак, то есть ДВОРЕЦ (L. 254), оказывается в контексте, который чрезвычайно схож с текстом на вышеупомянутой табличке из Рас-Шамры⁴¹, где неероглифическая надпись читается как Tap(a)ra-mi ЧЕЛОВЕК+ДВОРЕЦ, а при переводе в клинописную форму (11, 15—16) передается как ^mTab-ra-am-mi LÚ ša re-ši É.GAL^{im}. Название этой должности можно перевести примерно как „majordomo“ (мажордом) или „Chief (steward) of the Palace“ (управляющий дворцом, дворецкий)⁴². Однотипная титулатура обнаружена на стеатитовой булле из Девехююка, где некое лицо названо «жрецом дворца», причем употреблен тот же знак L. 254⁴³. Не исключено далее, что знак ДВОРЕЦ в надписи № 9 несет в себе тот же смысл, что и урартский знак É.GAL, который, по-видимому, означает скорее «город» или «цитадель», нежели «дворец» в точном смысле слова⁴⁴. Тогда слово sawi можно было бы понять как «губернатор» или местный правитель Алтынтепе и подвластной этой крепости территории.

Для интерпретации двух последних знаков основой могут служить рассмотренные выше надписи на карасах для хранения. Поскольку на этих карасах слово ferusi, написанное неероглифами,

всегда имеет форму *tu-ru/ra-za*, нас не должно удивлять сокращенное написание этого слова ТУ—аналогия клинописного сокращения *té*, которым нередко передается эта единица объема. Нетрудно установить, что величина сосуда, согласно проделанным выше расчетам⁴⁵, соответствует объему в два теруси, и вполне логично, что в могилу высокого должностного лица был положен карас стандартной емкости. Итак, полный текст надписи № 9 можно транскрибировать следующим образом:

s(a)-ā-wi ДВОРЕЦ 2 ТУ;

перевести же ее можно так:

«(Принадлежит) правителю цитадели, 2 *terusi* (емкость)»⁴⁶.

Надпись 10: Бронзовая «чашка», Музей Анкары, инв. № 11044 (R. D. Barnett and N. Gökçe, *Anatolian Studies* III [1953], 126 (9), табл. XVII, 1). Сосуд цилиндрической формы с закругленным «донышком». Высота 9,5 см, диаметр 13,5 см, высота боковых сторон 7,5 см. Надпись процарапана на выпуклой поверхности по направлению от края (который в этом месте отломан) к центру.

Барнетт и Гёкче прочли знаки горизонтально справа налево и транскрибировали надпись как *x-ā-mu(?) -tu(?) -ā-x*, не пытаясь дать ее перевод. Штейнгерр⁴⁷ же считает, что эту надпись надлежит читать по вертикали, аналогично надписи № 9; судя по текстам на пифосах, он почти наверняка прав. Знаки 2 и 5, которые Барнетт и Гёкче прочли как *ā*, не закруглены на конце, противоположном двум черточкам; в то же время, при правильной ориентации надписи обнаруживается очень большое сходство этих знаков со знаком *tu*, встречающимся в других надписях из Алтынтепе.

Знак 1: *ta₄(?)* L. 362/M. 184. Не совсем ясно, имеются ли внутри этого знака три вертикальные черты. Тем не менее, чтение, предложенное Штейнгерром, вполне возможно. Незвестное количество знаков—вероятно, не более двух—очевидно, утрачено вместе с отбитой частью сосуда.

Знак 2: *tu* После него идет пробел перед следующим знаком.

Знак 3: (?) Полукруг с заметно загнутыми концами, боковой стороной напоминающий знак *sa/s* (L. 415/M. 210—211). Знак расположен с небольшим наклоном, но писец, очевидно, намеревался нанести его вертикально. Маленькая царапинка, смотрящая направо, скорее всего, получилась случайно. Штейнгерр, по-видимому, считает этот знак словоразделителем.

Знак 4: 2 По мнению Бернетта и Гёкче, неясные пометки над двумя вертикальными линиями были начертаны намеренно; однако эти значки светлее остальных и, скорее всего, не являются первоначальными.

Знак 5: *tu*

Знак 6: (?) Знак в форме шпильки, как кажется, чуть отодвинутый от предшествующего знака *tu*. Он не похож ни на один из известных автору хеттских знаков.

Знаки 4 и 5 напоминают окончание надписи на бронзовом кувшине (надпись № 9) и, вероятно, имеют то же значение. Поэтому полный текст, в той мере, в какой он сохранился, можно было бы прочесть так:

?|-*ma*₄-*tu* x (идеограмма?) 2 TU x
.....?.....? 2 *terusi*?“

То обстоятельство, что надпись начертана на «донышке» исследуемого предмета, ставит под сомнение правомерность наименования «чашка». По своей форме сосуд, пожалуй, необычен в Урарту и, в частности, из-за округлого «дна» вряд ли пригоден для питья. Кроме того, если верна предложенная выше частичная интерпретация текста, то емкость, указанная на этом сосуде, несоизмеримо велика для чаши. Здесь напрашивается альтернативное предположение: этот предмет использовался не как вместилище для жидкости, а служил крышкой сосуда такого типа, как снабженный отворотом карас с надписью № 9. Судя по диаметру предмета и по высоте его сторон, он точно соответствует горлышку этого караса, так, что может его покрыть; видимое же сходство надписей на обоих объектах говорит о том, что предположение о связи между ними вполне может соответствовать действительности.

Датировка

Склад, в котором найдены пифосы с надписями, был сооружен в течение более ранней фазы пребывания урартов на Алтынтепе—приблизительно одновременно с храмом и относящимися к нему служебными помещениями. Он был заброшен, очевидно, во время второй фазы существования цитадели («ападана»), когда более поздние стены покрыли и частично разрушили его⁴⁸. К сожалению, ввиду отсутствия надписей на постройках и из-за незнания точной хронологии урартских гончарных изделий, мы почти не располагаем надежными археологическими критериями для более точного датирования этих предметов.

План храма обнаруживает близкое сходство с планами храмов из целого ряда городищ, которые все без исключения несомненно относятся к VIII в. до н. э., причем, скорее всего, к его первой половине⁴⁹. Далее, стенные росписи первой фазы Алтынтепе, как уже справедливо отмечалось⁵⁰, сопоставимы с росписями стен на холме Арин-берд, которые датируются главным периодом развития этой цитадели—эпохой царствования Аргишти I (ок. 786—756 гг. до н. э.) и его сына Сардури II (ок. 755—735 гг. до н. э.). Однако более важное значение для датирования Алтынтепе имеют данные изучения могильника на склоне холма, которые позволяют достоверно определить *terminus ante quem* для первого периода строительства: могильник, разумеется, не мог появиться раньше, чем здесь поселились первые урарты. В гробнице III, которая, как установлено по топографическим данным, является самым поздним из всего ряда захоронений, обнаружены две короткие надписи Аргишти II (ок. 713—685 гг. до н. э.); поэтому, если принять, что гробницы I и II старше, чем гробница III, на одно или два поколения, то цитадель следует датировать самое позднее серединой VIII столетия.

Критерием для определения самой ранней даты основания урартами крепости Алтынтепе служит время царствования Менуа (ок. 810—786 гг. до н. э.)—первого царя, который начал—на заре VIII столетия⁵¹—активное завоевание западных земель. Есть основания считать, что равнина Эрзинджана была захвачена не позд-

не первой половины периода царствования Сардури II, а скорее всего, еще при жизни его предшественника. Таким образом, почти не подлежит сомнению, что крепость Алтынтепе и склад, в котором найдены пифосы с надписями, были сооружены ранее 750 г. до н. э. Инвентарь гробницы II, в том числе и бронзовые изделия с надписями 9 и 10, был погребен приблизительно в середине столетия или немного позднее, так что некоторые из этих вещей могли находиться в употреблении еще в течение первой фазы цитадели. Необходимо подчеркнуть, что этот вывод подтверждается еще одним фактом: слово *šauri*, которое автор прочел в надписи № 9, до сих пор засвидетельствовано только в текстах царя Сардури II.

Вопрос о происхождении этих урартско-хеттских иероглифических надписей пока что в значительной мере остается открытым. Прежде всего, следует остерегаться усматривать в этих текстах доказательство того, что жители Алтынтепе владели хеттской иероглифической грамотой. Полное число знаков, представленных в этих надписях, не превышает 14, а ошибки в столбцах текстов на карасах не внушают особой веры в познания писцов. С другой стороны, есть основания сомневаться в том, что писцы, специально для составления этих текстов, заимствовали у другого народа и выучили нужное им ограниченное число знаков. Для этой цели вполне могла бы подойти одна из нескольких систем рисуночного письма, применяемых в других урартских поселениях; так что незачем было бы обращаться к довольно сложной письменности хеттских иероглифов, если бы она по какой-то причине не оказалась доступной для использования.

На бронзовых сосудах надписи начертаны, как будто, несколько более умелой рукой, нежели на пифосах, и говорят, пожалуй, о более высокой степени искусства писца. Одна лишь надпись на карасе № 3, которая, как уже говорилось выше, вероятно, служила образцом для ряда других надписей, состоит из сравнительно хорошо прорисованных знаков. Кроме того, употребление двух вариантов транскрипции слова *terusi* свидетельствует, что какой-то человек из Алтынтепе, который, возможно, даже и не был урартом, свободно владел языком хеттских иероглифов.

В самом деле, если бы писец, умевший писать хеттскими иероглифами, был местным жителем, он несомненно оставил бы после себя значительно больше доказательств собственной деятельности и не ограничился бы теми немногословными текстами, которые дошли до нас. В общем, наиболее правдоподобным представляется предположение, что рассмотренные нами надписи из Алтынтепе появились как результат деятельности жившего здесь добровольно или в плену выходца из хеттских земель, в которых пользовались иероглифическим письмом и о которых действительно имеются упоминания в текстах Аргишти I⁵². Этим обстоятельством, возможно, объясняется тот факт, что, в отличие от надписей на караках, где числительные обозначены, как обычно, при помощи пробурованных ямок, в надписях № 9 и 10 употребляются «хеттские» числительные, переданные черточками.

Применение хеттского иероглифического письма на Алтынтепе следует, таким образом, рассматривать как единичное и кратковременное явление, которое просуществовало, быть может, не дольше, чем продолжалась карьера одного (иностранного?) писца. Напротив, рост централизации Урартского царства в конце VIII и в VII вв. до н. э. привел к значительно более широкому использованию клинописи; на Алтынтепе свидетельством этого явились надписи на бронзовых предметах из гробницы III времен Аргишти II. В это же самое время различные местные системы учета объема, применявшиеся в VIII веке, постепенно уступили место стандартным клинописным знакам, которые были приняты, возможно, под влиянием Ассирии⁵³. Новая форма ведения записей стала общепринятой, по-видимому, во время царствования Русы II (ок. 685—645 гг. до н. э.)⁵⁴. При такой тенденции развития владение иероглифической письменностью не играло более никакой роли—напротив, промелькнув на короткий период на Алтынтепе, эта письменность, как видно, бесследно исчезла из государства Урарту.

Примечания

*Настоящее исследование не удалось бы осуществить, если бы Американский институт археологии не присудил автору переходя-

щей стипендии им. Оливии Джеймс, за что он и выражает свою глубокую признательность. Автор благодарит также д-ра Дэвида Френча и сотрудников Британского института археологии в Анкаре за их радушный прием и создание благоприятных условий для работы зимой 1971—72 гг.

И. М. Дьяконов и Дж. Д. Хаукнис помогли автору ценными замечаниями по поводу ряда аспектов настоящего труда, однако они не во всем согласны с предложенными здесь интерпретациями.

Цитируя ту или иную урартскую надпись, автор для удобства ссылается на списки текстов, приведенные как у Кёнига, так и у Меликишвили. Цифра, следующая непосредственно за буквой «L» или «M», относится к знаку, а не к номеру страницы.

1. Автор признателен профессору Т. Эзгючу за разрешение изучать надписи из Алтынтепе, а также директору Археологического музея в Анкаре г-ну Р. Темизеру за создание благоприятных условий для этой работы.

2. Последняя (АТ. 59/2173) не опубликована. Она состоит из вырезанного треугольника и колеса с четырьмя спицами, после которых следует имя Аргишти (II), написанное клинообразными знаками. В дальнейшем эта надпись будет опубликована профессором К. Балканом вместе с другой клинописной надписью из той же могилы (АТ. 59/2174—фрагмент шлема?). См. *T. Özgüç, Altıntepe II* (Анкара, 1969), 70.

3. *T. Özgüç, Altıntepe II* (Анкара, 1969), 75 и след.

4. Топраккале: *C. F. Lehmann-Haupt, Armenien Einst und Jetzt*, II, 2 (Берлин и Лейпциг, 1931), 466 и сл.; *A. Erzen, AA* (1962), 411 и сл., фиг. 22, 23; схематический план, *TAD X*, 2 (1959), табл. XVI.

Кармир-блур: *Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур II* (Ереван, 1952), 65 и сл.

Адыльджеваз (Кеф-Калеси): *E. Bilgiç and B. Ögün, Anadolu IX* (1965), 14 и сл., табл. I—VI; *Ögün, AA* (1967), 485 и сл., фиг. 5.

Бастам: *W. Kleiss, AMI* (п. F.) III (1970), 35 и сл., V (1972), 30 и сл.

Каялыдере: *C. Burney, Anatolian Studies XVI* (1966), 83 и сл.

Чавуштепе: *A. Erzen*, TAD XVII, 2 (1968), 89, фиг. 5.

Арин-берд: *К. Л. Оганесян*, Арин-берд I (Ереван, 1961), 18, 42, фиг. 21 и 22.

Патнос (Дегырмет-тепе): *К. Balkan*, Atatürk Konferansları, Т.Т.К XVII seri, № 1 (Анкара, 1964), 241.

Норшунтепе: *H. Hüppmann*, IM 19/20 (1969/70), 66.

Армавир (Давти-блур): *А. А. Мартиросян*, СА (1972, 3), 46, фиг. 3.

5. Виноградники часто упоминаются в урартских надписях, а вино служило обычным предметом дани, тогда как масло почти не фигурирует. Саргон описывает меха из винных погребов урартского города Улху, захваченного им во время VIII похода. См. *B. Meissner*, ZA, 34 (1922), 116 и сл., строка 220; *Luckenbill*, ARAB II § 161, причем в перевод Лукенбилля надлежит внести поправку, а именно: *SAD H, 19 sv. ḥabu* (ḥару).

6. Автор везде пишет *ṭerusi*, а не *ṭirusi* на основании HChI 103 A. III, 10=УКН 155G, 10, где употребляется знак *Labat* № 172 (*ṭè=ne*). В других случаях, в частности во всех надписях на пифосах, это слово написано при помощи знака *Labat* № 396 (*=ḥi*), который читается здесь как *ṭe*. Такое же чтение принял И. М. Дьяконов—см. УПД 91 *ṭer-usi*.

7. Топраккале: HChI 20 а-у/УКН 340а-х. Шушанц (на некоторых картах пишется *Susans*): HChI 21, 35/УКН 341. Арин-берд: *К. Л. Оганесян*, Арин-берд, I, стр. 43, рис. 22, *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 133—134.

8. Кармир-блур: *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур II, 65 и сл., фиг. 36=HChI вкл. 36/УКН 345—364); *Б. Б. Пиотровский*, ЭВ, XI (1966) 81 и сл. (=УКН, стр. 456).

Адыльджеваз: *E. Bilgiç and B. Ögün*, Anadolu IX (1965), 14 и сл., табл. XIII—XIV.

Арин-берд: *К. Л. Оганесян*, ук. соч., 42, фиг. 22 (см. УКН 456).

Армавир: *А. А. Мартиросян*, ук. соч., 49, фиг. 3.

Бастам: *E. von Shuler*, AMI (п. F.) III (1970) 93 и сл.

9. *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур II, 65 и сл., фиг. 37—39, где *aqarqi* стоит справа, а *ṭerusi* слева от скобок; см. *его же*, ЭВ, XI (1966), таблица, стр. 81; здесь «точечные» знаки, очевидно, использовались как дополнения к предшествующим клинописным знакам.

10. Объяснение предложил фон Шулер, ук. соч., стр. 93 и сл., где он публикует фрагмент пифоса из Бастама, который, очевидно, снабжен аналогичной надписью как в рисуночном, так и в клиновидном написании (см. табл. 46, 1 в раб. фон Шулера). Символ *aqarqi* он переводит «большой карас». Бэрни [Anatolian Studies XVI (1966), 90] предложил значение «козий мех?». Известны варианты с нескольких городищ: обозначение *aqarqi* пунктирными окружностями, а *ferusi* ямками—в Каялыдере (там же, 88 и сл., G 8, строка 1 и т. д.), на Арин-берде (Арин-берд I, 42, фиг. 22, непосредственно под краем) и на Норшун-тепе (об этом нам любезно сообщил Х. Хауптман). Авторы, описывающие памятники из Чавуш-тепе, упоминают об употреблении «и клинописного, и рисуночного письма», но не сообщают никаких подробностей [E. Bilgiç and B. Ögün, Anadolu, IX (1965), 15].

11. Н. Т. Bossert, Orientalia n. s. 29 (1960), 433 и сл.

12. Мериджи, стр. 4, прим. 7.

13. Дж. Д. Хаукинс и А. Морпурго-Дейвис представили на эту тему статью на заседании Британского Королевского Азиатского общества в июле 1973 г. И. М. Дьяконов в письме к автору также сделал ряд интересных замечаний по поводу новых эквивалентов.

14. См. И. М. Дьяконов, Hurrisch und Urartäisch (=Münchener Studien der Sprachwissenschaft, Beiheft 6, n. F.), стр. 50: урартское графическое изображение знака q, вероятно, имеет фонетическое соответствие (kh) или (qh), которое объясняет наличие -h- в слове *aharku*.

15. Максимальное число *ferusi*, указанное в надписях, обычно не превышает $8\frac{1}{2}$; на основании этого наблюдения Дьяконов (УПД, стр. 6) сделал заключение, что одному *aqarqi* соответствуют только 9 *ferusi*. Лемани-Гаупт сообщает (правда, не давая иллюстраций), что максимальное число *ferusi*, зафиксированное в надписях из Топраккале (Armenien II, 2, 47), равно 9. Некоторые рисуночные знаки из Кармир-блур, по-видимому, также передают количество 9 *ferusi* (Кармир-блур II, стр. 68, № 29), но самым убедительным подтверждением нашего вывода служит клинописная надпись на карасе с того же городища, в которой говорится о

9^{1/2} *ṭé* [Б. Б. Пиотровский, ЭВ, XI (1956), стр. 81, № 194]. Возможно существовала тенденция округлять объем содержимого, равного 9 *ṭerusi* и более.

16. Агменен, II, 2, 474; очевидно, к этому мнению присоединился и Кёниг (HChI, стр. 71, прим. 5).

17. Кармир-блур II, 74; с этим мнением соглашаются Меликшвили (УКН, стр. 366), Дьяконов (УПД, 6) и М. Сальвини [SMEA, 9 (1969), 10].

18. *Пиотровский*, II Regno di Van, 212.

19. Кармир-блур II, 74. Оба помещения имели емкость около 150 000 литров, и в общей сложности в них помещалось 152 караса. (Число, указанное здесь, а именно 125,—опечатка; в одной кладовой находилось 82 караса, а во второй—70. Правильную цифру, а именно 152 сосуда, Пиотровский называет в *II Regno di Van*, 212).

20. Altıntepe II, 36, фиг. 35.

21. Рисунки в масштабе, *Anatolian Studies* XVI (1966), 86 и след.

22. *Мартиросян*, СА (1972:3), 46.

23. *Anatolian Studies* XVI (1965, 1966), 89, фиг. 17, № G 11.

24. *Anadolu* IX (1965), табл. XIV; ряд 6, слева.

25. ЭВ, XI (1956), 81 (таблица), № 193; если принять версию, представляющуюся наиболее правдоподобной, а именно, что писец, проверчивая ямки, хотел обозначить количество, которое следовало прибавить к количеству, зафиксированному клинописью, и что в одном *aqarqi* содержалось 10 *ṭerusi* (см. выше, прим. 20). Возможно, ямки имеют более позднее происхождение и не являются простым переводом клинописных знаков, ибо цифры не совпадают. С другой стороны, имея в виду факт нанесения клинописных обозначений на карасах Кармир-блуря прямо на иероглифические обозначения и то обстоятельство, что иероглифические знаки (цифры) отличаются здесь от клинописных в основном в дробных мерах *ṭirusi*, Н. В. Арутюнян полагает, что в данном случае фиксируется, по-видимому, уточнение емкости карасов путем исправления ранее нанесенных неправильных иероглифических обозначений. См. Н. В. Арутюнян, ЗСУ, стр. 132.

26. Altıntepe II, 65 и след.—см. описание гробницы.

27. *R. D. Barnett and N. Gökce*, *Anatolian Studies* III (1953), 124 (5), табл. XVI, 1, 4. Автор имел возможность исследовать этот сосуд в Анкаре, но не получил разрешения вынуть его из витрины. Размеры взяты из работы Барнетта и Гёкче, за исключением максимального диаметра, для которого эти авторы дают величину 32,0 см. Более внимательное изучение опубликованного фотоснимка (табл. XVI, 4) показывает, что это либо ошибка авторов, либо типографическая погрешность, ибо диаметр несомненно больше названной величины, о чем свидетельствует сравнение с масштабом или с указанной высотой (которой диаметр, по-видимому, приближенно равен).

28. Там же, 124, 128.

29. *F. Steinherr*, *Die urartäischen Bronzen von Altıntepe, Anatolia* III (1958), 97—102, в частности 100 и сл.

30. Эту идентификацию и датирование приняли, например, М. ван Лоон, Т. Эзгюч и Р. С. Янг—см. *M. van Loon*, *Urartian Art* (Leiden, 1965), 12, 104; *T. Özgüç*, *Altıntepe II*, 71; *R. S. Young*, *Hesperia* 38 (1969), 259.

31. Кроме этого, в той же могиле на Алтынтепе были найдены еще три аналогичных бронзовых сосуда (*Barnett and Gökce*, 124, 4, 6, 7, табл. XVI, 2, 3), а еще один, почти идентичной формы, был обнаружен в гробнице III [К. *Emre*, *Bellefen* 33 (1969), 293, табл. I, 4]. Глиняные повторения встречаются на Алтынтепе (там же, стр. 293, фиг. 2—6) и Малаклю [„Игдыр“, *R. D. Barnett*, *Anatolian Studies* XIII (1963), 154 и след., фиг. 12, 21. 7]; ряд экземпляров был найден недавно на новом кладбище близ Адьяльджеваза (не опубликованы, хранятся в Анкаре); их можно датировать VII в. до н. э. (автор смог ознакомиться с ними благодаря любезности д-ра Б. Огюна).

32. *Ларош*, стр. 14.

33. Там же, стр. 227.

34. *J. D. Hawkins*, *Anatolian Studies* XIX (1969), 103.

35. См. *Ларош*, стр. 135. Эта печать опубликована Шэффером и описана Ларошем—см. *C. Schaeffer*, *Ugaritica* III (Paris, 1956), 50 и сл., фиг. 76—77; *Laroche*, там же, 149 и сл. По поводу клинописного текста см. *I. Nougayrol*, *PRU* IV (Paris, 1956), 239.

36. *D. G. Hogarth*, *Hittite Seals* (Oxford, 1920), стр. 45, № 306 („Мараш“); стр. 48, № 330 (Девехююк).

37. *HChI* 110/УКН 167, строка 5; *HChI* 115/УКН 170, строка 2; *HChI* 117/УКН 169, строка 3.

38. *M. de Tseretheli*, *RA* 23 (1936), 123 в тексте *HChI* 117/УКН 169; Дьяконов (УПД 67) читает GAR-ú-с.

39. *HChI* 9/УКН 19: ассирийская версия—строки 3, 16; урартская версия—строки 4, 19.

40. *УКН* стр. 406, s. v. *šá-ú-e*: „правитель“.

41. См. выше, прим 35.

42. Перевод «мажордом» предложил Ларош (стр. 135). Табличка датируется второй половиной XIII столетия. В более поздние времена должностные лица с таким титулом были обычно евнухами, и этот термин постепенно принял именно такое значение (см. *RLA II*, s.v. Eunuch). Слово ^{LÜ}*šá-rēši* встречается в виде аккадограммы в урартском языке, очевидно, в значении «евнух» (*HChI* 131/УКН 286 с исправленным чтением И. М. Дьяконова—УПД, текст 12, обор., 2). Позже было установлено, что эта аккадограмма фигурирует также в одной из клинописных табличек, происходящих из Кармир-блур. См. *Н. В. Арутюнян*, Биайнили (Урарту), Ереван, 1970, стр. 335, прим. 105.

43. Интерпретация, предложенная Ларошем,—стр. 198.

44. См. *HChI*, стр. 231 и *HChI* 91A/УКН 138, где говорится о сооружении É.GAL и где он назван ^{URU}*Er-bu-ú-ni*, то есть «город Эр(е)буни».

45. Приняв, что максимальный диаметр равен приблизительно 37,0 см (см. выше, прим. 27), и произведя вычисления с учетом почти шаровидной формы, мы получаем объем от 17,15 до 24,90 литров—в зависимости от величины поправки на слегка уплощенный профиль сосуда. Емкость около 20 литров точно вдвое превышает указанную ранее величину одного *terusi*.

46. Если знак 1 все-таки считать словоразделителем, то вероятным чтением будет *á-wa/wi* ДВОРЕЦ. 2 TU или *á-wa/wi-ku* 2 TU (если знак 4 рассматривать как *ku*); тогда можно предположить известную связь с клинописной формой *aui/e* или ^d*Aui* (*HChI*/УКН s. v.).

47. Ук. соч., стр. 99.

48. *Altintepe II*, 75.

49. Патнос (Азнавуртепе [урартский Алудирн]), основанный царем Менуа; храм: *Y. Boysal, Belleten XXV* (1961), 199 и сл.; надписи: *K. Balkan, Anatolia V* (1960), 133—158.

Храм в Чавуштепе, который, согласно надписи, еще находящейся *in situ*, построен царем Сардури II, план: *TA XVII* (1968), 77 и сл., фиг. 5.

Каялыдере: *S. A. Burney, Anatolian Studies XVI* (1966), 35 и сл.; надписями не датируется, но, судя по археологическим данным, относится к VIII в. до н. э.

На городищах, основанных в VII столетии (Адыльджеваз, Бастам, Кармир-блур), храмы такого типа до сих пор не встречались.

50. Относительно стенных росписей—см. *Altintepe II*, 47 и сл., в частности, стр. 57, где производится сравнение с Арин-бердом. Относительно хронологии Арин-берда см. *Оганесян, Арин-берд, I*, 12 и сл.

51. См. *HChI 16=УКН 28*, а по поводу надписи из Патноса—*K. Balkan*, ук. соч., 133 и сл., тексты 1 и 2 [= *Меликишвили, ВДИ* (1971:3), 235 и сл., № 372—373].

52. *HChI 80 § 4. IV=УКН 127, II; HChI 81 Rs. § 4. IV/УКН 128 A2*.

53. Во всех раскопанных городищах, о которых известно, что они были основаны в VII столетии, найдены пифосы с клинописными надписями (Кармир-блур, Топраккале, Бастам, Адыльджеваз—см. выше, примечание 4). В городищах, основанных в VIII в., но продолжавших существовать и в VII в. до н. э., засвидетельствованы обе системы (Арин-берд, Чавуштепе), тогда как в городищах, существовавших, очевидно, только в VIII столетии, обнаружены одни лишь рисуночные знаки (Каялыдере, Патнос). В Адыльджевазе, основанном Русой II (ок. 685—645 до н. э.), засвидетельствованы только клинописные знаки для учетной системы. Относительно карасов для хранения масла (?) с клинописными обозначениями емкости см. *Iraq XIX, 1* (1957), 20.

54. См. прим. 53. Во всех городищах, основанных Русой II, раскопками открыты пифосы с клинописными надписями, а в одном из них (Адыльджеваз=Кеф-Калеси) обнаружена только клинопись.

И. М. ДЬЯКОНОВ

ЗАМЕЧАНИЯ К УРАРТСКИМ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМ НАДПИСЯМ ИЗ АЛТЫНТЕПЕ

Интересная статья Дж. Дж. Клейна будет еще не раз привлекать внимание урартологов и хеттологов. Не предвосхищая решения всех поднятых автором вопросов (возможно, некоторые из них решаются иначе, чем предлагает Дж. Дж. Клейн), я хотел бы остановиться лишь на немногих пунктах чисто филологического характера, которые могут бросить свет на некоторые неясные проблемы новых текстов.

В целом интерпретация Дж. Дж. Клейном текстов № 1—8 представляется мне вполне убедительной; очевидно, имелась необходимость продолжать (или начать) ведение учета продуктов на дворцовых складах Алтынтепе после перехода города в руки урартов, а писцов, знающих урартскую грамоту, будь то иероглифическую или клинописную, налицо пока не было; какой-то «хеттский» местный грамотей обучил хранителей склада выписывать нужные хеттские знаки на карасах и других сосудах, что те и делали впредь до установления здесь официальных урартских канцелярий.

Фонетически чрезвычайно любопытна интерпретация по слуху и передача соответственными «хеттскими» (лувийскими) иероглифическими знаками урартских слов təgusə и aqaqə . Прежде всего, подтверждается высказанная нами ранее гипотеза о придыхатель-

ном характере урартского q (в хурритском ему соответствует фонема, различно пишущаяся то как k, то как h). Затем, подтверждается высказанная нами точка зрения, согласно которой урартские конечные гласные, кроме ударного a, а также, возможно, и и о, произносились как нейтральный гласный э или вовсе не произносились. Как известно, в «хеттской» иероглифике знак типа СОГЛАСНЫЙ + a мог означать и СОГЛАСНЫЙ + нуль.

Подтверждается также высказанное нами предположение, что неударный нейтральный гласный мог огубляться (откуда формы e-qù-ru-hu/-hè от корня *eqr-, соответствующего хурритскому eḫli „освобожденный от повинности“). Ср. в Алтын-тепе урарт. /tərusə/ > tu-ru-z(a), урарт. /aq^harq^hə/ > á-há + r-ku. Передача урарт. /s/ как z также вполне закономерна: окончание -usə, как показано нами, восходит к хурр. -uzzi, и урартское графическое s, во всяком случае, безусловно как /s/ не произносилось.

Мы не можем согласиться с чтением надписей № 9 и 10, предложенным Дж. Дж. Клейном. Обе надписи нанесены на предметы, найденные в могиле, куда вряд ли положили бы крышку от караса (№ 10, выше, стр. 135, 139). Далее, предполагаемое Г. А. Меликишвили вслед за рядом урартологов чтение šá-ú-i/e в УКН 167, 169, 170 противоречит правилам урартского словообразования, и поэтому здесь безусловно следует читать GAR-ú-e; указание Клейна на чисто реконструированный характер слова *alawə¹ не вполне правильно, потому что в отложительном падеже мы имеем форму a-la-ú-i-né-né параллельно a-lu-si-né-né от обычного alusə «правитель». Но чтение *alawə здесь вовсе не необходимо: контекст УКН 167, 169, 170 гласит BUZÚR a-le i-se i-ku-ka-né e-di-né GAR-ú-e ma-ni-li-e, что значит „тот царь, кто над всем этим (из числа) правителей будет”—т. е. GAR-ú-e здесь родительный падеж множественного числа на *-awe, вполне возможно от /alusə/. Более вероятно в № 9 было бы видеть упоминание богини ^DA-ú-i-e (УКН 27, стк. 21: форма дательного падежа; в абсолютном падеже, вероятно, /Awə/), хотя, конечно, уверенности здесь быть не может. Слово a-ú-i-e без детерминатива

¹ Точнее, в абс. падеже ед. числа alaə; в таком виде встречается в УПД.

божества означает «куда-либо». Но скорее всего, можно думать о предлоге//послелогe хурр. awe, урарт. aie (УКН 90, стк. 6), предположительно «для». Чтение следующего знака как ДВОРЕЦ представляется нам приемлемым.

Надпись № 10 кажется нам неудобочитаемой.

К прим. 25: ср. пометки о доливе вина в карас, обычные для винных складов парфянской Нисы.

В целом открытие Дж. Дж. Клейна явится, очевидно, определенной вехой в урартологии, а возможно, и в изучении «хеттской» иероглифики.

Н. В. АРУТЮНЯН

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ УРАРТСКОЙ НАДПИСИ ИЗ ХАГИ

Надпись Аргишти II, происходящая из сел. Хаги (близ Арчеша на северном берегу северо-восточного залива оз. Ван), являются одним из важнейших памятников урартской письменности. И несмотря на то, что она имела ряд ценных публикаций, выполненных крупнейшими советскими и зарубежными специалистами¹, тем не менее во многих своих деталях до сих пор все еще нуждается в новом толковании.

Указанное выше обстоятельство следует объяснить не только крайне неудовлетворительным состоянием текста Хагинской надписи, но и недостаточным разбором существующего материала. Дело осложняется еще и тем, что в выявлении отдельных фактов мнения специалистов сильно расходятся.

Отметим также, что новой интерпретации отдельных отрывков интересующей нас надписи частично способствуют обнаруженные впоследствии урартские письменные памятники.

Итак, приступим к разбору тех отрывков Хагинской урартской надписи, которые, по нашему мнению, нуждаются в новых чтениях и интерпретациях.

1. К ЧТЕНИЮ ФОРМУЛЫ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

Формула благопожелания урартскому царю Аргишти, сыну Русы, со стороны верховного бога Халди занимает, как известно, строки 5—12 лицевой стороны Хагинской надписи.

¹ *M. de Tseretheli*, L'inscriptton de la stèle de Hagî, RA, 1958, LII, № 1, стр. 29—35; *Г. А. Мелликишвили*, УЖН, 276; *F. W. König*, Handbuch, 124.

В 5-й строке М. Церетели и Г. А. Меликишвили читают *ma-ni-ni* ^DḤal-di-[ni be-di-ni], а Ф. В. Кёниг: *ma-ni-ni* ^DḤal-di [bi-di-ni].

Для восстановления знака *ni* в конце *bedi*, предложенного М. Церетели и Г. А. Меликишвили, в поврежденном отрывке данной строки нет достаточно места. Восстановление же Ф. В. Кёнига—^DḤal-di [bi-di-ni] — не оправдывается другими аналогичными текстами урартских надписей. Знак *ni* в конце ^DḤaldi закономерно выступает во всех известных нам случаях, без единого исключения. Исходя из этого, из транслитерации Ф. В. Кёнига (как и у М. Церетели и Г. А. Меликишвили) следует изъять восстановленный в конце *bidi* знак *ni*, ибо для обоих *ni* (в конце ^DḤaldi и *bidi*) в поврежденном отрывке 5-й строки Хагинской надписи не хватает места.

На основании приведенных выше аргументов для рассматриваемой строки, согласно фотоснимку эстампажа надписи², мы предлагаем чтение *ma-ni-ni* ^DḤal-di-[ni bi-di] «Да будет со стороны бога Халди». Такое написание как раз встречается в известной кармирблурской надписи Русы III—сына Аргишти II, составителя рассматриваемой Хагинской надписи. Кстати, формула благопожелания кармирблурской надписи, как увидим ниже, имеет также целый ряд других общностей с подобной же формулой Хагинской надписи.

Следующие строки 6—7 не представляют никакого труда для чтения. Здесь налицо имя и отчество царя; повреждены лишь их окончания, которые М. Церетели и Ф. В. Кёниг в обоих случаях восстанавливают *-[i-e]*, а Г. А. Меликишвили—лишь *-[e]*. Исходя из довольно больших отрывков повреждения в конце указанных строк можно думать, что чтения М. Церетели и Ф. В. Кёнига—¹Ar-giš-ti-[i-e] ¹Ru-sa-a-ḥi-ni-[i-e] «Аргишти, сыну Русы»—вополне оправданы.

Для формулы благопожелания Хагинской надписи представляет значительный интерес строка 8 текста, где М. Церетели читает

² СICh, табл. XXXIX, надпись 149.

³ Н. В. Арутюнян, НУН, стр. 38, текст I, стк. 4—5.

а-гу-ú-še-e ku-[ú-i/e], Г. А. Меликишвили: а-гу-ú-še-e ku-[ú-i], а Ф. В. Кёниг: а-гу-ú-še-e e-ku-ú-še.

В связи с чтением М. Церетели и Г. А. Меликишвили, которые, как видно, почти полностью совпадают, следует учесть, что слово (усилительная частица) *kuí* (вариант: *kuе*) «же», «даже», «также», «а также»⁴ никогда не встречается в формулах благопожелания урартских надписей. Тексты с упоминанием *kuí* (*kuе*)⁵ не имеют и других общностей с рассматриваемым отрывком Хагинской надписи. Следовательно, с предложенным выше чтением *kuí/kuе* 8-й строки трудно согласиться. Это тем более невозможно, если учесть, что в конце данной строки довольно хорошо сохранился знак *še*. Нет основания также в конце абстрактного имени *агиše* «дар», «благодеение» видеть дополнительное *e* (*а-гу-ú-še-e*).

Что касается чтения Ф. В. Кёнига *а-гу-ú-še-e e-ku-ú-še*, то против него также можно привести целый ряд аргументов. Во-первых, откуда взято дважды *e* (в конце *агиše* и в начале *екиše*), когда на фотоснимке надписи имеется лишь один такой знак. Во-вторых, между *ku* и *še* абсолютно ничего не видно, но Ф. В. Кёниг почему-то здесь с уверенностью (даже без частичного восстановления) читает *ú*. В-третьих, слово *екиše*(?) не засвидетельствовано другими урартскими текстами, хотя Ф. В. Кёниг, в отличие от М. Церетели и Г. А. Меликишвили, в общей сложности прав в том, что он здесь также склонен видеть какое-то абстрактное имя с окончанием *še*, наподобие *išruíše*, *ulguše*, *rišuše* и т. д.

Итак, если в первой половине 8-й строки Хагинской надписи прочесть *а-гу-ú-še*, тогда в продолжении текста останется *е-ку-[-. .]-še*. Но если так или иначе согласиться с восстановлением Ф. В. Кёнига *е-ку-[ú?]-še*, то наличие в нашей надписи чтения *iš-ри-í-še*, а в других текстах—*al-su-i-še*, не исключает также возможность, скажем, чтения *е-ку-[i?]-še*. Но все это, естественно, затрудняется отсутствием такого слова в других урартских текстах.

С другой стороны, в связи с восстановлением *е-ку-[-. .]-še*

⁴ Г. А. Меликишвили, УКН, стр. 400.

⁵ УКН, 19=Handbuch, 9, урартск. текст, стк. 35; УКН, 27=Handbuch, 10, стк. 27; УКН, 155=Handbuch, 103, столбец С, стк. 28; УКН, 280=Handbuch, 129, стк. 12.

привлекает к себе внимание слово e-ku-gi-e одной из кармирблурских клинописных табличек⁶; другого слова с началом eku- в урартском, к сожалению, пока что нигде не засвидетельствовано. Исходя из этого, нам кажется, не исключена также возможность чтения e-ku-[gi?]-še в 8-й строке Хагинской надписи.

В следующих строках 9—10, согласно фотоснимку эстампажа, без особого труда читается iš-pu-i-še ul-g[u-ú-še]⁷ pi-šu-ú-še al-su⁸-[še]⁹. Как видно из приведенных ниже комментариев, серьезных разногласий между специалистами в чтении упомянутых строк текста нет.

Зато довольно спорны разночтения и интерпретации следующей, 11-й строки надписи. М. Церетели и Г. А. Меликишвили здесь читают e-ia ar-tú-m[e DINGIR^{MEŠ}] (кстати, М. Церетели добавляет еще še в конце DINGIR^{MEŠ}), а Ф. В. Кёниг: e-ia ar-di-[i-še].

Оставим пока в стороне то весьма важное обстоятельство, что в 11-й строке надписи нет места ни для чтения e-ia ar-tú-m[e DINGIR^{MEŠ}], ни тем более для e-ia ar-tú-m[e DINGIR^{MEŠ}-še]. Обратим внимание лишь на тот факт, что для приведенных выше чтений служил, очевидно, основанием один из отрывков Топузавинской билингвы Русы I¹⁰, который, однако, не имеет ничего общего с рассматриваемым отрывком Хагинской надписи. С другой стороны, фраза artume DINGIR^{MEŠ} вообще чужда формулам благопожелания урартских надписей.

⁶ И. М. Дьяконов, УПД, текст № 7=УКН, 462, обор. стор., стк. 12.

⁷ М. Церетели предлагает чтение ul-gu-[ú-še], Г. А. Меликишвили: al-[su-še], а Ф. В. Кёниг: ul-gu-ú-še. Поврежденное место вполне достаточно для восстановления знака ú.

⁸ Знак su сохранился почти полностью.

⁹ М. Церетели это слово читает al-su-[še], Г. А. Меликишвили: al-[su-šə], а Ф. В. Кёниг: al-su-i-š[e]. Согласно фотоснимку эстампажа надписи, здесь нет места для восстановления знака i. К тому же чтение alsuše вполне закономерно и для других урартских текстов.

¹⁰ УКН, 264, урартск. текст, стк. 30.

Но чем же тогда можно объяснить чтение знаков $t\acute{u}-m[e]$ в слове $artume(?)$ у М. Церетели и Г. А. Меликишвили? Дело в том, что для этого послужило основанием некоторое повреждение знака di , первая половина которого («угловой» клин) с первого взгляда кажется раздробленной на два клина, вслед за которой, как известно, стоит еще вертикальный, была прочтена как $t\acute{u}$, а вторая половина (рядом с имеющимся вторым вертикальным клином, справа, неуместно восстановлен один горизонтальный)—как $m[e]$. Все это, к сожалению, не имеет отношения к нашему тексту.

Что касается чтения $ar-di-[i-še]$, предложенного Ф. В. Кёнигом, то оно находит полное основание и в сохранившемся тексте нашей надписи, и в формулах благопожелания других урартских памятников. Слово $ardiše$ «власть», «приказ», «повеление» закономерно выступает во всех подобных трафаретных формулах.

Чтение последней строки формулы благопожелания Хагинской надписи (см. строку 12 лицевой стороны) в форме $ar-a-ni uš-[ma-a-še]$ ¹¹ в специальной литературе не вызывает особых возражений, за исключением того, что в издании М. Церетели вместо $ušmaše$ почему-то предложено $uš-[ja-ni-t\acute{u}-me]$. Бросается в глаза лишь то обстоятельство, что в данном случае под $agan\acute{i}$ мы имеем вариант слова $agn\acute{i}$ «сила» других подобных урартских текстов¹².

Итак, исходя из всего сказанного, формулу благопожелания Хагинской урартской надписи Аргишти II можно транслитерировать и перевести следующим образом:

- (5) $ma-ni-ni^D [jal-di-[ni bi-di]$
- (6) $^1Ar-giš-ti-[i-e]$
- (7) $^1Ru-sa-a-ḫi-ni-[i-e]$
- (8) $a-ru-ú-še e-ku-[ri?] -še$
- (9) $iš-pu-i-še ul-g[u-ú-še]$
- (10) $pi-šu-ú-še al-su-[še]$
- (11) $e-la ar-di-[i-še]$
- (12) $ar-a-ni uš-ma-a-še$

¹¹ Следы знаков ma , a , $še$ видны на фотоснимке эстампажа надписи.

¹² УКН, 171, стк. 5; 172, стк. 5.

«Да будет со стороны бога Халди (царю) Аргишти, сыну Русы, благодеяние, екугиše(?), счастье(?), жизнь, радость, величие, а также сила, могущество».

В конце настоящего раздела следует заметить, что абстрактные имена агуše, екугиše(?) (или екуše?), išruīše (ср. глагол išruj-u-bi) в других урартских текстах формулы благопожелания не встречаются. Что касается продолжения приведенного выше текста, то оно почти полностью совпадает с формулой благопожелания кармирблурской урартской надписи Русы II—сына Аргишти II, составителя Хагинской надписи.

Для бóльшей наглядности приводим ниже формулу благопожелания кармирблурской надписи урартского царя Русы II:

...^DḪal-di-ni bi-di [^DḪal-di-na-ni?] G^{IŠ}KA' bi-di ma-ni-ni ul-gu-še pi-šu-še al-su-i-še e-ia ar-di-še¹³ ar-ni uš-ma-še¹⁴.

Данный текст, как это видно, в отдельных деталях уточняет восстановление и толкование формулы благопожелания рассматриваемой Хагинской урартской надписи.

2. НЕЗАМЕЧЕННОЕ СЛОВО LÚ₁PŠUŠE

Строку 33 лицевой стороны Хагинской надписи М. Церетели читает e-ú-e AMÉLU RÊ'Û šú-ú-[ki], Г. А. Меликишвили: e-ú-e LÚ₁[SI]PAD šú-ú-[...], а Ф. В. Кёниг: e-ú-e LÚ₁p-šu-ú-e.

При этом М. Церетели и Ф. В. Кёниг в приведенном тексте еие (ср. еие в УКН, 382а, стк. х+8—9: ^DḪaldiše еие DINGIR^{MEŠ}-aše „Бог Халди и (другие) бэги“) воспринимают как союз „и“, „а также“, а Г. А. Меликишвили оставляет его без перевода и в указателях своего сборника урартских клинообразных надписей еие он всегда помещает в отрыве от союза e'a=eia=eai.

Что касается AMÉLU RÊ'Û = LÚ₁[SI]PAD¹⁵, то М. Церетели и

¹³ Вместо e-ia ar-di-še И. М. Дьяконов предлагает чтение e-ia-ar-di-še. *I. M. Diakonoff*, НУ, стр. 144.

¹⁴ Н. В. Арутюнян, НУН, стр. 38, стк. 4—5.

¹⁵ Здесь мы имеем аккадское и шумерское обозначение одной и той же гетерограммы.

Г. А. Меликишвили, естественно, переводят их „пастырь“.
LÚ Iršue же Ф. В. Кёниг толкует как (meinen) Helfern¹⁶.

В связи с предложенными выше чтениями сразу скажем, что расшифровка AMĒLU RĒ'Ū = LŪ [SI]PAD, к сожалению, не оправдывается контекстом. Дело в том, что при таком чтении в тексте после детерминатива LŪ должна была бы быть комбинация знаков ра и lu. А на самом деле, согласно фотоснимку, в данном отрывке после детерминатива LŪ имеется знак ip¹⁷, чтение которого не вызывает сомнения, и перед ним в тексте нет повреждения.

Не находит должного оправдания также чтение šú-ú-[ki], предложенное М. Церетели в конце рассматриваемой строки Хагинской надписи. Слово šuki «как(?)» в урартской эпиграфике выступает в совершенно иных контекстах¹⁸. Кроме того, ниже мы еще увидим, что знаки šú-ú (после которых М. Церетели восстанавливает ki) являются продолжением другого слова.

Таким образом, в 33-й строке Хагинской надписи Аргишти II после e-ú-e мы имеем знаки LŪ и ip, вслед за которыми, как известно, в тексте обозначены šú и ú. В самом же конце данной строки, согласно фотоснимку эстампажа, поврежден один знак. Следовательно, все это можно передать следующим образом:
LŪ ip-šú-ú- [...].

Кстати, все это, без конечного поврежденного знака, правильно заметил лишь только Ф. В. Кёниг. Однако в конце данного слова (на месте повреждения) почему-то он предлагает знак e. Как увидим ниже, Ф. В. Кёниг одновременно не заметил этого же слова в идентичной надписи опять-таки Аргишти II из Челебибаги (где он

¹⁶ F. W. König, Handbuch, II, стр. 152—153.

¹⁷ Именно под этим ip М. Церетели и Г. А. Меликишвили почему-то склонны видеть lu, перед которым восстанавливают ра и, таким образом, получается LŪ [SI]PAD(?!).

¹⁸ См. хотя бы УКП, 280, стк. 5—6; 281, стк. 9: šuki D^haldise ubarduduni... Слово šuki И. М. Дьяконов переводит „мне“. См. УПД, стр. 91; НУ, стр. 107, прим. 112.

неправильно прочел ^{LÚ}šú-[...]-še¹⁹), а также наличие того же корня Irš- в другом урартском источнике.

Вернемся, однако, к выяснению последнего знака 33-й строки, следовательно, к установлению подлинного окончания слова ^{LÚ}ip-šú-ú-[...].

Здесь, в частности, заметим, что с поля зрения специалистов, к сожалению, ускользнул соответствующий отрывок дубликата Сардуровской летописи, который почти полностью совпадает с рассматриваемым отрывком Хагинской надписи. Для наглядности приведем ниже указанные отрывки Хагинской надписи и Сардуровской летописи:

Хагинская надпись

...¹Ar-giš-[ti-še] ¹Ru-sa-a-ḫi-ni-[še] ^DḪal-di-ni-še ^{LÚ}ERUM-
-še [a-li] ^DḪal-di-ni-ni uš-ma-[ši-ni] EN-si-ni-ni a-lu-uš-me
LUGA'L-tú-ḫi tar-a-g[i] a-ru-ni na-a-ḫa-a-d[i] LUGA'L-tú-ḫi-ni-na-
-a ^{GIŠ}GU.ZA-[a?]-... uš-ḫa-nu-me ^DḪal-di-še EN-[še ḫ]u-ṭu-tú-ú-
-ḫi gu-nu-ú-[še] e-ú-e ^{LÚ}ip-šú-ú-[...]²⁰.

Сардуровская летопись

...^{1D}Sar₅-du-[ri-še ¹Ar-giš]-ti-e-ḫi-ni-še a-li-e i-[ú ^DḪal-di-i]š-
-me LUGA'L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-a-di [^{1.Ú}AD-ni] e-si-i LUGA'L-tú-
-ḫi-ni ^DḪal-di-i[š-me uš-ḫa]-nu²¹-ú-ni ḫu-ṭu-tú-ḫi [e-'a²² gu-[nu-
-še-e] e-'a ip-šú-ú-še-e²³...

¹⁹ F. W. König, Handbuch, 125, лиц. стор., стк. 25.

²⁰ CICH, XXXIX, 149, лиц. стор., стк. 14—18, 23—25, 31—33.

²¹ Этот знак Г. А. Меликишвили и Ф. В. Кёниг почему-то восстанавливают, однако на фотоснимке эстампажа он сохранился полностью.

²² Вместо второго горизонтального клина этого знака в тексте ошибочно высечен вертикальный. В итоге вместо 'а получился знак im (см. Wolfram von Soden—Wolfgang Röllig, Das akkadische Syllabar, Roma, 1967, знак № 236), который в слоговом значении в урартской клинописи вообще не встречается, а как идеограмма (вместе с детерминативом D «бог») означает «Тейшеба».

²³ CICH, XXX, 129aII-†aI, стк. 25—29. Вместо ip-šú-ú-še-e А. Сэйс и Ф. В. Кёниг неправильно читают ^{UDU}šú-ú-še-e. Во-первых, чтение знака ip не вызывает никакого сомнения; во-вторых, ^{UDU}šúše «мелкий рогатый скот» не имеет отношения к нашему тексту.

Как это наглядно видно, поразительно сходны фразы приведенных выше отрывков Хагинской надписи и Сардуровской летописи: *aluš-me LUGĀL-tuḫi ... aruni = ^DHaldiš-me LUGĀL-tuḫi aruni; naḫadi LUGĀL-tuḫinina ^{GIŠ}GU.ZA-[a?] = naḫadi [LŪAD-ni] es LUGĀL-tuḫini; ušḫanu-me ^DHaldiše ... ḫuṭu-tuḫi gunu[še] eue LŪipšu[...] = ^DHaldiš-me ušḫanuni ḫuṭu-tuḫi e'a gu[nuše] e'a ipšuše.*

Эти факты, очевидно, не оставляют сомнения в том, что, во-первых, еще является вариантом союза e'a/eia/eai; во-вторых, в конце 33-й строки лицевой стороны Хагинской надписи следует восстановить именно знак *še* и соответствующее слово (абстрактное имя) в целом прочесть в форме *LŪip-šú-ú-[še]*. Несущественным расхождением, как это видно, здесь является лишь то, что в Хагинской надписи *ipšuše* выступает с детерминативом *LŪ*, а в Сардуровской летописи—без него.

Теперь несколько слов о *(LŪ)ipšuše*. Это абстрактное имя существительное по своему значению, возможно, имеет непосредственное отношение к глаголу *ipša-dulie* (или *ipša-dulini*) известной Кешингёльской надписи Русы II²⁴. В обоих случаях, как это видно, мы имеем дело с одним и тем же корнем *ipš-* (*LŪipš-u-še* и *ipš-a-dulie*; ср. *LŪtašm-u-še* и *tašm-u-bi*).

Переходные глаголы, образованные с помощью глагольной основы *du-* «делать», как известно, нашли широкое распространение в урартской клинописи. Ср., например, *ueli* «собрание(?)», «отряд» и *ueli-du-* «собирать», *šerī* «отдельно», «отдельный» и *šerī-du-* «отделять», «выделять», *atqana(ni)* «жертва», «жертвоприношение» и *atqana-du-* «совершать жертвоприношение», *batqī(ani)* «восстановление(?)» и *batqī-du-* «восстановить(?)»²⁵.

²⁴ Трудно согласиться с широко распространенным в науке мнением об отнесении Кешингёльской надписи к Русе I. Следует иметь в виду, что начиная с Аргишти II урартские надписи высечены так называемым ассирийским пошибом письма (пересечение вертикальных клиньев горизонтальными, своеобразная форма клиньев и т. д.). Именно так высечена и Кешингёльская надпись Русы II, сына Аргишти II. Фотоснимок этой надписи см. в *SCh*, XXXVIII, 145. Глагол *ipšadulie* см. в строке 32 текста.

²⁵ Значение слов с корнем (основой) *batq-* приводим согласно переводу И. М. Дьяконова—УПД, стр. 53, 88; НУ, стр. 116, прим. 126.

Упомянутые выше примеры показывают, что конечные гласные имен существительных (ueli, šeri, atqana) при образовании глаголов (ueli-du-, šeri-du-, atqana-du-) не изменяются. Что касается интересующих нас ipšu-še и ipša-du-, то здесь, как видно, имеет место чередование $u > a$. Кстати, строгих закономерных звуковых переходов не прослеживается также при одних и тех же глагольных основах с du- и без него. Ср., например, badgu-lubi и batqi-dulini; iru-li и iri-duli; luruqu-li и luruqu-duli; sui-uli и sui-duli; teru-bi и ter-duli; ašu-bi и aš-duli; $L\acute{U}$ tašmu-še и tašmu-bi и т. д. и т. п.

Итак, из приведенных выше сведений наглядно видно, что, в отличие от нашего $u > a$ (ср. $(L\acute{U})ipšu-še$ и $ipša-dulini$), в других известных случаях эти фонетические переходы в урартском совершаются или с помощью чередования $u > i$ (ср. iru-li и iri-duli; badgu-lubi и batqi-dulini), или же выпадением гласных (показателей переходности глаголов) основ (ср. teru-bi и ter-duli; ašu-bi и aš-duli). Наряду с этими встречаются даже случаи просто без изменения (ср. luruqu-li и luruqu-duli; sui-uli и sui-duli).

Таким образом, возвращаясь к интерпретации имени существительного $(L\acute{U})ipšuše$ и глагола $ipša-dulie$, можно заметить, что в одном случае (в идентичных текстах Сардуровской летописи и Хагинской надписи) бог Халди, владыка, даровал царям ($u\check{s}hanu-me$ $D\check{H}aldiše$ EN-še; вариант: $D\check{H}aldiš-me$ $u\check{s}hanuni$) удачу²⁶, битву и $ipšuše$, а в другом (в Кешингельской надписи Русы II)—воды реки Алаини, искусственного озера Русы (I Rusai šue) и проведенного на их базе оросительного канала (PA₅) должны были $ipša-dulie$ городу Русахинили²⁷.

Исходя из сказанного, слову (абстрактному имени существительному) $L\acute{U}ipšuše$ мы склонны предположительно придать значение «благодетель(?)», а глаголу $ipša-du$ — «благодетель-

²⁶ Так переводит слово $\check{h}u\check{t}u-tu\check{h}i$ И. М. Дьяконов. Урартское $\check{h}u\check{t}u-tu\check{h}i$ он отождествляет с хурритским $\check{h}ut-an-$ «удача». УПД, стр. 88; НУ, стр. 76.

²⁷ См. УКН, 268, стк. 4—5, 30—32.

ствовать(?)». Итак, в одном случае верховный бог Халди царей Сардури II и Аргишти II как будто представляет в роли благодетеля, а в другом—созданная вновь оросительная сеть должна была благодетельствовать городу Русахинили.

3. НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОРОД АЛИАЛА

Для истории, в частности топонимики государства Урарту, представляют определенный интерес строки 18—19 оборотной стороны Хагинской надписи, в чтении которых, однако, в специальной литературе до сих пор нет единого мнения. При этом ни одно из предложенных чтений, к сожалению, не основано на подлинном воспроизведении текста, следовательно, и не отражает истинного его содержания.

Так, интересующий нас отрывок надписи из Хаги М. Церетели читает ${}^1\text{Ar-giš-ti-še a-li ME}^{\text{PI}} \text{N}^{\text{ARU}} \text{Ka-a-li-[i]-al-a-m[u]}$, Г. А. Меликишвили: ${}^1\text{Ar-giš-ti-še a-li A}^{[\text{ME}]\text{Š}}(?) \text{[D}^{\text{URU}(?)}\text{a}(?)\text{-la}(?) \text{[...]} \text{al a [...]}$, Ф. В. Кёниг: ${}^1\text{Ar-giš-ti-[š]e a-li a-l[i]} \text{I}^{\text{D}} \text{Ka-a-la}^{28}\text{-[...]-al}(?)^{29}\text{-a-ni}$, О. О. Карагёзян: ${}^1\text{Ar-giš-ti-še a-le A}^{[\text{ME}]\text{Š}} \text{[D}^{\text{URU}}\text{A-l[i-a]-ka-a-[i]}^{30}$.

Согласно фотоснимку эстампажа надписи, помещенному в корпусе урартских надписей Лемани-Гаупта, возникает целый ряд возражений против предложенных выше чтений. Эти возражения относятся, прежде всего, к тексту 19-й строки, в частности, к чтению названия города (поселения).

Прежде всего следует сказать, что в основном мы согласны с чтением текста 18-й строки в форме ${}^1\text{Ar-giš-ti-še a-li A}^{\text{MEŠ}}(?)$. Здесь все на своем месте, за исключением знака $\text{MEŠ}(?)$. Идеограмма А «вода» в данном случае снабжена детерминативом не MEŠ , а didli — редко встречающаяся форма для обозначения

²⁸ Здесь Ф. В. Кёниг не исключает также возможность чтения [i] .

²⁹ Вместо $\text{al}(?)$, согласно мнению Ф. В. Кёнига, возможно также $\text{ka}(?)$.

³⁰ Զ. Զ. Կարաղեյանի, *Սեպագիր սարյուհեակի Ալիա բաղաբը*, «Вестник общественных наук» АН АрмССР, 1975, № 4, стр. 93.

множественного числа двумя горизонтальными клиньями подряд. Такое же написание как будто налицо и в URU^{didli} в строке 2 опять-таки оборотной стороны рассматриваемой стелы. Исследователи надписи из Хаги поэтому совершенно зря под didli склонны с некоторыми опасениями видеть частично поврежденный знак MEŠ—распространенное написание множественности с одним вертикальным и тремя горизонтальными клиньями³¹.

Что касается следующей, 19-й, строки оборотной стороны надписи, то здесь возражения возникают начиная с восприятия первого же знака ID, ибо в одном случае считают его идеограммой, а в другом—детерминативом.

Отметим, что ID считают детерминативом М. Церетели и Ф. В. Кёниг, причем восприятие знака I'D в смысле идеограммы или детерминатива непосредственно связано с правильным или ошибочным чтением следующего за ним знака, который, как известно, М. Церетели и Ф. В. Кёниг считают ka, а Г. А. Меликишвили, за последнее время также О. О. Карагёзьян,—детерминативом URU «город» («поселение»).

В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что для восприятия второго знака 19-й строки оборотной стороны надписи (после ID) в значении ka нет абсолютно никакого основания. Здесь нет нижнего длинного горизонтального клина под вертикальными и верхнего короткого горизонтального между упомянутыми же вертикальными. Мало того, нет также соответствующего места для этих, будто бы поврежденных, горизонтальных клиньев, столь необходимых для знака ka³². Согласно же фотоснимку эстампажа надписи, наоборот, чтение здесь URU «город» не вызывает никакого сомнения.

³¹ О didli см. Rykle Berger, *Akkadische Zeichenliste*. Neukirchen—Vluyn, 1971, стр. 11, знак № 2. *Wolfram von Soden*, *Akkadisches Handwörterbuch*, Band I, Wiesbaden, 1965, стр. VII.

³² Это мнение М. Церетели, без проверки фактического материала, в свое время было принято также нами. Однако ныне это вызывает у нас чувство глубокого сожаления, тем более, что в итоге получилось неверное название реки: Қалиала(?!). См. *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 35 (и прим. 80), 37, 58, 108 (и прим. 28).

После URU в тексте ясно читается знак а. Сомнения, высказанные по этому поводу Г. А. Меликишвили, как нам кажется, вряд ли оправданы. Именно поэтому в точности чтения знака а полностью уверены также М. Церетели, Ф. В. Кёниг и О. О. Карагёзян.

Зато замечаются значительные расхождения в чтении следующего знака этого топонимического названия: Г. А. Меликишвили здесь под вопросом читает Ia; у Ф. В. Кёнига тоже в тексте предложено Ia, но в комментариях он считает возможным также чтение I[i]; li предлагает также М. Церетели, причем без правостороннего восстановления.

В связи с рассматриваемым знаком следует иметь в виду, что левосторонняя его часть, которую ряд специалистов читает Ia, конечно, сохранилась лучше, однако на фотоснимке эстампажа надписи заметно также продолжение знака: следы «углового» и вертикального клиньев. Следовательно, в данном вопросе, разумеется, правы те исследователи, которые для интересующего нас знака предлагают чтение li.

После упомянутого знака li, как известно, специалисты в тексте или восстанавливают i (М. Церетели), а (О. О. Карагёзян), или же без чтения оставляют место для одного поврежденного знака (Г. А. Меликишвили, Ф. В. Кёниг). Однако нам кажется, что здесь не было никакого знака; величина интервалов между знаками также говорит в пользу такого мнения.

Не существует единой точки зрения также в чтении последующего знака, для которого М. Церетели и Г. А. Меликишвили с уверенностью предлагают aI, Ф. В. Кёниг — под сомнением aI или ka, О. О. Карагёзян — с уверенностью ka.

Те исследователи, которые склонны под рассматриваемым знаком видеть ka, вынуждены в начале обязательно восстановить еще один горизонтальный клин, который отсутствует в тексте. Но этого вовсе не достаточно для чтения знака ka, ибо в таком случае возникает также необходимость маленького горизонтального клина между двумя вертикальными. А на самом же деле на фотоснимке эстампажа в данном месте четко отличается наличие «углового» (а не горизонтального ?!) клина. Исходя из сказанного,

чение здесь знака ka полностью исключается, поэтому восстановление еще одного горизонтального клина перед этим знаком (при наличии в нем, повторяем, «углового» клина) лишено всякого основания. Очевидно, что здесь палицо именно al.

Вслед за al на фотоснимке эстампажа имеется знак a³³, чтение которого у всех специалистов не вызывает никакого сомнения. Зато от последнего знака 19-й строки сохранились лишь неразборчивые остатки начальной части, на основании которой М. Церетели читает здесь m[u], Ф. В. Кёниг—ni, О. О. Карагёзян—i. Исходя из словосочетания рассматриваемой фразы 19-й строки нам кажется, что в данном случае отсутствует показатель родительного падежа i или e³⁴.

Таким образом, на основании всего вышесказанного для строк 18—19 оборотной стороны Хагинской надписи Аргишти II можно предложить следующую транслитерацию и перевод:

(18) ¹Ar-giš-ti-še a-li A^{didli}³⁵

(19) ÍD URU A-II-al-a-i¹(?)³⁶

³³ В связи с чтением al-a О. О. Карагёзян (см. указ. соч., стр. 92) склонен думать, что в урартском языке подобных слоговых переходов не засвидетельствовано; в таких случаях он скорее предполагает написание a-la. Именно поэтому (а не согласно клинописному тексту) вместо знака al О. О. Карагёзян воспринимает ka (будто ka(?)a). Однако эта точка зрения, к сожалению, не подтверждается фактическим материалом урартской эпиграфики. Указанные выше обе формы, наоборот, одинаково закономерны для надписей. Ср., например, слоговые переходы a-šú (в ašubi) и aš-ú (в ašulabi), i-še (в išemu) и iš-e (в iše[ame]), ta-ra (в tarani, taramaz) и tar-a (в tarae, taramu). Кроме того, встречаются как раз лишь только обратные написания: al-ar (в ^DAlaptušini), а не a-la-ar (ср., наоборот, URU A-II-iš-tú, а не *Al-iš-tú); ú-bar-a (в ubardu[ali]), а не ú-ba-ra; ir-ú (в URU Iru[ani]), а не i-ru; -la-ar-ú (в ^DTalapura), а не -la-ru; tar-i (в KUR Tar-i-ú-ni), а не ta-ri; ar-a (в arani), а не a-ra и т. д. и т. п.

³⁴ На фотоснимке как будто сохранились остатки двух параллельных горизонтальных и одного вертикального клиньев.

³⁵ На фотоснимке обозначены лишь два горизонтальных клина. О didli подробнее см. выше, стр. 163—164 и прим. 31.

³⁶ Как известно, вместо i М. Церетели предложил m[u]. В таком случае, по-видимому, не исключена возможность восприятия этого знака в его идео-

«Аргишти говорит: Воды реки (города) Алиала».

В данном случае мы имеем дело с неизвестным до сих пор городом Алиала и, по-видимому, соименной рекой, богатые водные ресурсы которой были использованы для создания широкой ирригационной сети—искусственного озера (šue asuāḫina) и оросительного канала (PA₅=урартск. pili).

Примечательно, что, по данным Хагинской надписи, река города Алиала являлась единственным источником для создания в районе Арчеша и на сопредельных территориях ирригации и полей с посевами, фруктовых садов, виноградников. В сферу данной оросительной сети, согласно надписи, наряду с городом Алиала попали, по-видимому, также город Аргиштехинили³⁷, области Курника и Артараша³⁸.

графическом значении MU (аккадск. šumu) «имя», «название». Ср., например, URU Aliala-MU (= URU Aliala-tini) и I'D Dainala-tini. Ср. Н. В. Арутюнян и ЗСУ, стр. 35 и прим. 80.

³⁷ Этот город Аргиштехинили, разумеется, не имеет никакого отношения к соименному административно-хозяйственному центру, основанному ранее Аргишти I на левом берегу реки Аракс, на холмах Армавир, Давти-блур и у их подножий.

³⁸ Кроме указанных областей и поселений, по данным идентичной надписи из Челеби-баги, Ф. В. Кёниг приводит также названия каких-то стран Аири, Амун, Будуани, Нагилиани, Шалатарани, Урае—Handbuch, 125, лиц. стор., стк. 34—39.

Д. Н. САРҚИСЯН

О ПРИЧИНАХ ПОХОДА 673 ГОДА АСАРХАДДОНА НА ШУБРИЮ

Согласно данным ассирийских царских разведывательных писем, во времена Русы I (735—713) Шубриа находилась под властью Урарту¹.

Вероятно, во время похода 714 года, когда урартский царь Руса потерпел поражение от Саргона, Шубриа, используя благоприятный момент, обрела независимость. По данным «Письма богу Ашшуру» Асархаддона, независимая, самостоятельная Шубриа включала два десятка городов-крепостей, в том числе Уп(п)-ум(м)у, Кул(л)иммери, Маркуха (Мархуха), Какзу и др. В столице Уппуму правила царская династия, судя по именам царей, хурритского происхождения². Шубриа оставалась независимой с 714 года по 673 год, т. е. около четырех десятилетий.

В 673 году Асархаддон предпринимает поход на Шубрию. Каковы были основные побудительные причины этого похода? На первый взгляд кажется, что они изложены в начале его реляции, в строках, рассказывающих о бегстве многочисленных людей из Ассирии в Шубрию.

¹ *E. Forrer*, *PAR*, стр. 86—87. Ср. также *И. М. Дьяконов*, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 164—165.

² *A. Ungnad*, *Subartu*, Berlin, 1936, стр. 112; *J. Gelb*, *Hurrians and Subartians*, Chicago, 1944, стр. 81—83; *Г. А. Меликишвили*, Напри-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 9; *И. М. Дьяконов*, ук. соч., стр. 172—173.

Необходимо отметить, что Шубриа издревле служила прибежищем для недовольных элементов Ассирии. Однако если во время Ашшурнацирапала II (884/3—859) в Шубрию убегали «бедные, в нужде и голоде находящиеся ассирийцы»³, а во время Саргона II (722—705) — «слуги царя», «воины царя», «люди страны», «люди ilk-u» (царская повинность), «бывшие преступники, которые убегали от царской работы», «пятидесятник» неассирийского происхождения⁴, то во времена Асархаддона из Ассирии убегали, по его словам, командиры, областеначальники, надзиратели, правители, начальники.

При этом они удалились из страны, как подчеркивает Асархаддон, по той причине, что hi-tu ih-tu-u „совершили преступление“ и da-mi it-bu-ku „пролили кровь“⁵.

В науке довольно прочно утвердилось мнение, что известное сообщение Библии относительно бегства сыновей Синаххериба, убивших своего отца, в страну Арарат следует отнести не к собственно Урарту, как это показывает принятая исследователями идентификация Арарат—Урарту, а к соседней стране Шубриа⁶. Аргументации этого положения мы здесь касаться не будем, предполагая обратиться к этому отдельно. В данном случае нас интересует вопрос, следует ли причислять к причинам похода Асархаддона 673 г. на Шубрию стремление настигнуть своих братьев—отцеубийц⁷.

³ E. A. W. Budge and L. W. King, АКА, I, London, 1902, стр. 297—298, col. I, стк. 7—9; АВИИУ, № 23 (II, 2).

⁴ R. F. Harper, Assyrian and Babylonian Letters, III, London, 1896, № 252, стк. 9—24; № 251, стк. 1—6; АВИИУ, 50 (37, 38).

⁵ Th. Bauer, Ein Erstbericht Asarhaddons, ZA, NF, VI (XL), 3/4, 1931, стр. 234—255, фраг. I, стк. 1—3; R. Borger, Der „Gottesbrief“, IAKA, Graz, 1956, стр. 102, фрагм. I, стк. 1—3; И. М. Дьяконов, АВИИУ, 67 (а).

⁶ Ср. Б. Б. Пистровский, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946, стр. 20; его же, Ванское царство, М., 1959, стр. 112; И. М. Дьяконов, ГАН, стр. 172; История армянского народа, Изд. АН АрмССР, т. I, Ереван, 1971, стр. 426—427 (разд. С. Т. Еремяна) и др.

⁷ У И. М. Дьяконова читаем: «Причиной решительного вмешательства Асархаддона в дела Шубрии, как указывает его собственная реляция, был тот факт, что туда бежала мятежная ассирийская знать; по-видимому, речь идет о братьях Асархаддона и их сторонниках, участниках убийства его отца Синаххе-

Обсудим соответствующие данные источников. В реляции Асархаддон подчеркивает, что на письма шубрийскому царю о поимке и возвращении бежавших в Шубрию ассирийцев он получает отказ⁸. Отказ шубрийского царя накаляет атмосферу, начинается подготовка к походу. Весть о гневе Асархаддона и предстоящем походе потрясает царя Шубрии. Он кается в своих дерзких словах и поступках и посылает письмо с покаянием Асархаддону. Он пишет: «Шубриа—страна, согрешившая против тебя—до пределов ее пусть тебе подчинится; поставь над ними твоего приближенного, и пусть они влачат твое ярмо, ежегодную, непрестанную дань и подать наложи на них! Я—вор, но за грех, которым я согрешил, в 50 раз восполню потери, за одного беглеца, уроженца Ассирии, я дам возмещение сотней»⁹.

Однако Асархаддон отвергает обещания царя Шубрии о возвращении ассирийских беглецов и возмещении принесенных ими убытков, хотя, как сказано в реляции, именно они явились причиной похода. Следовательно, можно предположить, что причиной похода Асархаддона явились не только беглецы, но, главным образом, то, о чем сам Асархаддон умалчивает, но что выявляется в словах шубрийского царя,—самый захват страны Шубриа. Беглецы же были лишь поводом.

Из приведенных данных видно, что Шубриа накануне похода 673 года была независима от Ассирии, и не только политически, но и свободна от выплат какой-либо подати или дани. Более того, царь Шубрии чувствовал себя настолько уверенным, что осмелился противиться Асархаддону в вопросе о поимке и возвращении ассирийских беглецов.

И вот Асархаддон намеревается лишить независимости непо-

риба. Другой причиной ассирийского вторжения, конечно, было то обстоятельство, что в Шубрии скрывались беглые рабы и обязанные повинностями земледельцы». (Ук. соч., стр. 172, прим. 264. Ср. также Г. А. Меликишвили, Напри-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 297, прим. 2).

⁸ Bauer, ZA, стр. 234, 255, фрагм. I, стк. 4—10; IAKA, стр. 102, фрагм. I, стк. 4—10; АВИИУ, № 67(6).

⁹ H. Winckler, Šupria, AOF, Leipzig, 1901, стр. 30, col. I, стк. 12—16; Bauer, ZA, стр. 236, 256, col. I, стк. 12—16; IAKA, стр. 103, col. I, стк. 12—16; АВИИУ, 67(г).

корную Шубрию и действительно осуществить те пункты, о которых в панике писал царь Шубрии, то есть превратить ее в ассирийскую область, тем самым также навсегда преградив путь туда недоброжелательным элементам.

Асархаддон пишет царю Шубрии: «Слыхал ли ты когда-либо, чтобы дважды повторялось слово царя сильного? А я, могущественнейший царь, трижды тебе писал, но ты не слушал слова уст моих. Так как ты не устранился моей собственной угрозы, в ответ на мое письмо не отбросил своей гордости (?), ты принудил меня к б[ою] и сра[же]нью (курсив наш—Д. С.), грозное оружие Ашшура ты извлек из ножен» (АВИИУ, 67 g).

Если отбросить внешнюю оболочку данного отрывка, ту драпировку, в которую искусно облек ассирийский царский писец подлинные события, то будет ясно, что Ассирия выступила не для защиты своих прав, как пытается представить дело Асархаддон, иначе он согласился бы с предложением выдать беглецов, а просто чтобы захватить Шубрию. Дело в том, что если во время предшественников Асархаддона не было условий для захвата Шубрии, хотя такое намерение появилось у них очень давно (вспомним неоднократные походы предшественников Асархаддона), то во время Асархаддона создались предпосылки для их осуществления, из которых главной, пожалуй, было отпадение Шубрии от Урарту, выход из-под его покровительства. Удобный момент наступил; появился и повод, поход был осуществлен.

Насколько оправдывают результаты похода 673 года выдвинутую нами точку зрения о его подлинных побудительных причинах?

Подводя итог результатам похода, Асархаддон в реляции «Письмо богу Ашшуру» сообщает: *ḫal-q[u munnabtu ma]-la be-le^{meš}-šú-nu ú-maš-šir-u-ma ana^{ma}šub-ri-a in-nab-tú [qātē-šú]-nu ú-kar-rit ar-pu e-nu uz-nu e-kim-šú-nu-ti [...] ana māti šá-ni-tim-ma la in-na-bi-du e-mid-su-nu-ti ḫi-ṭu [...šú]-nu man-nu-me-e ana māti-šú u be-le^{meš}-šú-nu ú-tir-šú-nu-ti-[...]-ma iḫ-du-u i-ri-šú ik-tar-ra-bu šarrūti^{u-ti¹⁰}.*

¹⁰ Bauer, стр. 246, 258, col. III, стк. 26—27; IAKA, стр. 106, col. III, стк. 23—27; АВИИУ, 67 (к).

«Бег[лым, кото]рые оставили своих господ и бежали в Шубрию, я отрезал и[м руки], лишил их носа, глаза и уха; [чтобы (?) никто] не бегал в другую страну, возложил на них наказание, [. . . .] вернул их, каждого в его страну и к их господам. [Господа их услышали (?)] и возрадовались, возликовали, благословили мою царственность».

В этом отрывке ясно виден социальный состав бежавших из Ассирии в Шубрию: здесь он уже не говорит, как в начале реляции, о представителях высших слоев общества. И. М. Дьяконов особо отмечает, что в начале реляции «Письмо богу Ашшуру» подчеркивается, что в Шубрию бежали дезертиры и недовольные, но впоследствии выясняется, что в Шубрию бежали не столько мятежные знатные, сколько «подневольные люди»—рабы¹¹.

Таким образом, по данным самого Асархаддона можно сказать, что в Шубрии он не встретил ни представителей высших слоев, как отмечалось в начале его реляции, ни своих братьев-отцеубийц и их сторонников, как предполагают исследователи. Во всяком случае, об этом в тексте не находим ни малейшего намека, и не видно причин, по которым Асархаддон пожелал бы скрыть это.

Все это подтверждает нашу мысль, что целью похода Асархаддона было, под предлогом поимки и возврата беглецов, захватить Шубрию: ak-šud ^{mat}Šub-ri-a a-na raḡ gim-ri-šu¹² „Я покорил Шубрию до крайних пределов ее...“, ограбить ее: ([šē]nu alpe^{meš} immerē^{meš} ana niqē^{meš} bēlē^{meš} -[i]á u nap-tan šarrūti^{ti} -ja ina ^{mat}Aššur ri-i-tú ṭa-ab-tú ú-šá-a[š]-b[it]¹³ „Мелкий и крупный рогатый скот я погнал в Ассирию для жертвоприношений моим владыкам и для трапезы моего царского стола“, и увести в плен ее население: ^{mat}Šub-ri-a ina tukulti ¹¹Aššur bēli-ja ak-šu-du-ma

¹¹ И. М. Дьяконов, Предыстория..., стр. 149, прим. 177.

¹² L. Messerschmidt, KAN, Band I, Leipzig, 1922, № 75, стк. 6; АВВИУ, 70.

¹³ Bauer, стр. 248, 258, col. III, стк. 35—36; IAKA, стр. 106, col. III, стк. 35—36; ARAB, II, § 807; АВВИУ, 67 (M).

nišē^{mcš} -šú am-nu-u šal-la-tiš¹⁴ „Я в надежде на Ашшура, моего владыку, покорил Шубрию и причислил ее людей к полону“.

О пленных Асархаддон сообщает: «К[олесничим(?)]... [я сделал смо]тр, выбрал и причис[ли]л к моему царскому п[о]лку. Кроме того, [...]олесничих личной охраны, конников личной охраны, многих (?) šaknūte, командиро[в, реме]сленников, мастеров, саперов, щитонос[цев], разведчиков, земледельцев, пастухов, виноградарей [я прибав]ил в большом числе к обширным войскам бога Ашшура и к полкам прежних царей, моих предков, и Ассирию до пределов ее я наполнил, как колчан. Ост[альных из них] я распределил, как мелкий скот, моим дворцам, моим вельможам вокруг(?) моего дворца, и [людям Нинев]ни, Калху, Какзу и Арбелы...»¹⁵.

Относительно распределения Асархаддоном жителей Шубрии И. М. Дьяконов справедливо отмечает, что часть пленных он превратил в своих воинов, другую часть обратил в рабов и распределил между дворцовыми и храмовыми хозяйствами и привилегированными жителями городов¹⁶.

Захватив страну, взяв в плен жителей и отняв их имущество, Асархаддон убивает и царя Шубрии Ник-Тешуба: ^mNi-iq-Te-šub šarru-šu la še-mu-ú a-mat qi-bit-ja a-ner¹⁷ „Ник-Тешуба, ее царя, который не слушал слова приказа моего, я убил“.

Асархаддон свидетельствует сам, что после его похода жизнь в Шубрии почти прекратилась: ina su-qi-e-šú ḥa-du-ú ul i-ba-' e-piš ni-gu-te ul ip-pa-rik [...] šēpē¹¹-šú ar-ru-us [...]šú-u-ti še-la-bu u bu-[šu] iq-nu-nu qi-i-nu¹⁸ „По улицам его не ходит радую-

¹⁴ Bauer, стр. 246, 258, col. III, стк. 31; IAKA, стр. 106, col. III, стк. 31; АРАБ, II, § 607; АВИНУ, 67(а).

¹⁵ Bauer, стр. 244—246, 258, col. III, стк. 14—22; IAKA, стр. 106, col. III, стк. 14—22; АРАБ, II, § 606; АВИНУ, 67(к).

¹⁶ И. М. Дьяконов, Предыстория..., стр. 172—173.

¹⁷ КАН, I, № 75, стк. 6—7; АВИНУ, 70.

¹⁸ Bauer, стр. 250, Rd., стр. 255, прим. 43; IAKA, стр. 107, Rd., стк. 1—3; АВИНУ, 67(р).

щийся, не встречается музыкант, [...] стопам его я преградил [..., в его разру]шенных [...] устроили норы лисы и гены».

Захватив и опустошив Шубрию, Асархаддон предпринимает шаги по освоению страны и слиянию ее с Ассирией. С этой целью он восстанавливает и переименовывает 21 город-крепость Шубрии.

bu-un-nu u dū[ra]nu alāni^{meš} šu-a-tu-nu ša ina e-mu[q... ¹¹Aššur bēli-ja] ab-bu-lu aq-qu-ru ina girri a[q-mu-u] ki-l ql-bit ¹¹Aššur bēli-ia ú-tir-ma na-d[i...] alāni^{meš} ša-tu-nu ul-tu uššē^{meš} -šú-nu a-di gab-dib-b[i-šú-nu] ša ¹¹Kul-im-me-ri ¹¹Mar-ku-ḥa ¹¹Ḳak-zu/ba āl... šum-šú-nu maḥ-ra-a u-nak-kir-ma a-na eš-šu-ti az-ku-ra ni-b[it-sun]¹⁹ „Прекрасно и пр[очно...] эти поселения, которые я силою [Ашшура, моего владыки, покорил], разрушил, снес, с[жег] в огне, — согласно приказу Ашшура, моего владыки, я снова в[осстановил(?)]. Эти поселения от основания их до зубц[ов их я отстроил(?)], прежние имена городов Кулиммери, Маркуха, Какзу (оставлены две строки пустыми для остальных названий) я изменил и заново дал [им] назва[ния]“.

Далее, в приписке, Асархаддон приводит перечень новых ассирийских наименований шубрийских городов-крепостей; они весьма любопытны:

1) ¹¹ Aššur-mat-su-utir	— „Ашшур вернул свою землю“
2) ¹¹ Man-nu-ša-nin-Aššur	— „Кто равен Ашшуру?“
3) ¹¹ Aššur-man-nu-i-ša-na-an	— „С Ашшуром кто сравнится?“
4) ¹¹ A-bit- ¹¹ Aššur-la-te-ni	— „Не меняй слова Ашшура“
5) ¹¹ A-bit-šarri-la-te-ni	— „Не меняй слова царя“
6) ¹¹ Man-nu-li-ši-šu	— „Пусть только кто-нибудь презреет его“
7) ¹¹ [Ḳ]u-nu-uš-la-kan-šu	— „Покорись, непокорный!“

¹⁹ Bauer, стр. 248, 259, col. IV, стк. 1—10; IAKA, стр. 106—107, col. IV, стк. 1—10; АРАБ, II, § 608; АВНИУ, 67(и).

- 8) ^{a1}Li-tir-a-ja-im-ti — „Да умножится, не понесет ущерба“
- 9) ^{a1}A-mir-šú-li-ig-lu[d] — „Видящий его да содрогнется“
- 10) ^{a1}Mu-š[ak]-šid-na-ki-ri — „Дающий покорить врага“
- 11) ^{a1}Ka-šid-su-lil-bur — „Покоритель его да достигнет старости“
- 12) ^{a1}Ša-bit-su-li-ku[n] — „Взявший его да утвердится“
- 13) ^{a1}Lil-bur-mu-ni-iḫ-libbi-
-i^{a1}Aššur — „Да достигнет старости успокаивающий сердце Ашшура“
- 14) ^{a1}Dūr-^mAššur-aḫu-iddina — „Крепость Асархаддона“
- 15) ^{a1}Šá-ni-ni-a-ja-ir-š[i] — „Да не имеет равных“
- 16) ^{a1}Ši-pi[r]-šū-ul-mi-a-mat-
-šarri-šu — „Слово царя его—весть благополучия“
- 17) ^{a1}Pi-làḫ-ma-māt-ka-šal-lim — „Страшись и страну свою сохрани благополучно“
- 18) ^{a1}[L]a-ip-làḫ-ma(?)^{a1}-mātu-šu-
-iḫ-pi — „Он не страшился, и страна его разгромлена“
- 19) ^{a1}Aššur-i-nar-ga-ru-u-a — „Ашшур побивает моих врагов“
- 20) [^{a1}]Aššur-ni-ir-šú-ú-rap-piš — „Ашшур расширил свое его“
- 21) ^{a1}Aššur-ni-ir-ka-rip-p[iš] — „Ашшур, расширь свое его“²⁰

Насколько нам известно, в научной литературе пока не отмечено, что в этих новых названиях городов Шубрии как бы отражена история ассиро-шубрийских отношений этап за этапом. Их можно разделить на несколько групп. К одной из групп можно

²⁰ AOF, стр. 42, col. IV, стк. 15—22; Bauer, стр. 248—250, 259, col. IV, стк. 27—34; IAKA, стр. 107, стк. 27—34; ARAB, II, § 611; АВИИУ, 67(п).

причислить такие названия: «Ашшур побивает моих врагов», «Он не страшился, и страна его разгромлена», «Страшись и страну свою сохрани благополучно», «Покорись, непокорный!», «Не меняй слова Ашшура». Эти названия отражают точку зрения Ассирии на ассиро-шубрийские отношения до 673 года, когда Шубриа была непокорной и тем довела себя до гибели.

Особенно важно одно из названий городов, а именно «Ашшур вернул свою землю», которое соответствует названию города ²¹ Kullimmeri — Кулиммери первого списка. Оно напоминает, что и до похода 673 года некогда область города Кулиммери или, быть может, вся Шубриа, принадлежала Ассирии. И действительно, история ассиро-шубрийских отношений подтверждает эту мысль. Так, Шубриа платила дань Ассирии еще в период Ашшурнацирапала II (884/3—859)²¹. Когда шубрийский царь Анхите (884/3—854) отказался платить дань Ассирии, Салманасар III (859—824) совершил поход на Шубрию²², захватил ее столицу Упуму. Впоследствии, в царствование Тиглатпаласара III, ассирийцы захватили и другие города-крепости, которые находились в области Кулиммери, в бассейне реки Кахирт, по соседству со странами Уллуба, Наири и Хабхи²³. Асархаддон имел в виду, вероятно, именно завоевания Салманасара III и Тиглатпаласара III, в частности в области ^{ma} Kullimmeri, когда переименовал город в «Ашшур вернул свою землю».

Другая группа новых названий городов гласит: «Ашшур расширил свое иго», «Ашшур, расширь свое иго», «Крепость Асархаддона», «Да достигнет старости успокаивающий сердце Ашшура», «Взявший его да утвердится», «Покоритель его да достигнет старости» и др. Этими названиями Асархаддон подчеркивает основную цель своего похода на Шубрию, а именно—расширение территории Ассирии.

²¹ АКА, I, стр. 241—242, стк. 52—53; ARAB, I, 1926, § 502; АВНИУ, 26, (об., 36).

²² A. Billerbeck und F. Delitzsch, Beiträge zur Assyriologie, VI, стр. 46; АВНИУ, 29.

²³ P. Rost, Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers III, Band I, Leipzig, 1893, стр. 50—52, стк. 41—43; стр. 46, стк. 34—35; АВНИУ, 43, 42 (28).

Поскольку основное население Шубрии было взято в плен и уведено в Ассирию, Асархаддон заселяет страну новыми жителями.

Об этом он сообщает: nišē^{meš} ḥu-bu-ut išqašti-iá ša tam-tim e-li-ti šar-ii-ti ina libbi ú-šá-a[š-bit]²⁴ „Людей, добычу моего лука от Верхнего до Нижнего моря я отправил туда (в Шубрию—Д. С.)“. Вновь застроенную и заселенную новым населением Шубрию Асархаддон делит на два наместничества и назначает над ними своих приближенных в качестве областеначальников: šá-a-šú a-na si-hir-ti-šá a-na 2-šú a-zu-uz-ma amēlšū-ut-rēši-ja a-na amēlpaḥātūte^{ú-te} eli-šú-nu áš-kun²⁵ „Эту (страну) до пределов ее я разделил надвое, назначил над ними (двух) моих приближенных в качестве областеначальников“.

Асархаддон упоминает об этих двух наместничествах также в своей летописи и называет имена поставленных над ними двух областеначальников, а также говорит о той дани, которую Шубрия выплачивает Ассирии: [mātu] ḡšū'-a-tú a-di 2-šú a-[zuz 2 amēlšū-ut-rēši-iá a-na amēlpaḥātūte^{ú-te} eli-šú-nu] ú-še-šib mBi-'-lu (var. mMarduk-ēriba) [ina alUppummu] mBēl-iddina i-na alKul-li-im-me-ri [áš-kun] ana mi-šir māAššur^{ki} ú-tir[...] man-da-at-ti bēlu-ti-ja[...]”²⁶ „Эту [страну] разделил на две части, [двух моих приближенных назначил в качестве областеначальников]. Билу (вар. Мардук—эриба) [в Уппумму], Бел-иддина—в Куллиммери [утвердил], ее границы (Шубрии—Д. С.) к Ассирии обратил... дань моего владычества“.

О захвате и разорении Шубрии Асархаддоном имеются интересные сведения и в вавилонских хрониках. В одной из них читаем: šattu VIIIkám mAššur-aḥu-iddina arabṭebētu ūmuḥe-pi matšub-ri-„ša“-a-a ša-bit šal-lat-su šal-lat ina arabkislimi šal-lat-su ana

²⁴ Bauer, стр. 248, 259, col. IV, стк. 11; IAKA, стр. 107, col. IV, стк. 11; ARAB, II, § 608; АВНИУ, 67(II).

²⁵ Bauer, стр. 248, 259, col. IV, стк. 12—13; IAKA, стр. 107, col. IV, стк. 12—13; ARAB, II, § 608; АВНИУ, 67(II).

²⁶ C. H. W. Johns, Assyrian Deeds und Documents, 1901, стр. 583; PAR, стр. 87; IAKA, стр. 112, стк. 1—4; стр. 107, col. IV, стк. 12—13.

Uruk^{ki} 1-ter-bi²⁷ „В 8 году Ашшурахиддина, месяца тебета, дня [...], была захвачена страна шубрийцев, полон ее похищен. В месяце *кислиме* ее полон прибыл в Урук“.

Итак, захват Шубрии здесь датируется 8 годом Асархаддона, месяцем *тебет* (число, обозначающее день месяца, было разбито в подлиннике, когда писец составлял копию)²⁸, т. е. ноябрем-декабрем 673 года. Уведенные пленные, или часть их, прибыли в Урук (возможно, в Ниневию)²⁹, в следующем году в месяце *кислиме* (октябре-ноябре), почти спустя год.

Вавилонские хроники еще в одном отрывке отмечают: arab³ addaru ūmu 18^{kám} ummānāte^{meš} mat^{at} Aš-šur mat^{at} Šub-ri-a-a iš-šab-tu^(?) šal-lat-su iš-tal-lu³⁰ «Месяц *аддару*, день 18, войска Ассирии [захватили] страну Шубрию, похитили ее полон». Здесь срок захвата и ограбления Шубрии отмечен месяцем аддару, т. е. февралем-мартом скорее 672, чем 673 года, ибо это лучше согласуется с прибытием добычи в Урук (Ниневию?) в 672 г. Видимо, освоение Шубрии Асархаддоном длилось от ноября-декабря 673 года по крайней мере до февраля-марта 672 года, т. е. три-четыре месяца.

Чтобы умерить недовольство Урарту захватом Шубрии, каковым, несомненно, ущемлял интересы этого государства, Асархаддон разыскивает и возвращает в Урарту также людей этой страны, бежавших в Шубрию³¹.

Итак, текст реляции Асархаддона, как и результаты похода 673 г. на Шубрию показывают, что это была давно задуманная военно-политическая акция, имевшая важное значение для Ассирии, поводом к которой послужил конфликт из-за беглецов.

²⁷ E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, Band II, Berlin, 1890, стр. 284, стк. 19—21; IAKA, стр. 127; АВИИУ, 63, прим. 7.

²⁸ АВИИУ, 63, прим. 6.

²⁹ АВИИУ, 63, прим. 9.

³⁰ IAKA, стр. 124.

³¹ Bauer, стр. 246—248, 258, col. III, стк. 28—34; IAKA, стр. 106, col. III, стк. 28—34; ARAB, II, § 607; АВИИУ, 67(л).

А. А. МАРТИРОСЯН

ХОЗЯЙСТВО ДЕЛОВОГО ДОМА ЭГИБИ В ВАВИЛОННИИ

В 555—522 гг. до н. э.

В различных исследованиях, освещающих те или иные аспекты вавилонского общества, экономики и права, нередко привлекались документы из архива Эгиби¹. Однако если собрать воедино все приведенные таким образом документы, едва ли можно представить, чем же конкретно занимался деловой дом Эгиби, какого рода деятельность характерна для него, размеры имущества, позволявшего ему вести целый ряд операций и т. д.

Работа С. Вейнгорта², изучавшего родственные связи делового дома Эгиби, содержит ценную главу об истории и организации этого довольно большого рода, дает представления о деловом доме Эгиби, но содержание документов в ней не приведено, и на основании этой работы невозможно узнать объем операций и способы работы делового дома не только за все время его существования, но даже за один год.

Статья А. Унгнада «Деловой дом Эгиби»³, также не ставит це-

¹ М. А. Дандамаев (Рабство в Вавилонии, VII—V вв. до н. э., М., 1974 г.) приводит содержание многих документов о рабах дома Эгиби. P. Koschaker, *Babylonisch-assyrisches Bürgschaftsrecht*, Scientia, 1966; M. Sannicò, *Beiträge zur Rechtsgeschichte im Bereiche der keilschriftlichen Rechtsquellen*, Oslo, 1931; E. Szlechter, *Les Lois Neo-Babyloniennes*, *Revue Internationale des Droit de l'Antiquité*, tt. XVIII—XIX.

² S. Weingort, *Das Haus Egibi in neubabylonischen Rechtsurkunden*, Berlin, 1933.

³ A. Ungnad, *Das Haus Egibi*, AfO XIV, 1941 (Iafkensee).

лю осветить хозяйственные отношения в доме Эгиби, но ценна она тем, что в ней приведены поправки и дополнения к работе С. Вейнгорта относительно родственных связей семейства Эгиби.

Мы не старались осветить хозяйственные отношения в деловом доме Эгиби за два века его существования. В статье приведена лишь часть документов архива, относящаяся к деятельности одного из глав делового дома, Итти-Мардук-балату, упоминавшегося в документах начиная с 555 г. до н. э. и кончая 522 г. до н. э. За более чем тридцатилетний период его деятельности дом Эгиби не только добился наиболее стабильного экономического положения за всю историю своего существования, но достиг громадного благосостояния, намного увеличив свое имущество⁴.

Итти-Мардук-балату—действующее лицо 270 документов (чуть менее одной трети) архива Эгиби. Деятельность его, с одной стороны, сходна с деятельностью его предшественников, с другой стороны, при Итти-Мардук-балату возникают приемы, характерные для делового дома в дальнейшем. Они представляют интерес именно тем, что документы, упоминающие Итти-Мардук-балату, характерны для всех этапов деятельности дома Эгиби и, следовательно, для других однотипных деловых домов Вавилона.

Попытаемся на основании документального материала показать различия и сходства в деятельности Итти-Мардук-балату и его предшественников, приемы работы ростовщиков делового дома Эгиби и приблизительно подсчитать размеры имущества Итти-Мардук-балату.

* * *

В конце VII в. до н. э. Вавилония получила независимость и постепенно приобрела доминирующее положение на Ближнем Востоке. Бурно расцвела экономика, возрос объем торговых операций внутри и вне страны.

Сравнительно мирная обстановка позволяла лучше содержать торговые караванные пути. Позже, при первых царях Ахеменидской династии значительных изменений не произошло, хозяйство

⁴ S. Weingort, *Das Haus Egibi*, стр. 43, указывает 250 документов.

продолжало процветать, а Ахемениды уделяли еще большее внимание содержанию торговых путей в образцовом порядке и стремились освоить новые морские пути.

Повысился уровень жизни населения, и, по-видимому, в результате этого произошло смещение экономического благосостояния от одних слоев общества к другим. Если ранее торговля была монополией купцов-тамкаров, то в нововавилонскую эпоху ею могли заниматься все имеющие на это средства⁵. Операции со сдачей в аренду земельных участков, проводимые ранее лишь храмами и дворцом⁶, также перестали быть монополией высших слоев общества.

Храмы занимались также хранением вкладов и в случаях необходимости могли выдавать натуральные и денежные ссуды⁷.

В Нововавилонский период в условиях расцвета экономики и при имеющейся потребности в свободных денежных средствах, которую одни храмы не способны были, по-видимому, удовлетворить, возникли крупные деловые дома, игравшие большую роль в экономической жизни страны. Нововавилонские деловые дома занимались кредитом и торговлей внутри и вне страны.

Позднее в круг их интересов стали входить операции с арендой домов и полей. Еще позднее возникли деловые дома, занимавшиеся лишь арендой и субарендой земли⁸.

Архив древнейшего из нововавилонских деловых домов—дома Эгиби насчитывает более тысячи документов, датированных VII—V вв. до н. э. и составленных как в Вавилоне, так и в других городах страны⁹. Документы упоминают многих представителей рода Эгиби, связанных друг с другом не только той или иной степенью родства, но и общими имущественными и деловыми интересами.

Впервые Эгиби упомянуты в 715 г. до н. э. (время правления

⁵ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 39.

⁶ М. San-Nicolò, Beiträge zur Rechtsgeschichte.

⁷ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 39—41.

⁸ М. А. Дандамаев, ВДИ, 3, 1968 г. рецензия: R. Bogaert, Les origines anti-ques de dépôt. Une mise au point accompagnée d'une esquisse des opérations de banque en Mesopotamie, Leyde, 1966.

⁹ S. Weingart, Das Haus Egibi, S. 3.

Мардук-апла-иддины II), затем начиная с 690 г. до н. э. документы дают сведения о различных носителях родового имени Эгиби, занимавших крупные административные посты. Известно также, что некоторые члены семейства Эгиби занимались ростовщичеством и организовывали торговые товарищества¹⁰.

В начале VI в. до н. э. отделяется одна из ветвей этого рода, и можно уже с полным правом говорить о появлении делового дома Эгиби, ставшего позднее богатейшим из деловых домов Вавилонии VI—V вв. до н. э.

Основателем делового дома стал Шула из рода Эгиби. Шула занимался ростовщичеством, основывал торговые товарищества, а на вырученные таким образом средства приобретал рабов, дома и поля¹¹.

Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомок Эгиби, упомянут в большем количестве документов (166 документов) и как лицо, занимавшее высокие административные посты (царского казначея и судьи), и как богатый ростовщик и основатель торговых кампаний, приносящих немалый доход. Набу-аххе-иддин так же, как и его отец, скупает рабов, дома и поля, пытаясь при этом сконцентрировать недвижимое имущество в одном месте, чтобы облегчить управление им¹².

Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххе-иддина, административных постов не занимал и, поскольку деятельность его протекала в период крайне беспокойный в политическом отношении (падение халдейской династии, захват страны персами, восстания вавилонян в начале царствования Дария I), то и устойчивых связей при дворе создать не сумел. Но несмотря на смуты в этот период, он не только сохранил приобретенное отцом имущество, но и приумножил его. При Итти-Мардук-балату во владении Эгиби оказались дома, поля и рабы в Вавилоне, Кише и Борсиппе¹³.

¹⁰ A. Ungnad, *Das Haus Egibi*, стр. 57, 58.

¹¹ S. Weingart, *Das Haus Egibi*, стр. 39.

¹² Там же, стр. 39—40.

¹³ Возможно, дом Эгиби обладал в это время имуществом и в Уруке. Документы ахеменидского времени, найденные в доме, принадлежавшем представителям семейства Эгиби, еще не опубликованы. *Lenzen, Grabungsberichte, Baghdadische Mitteilungen*, t. I, стр. 116.

Итти-Мардук-балату продолжал традиционную деятельность своих предшественников: ростовщичество, хранение и выдачу вкладов, организацию торговых товариществ, куплю рабов с последующей отдачей их внаем, куплю и обмен домов и полей. С другой стороны, Итти-Мардук-балату все чаще использует прием, крайне редкий в практике его отца и, тем более, деда. Речь идет об отдаче в аренду принадлежавших деловому дому Эгиби полей и домов¹⁴. Именно в период деятельности Итти-Мардук-балату вся громадная недвижимость, принадлежавшая деловому дому Эгиби, перестала быть мертвым капиталом и начала приносить доход.

При Итти-Мардук-балату в качестве главы делового дома Эгиби не только возросло количество заключаемых сделок (сохранилось 270 документов) и, следовательно, его богатство, но и упрочилось положение этого дома как богатейшего среди прочих деловых домов Вавилона.

Кроме того, при Итти-Мардук-балату в деловом доме действовали еще и рабы-ростовщики, принадлежавшие Итти-Мардук-балату. Рабы эти занимались выдачей натуральных и денежных ссуд, изредка торговлей и выполняли многочисленные поручения хозяина, т. е. в этом промежутке времени под эгидой делового дома Эгиби действовало одновременно много ростовщиков.

Мардук-нацир-апли, наследник¹⁵ Итти-Мардук-балату, начал деловую карьеру владельцем большого состояния, но впоследствии был вынужден заложить, а затем и уступить часть своего имущества иранцу Багасару, царскому казначею¹⁶. При Мардук-нацир-апли аренда наряду со всеми формами кредита стала важным приемом в работе делового дома. К тому же, если предшественники Мардук-нацир-апли организовывали торговые товарищества

¹⁴ Шула и Набу-аххе-идди лишь один раз заключили договор об аренде дома, см. S. Weingort, *Das Haus Egibi*, стр. 39.

¹⁵ Сын Идди-Набу, обнищавшего брата Итти-Мардук-балату, усыновленный последним за неимением наследников (см. A. Ungnad, *Das Haus Egibi*, стр. 62), упомянут в 300 документах. S. Weingort, *ук. соч.*, стр. 43.

¹⁶ M. A. Dandamayev, *Innsrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft*, Bd. 14, 1968; Bagasarū ganzabara, стр. 235—239; S. Weingort, стр. 44.

внутри Вавилона, то благодаря иностранным связям Мардук-нацир-апли ведет торговлю и за пределами страны¹⁷.

При Мардук-нацир-апли в доме Эгиби продолжают действовать рабы-ростовщики, но владелец вынужден заложить и их¹⁸. Этот факт, так же как и отсутствие сведений о приобретении новой недвижимости, а затем и появление совладельца, говорит о критическом положении, в котором оказался деловой дом Эгиби в конце жизни Мардук-нацир-апли.

События, предшествовавшие полному разорению делового дома Эгиби, неизвестны, так как документы дают лишь отрывочные сведения о деятельности делового дома в конце жизни Мардук-нацир-апли. Однако разорение его не вызывает сомнений. Последний раз имя Эгиби упомянуто в документе, датированном 485 г. до н. э. Это контракт об аренде тростниковой хижины, принадлежавшей единственному сыну Мардук-нацир-апли. Раб-арендатор обязан давать хозяину дневной рацион хлеба¹⁹.

Не вызывает сомнений, что разорение делового дома Эгиби было связано с ухудшением экономического положения Вавилонии и, возможно, усилением влияния персов после реформ Дария. Напомним, что через год после составления этого документа вавилоняне восстали, а в 482 г. до н. э. после нового восстания Вавилон был основательно разрушен и разграблен войсками Ксеркса. Из Вавилона была вывезена статуя Мардука, и Вавилонское царство, существовавшее до этого на правах унии с Ахеменидской державой, было упразднено²⁰.

История дома Эгиби была бы недостаточно полной без характеристики семейной организации главной ветви. Мы перечислили глав дома Эгиби и попытались показать их роль в становлении и обогащении дома. Какую же роль играли при этом другие члены семейства Эгиби?

¹⁷ S. Weingort, *Das Haus Egibi*, стр. 43.

¹⁸ М. А. Дандамаев, *Рабство в Вавилонии*, стр. 233; S. Weingort, *ук. соч.*, стр. 44.

¹⁹ S. Weingort, *Das Haus Egibi*, стр. 44; документ приведен также у М. А. Дандамаева: *Рабство в Вавилонии*, стр. 201.

²⁰ М. А. Дандамаев, *Рабство в Вавилонии*, стр. 27.

Отметим, что все мужчины из рода Эгиби, в том числе и приемные сыновья, получали образование писца²¹. Сыновья глав делового дома и их братья довольно редко выступали в качестве агентов главы дома. Более далекие родственники—дяди, двоюродные братья могли служить управляющими имуществом делового дома в других городах страны, в то время как главная ветвь семейства Эгиби постоянно проживала в Вавилоне.

Судя по тому, что документы довольно редко упоминают их в качестве агентов главы дома, контрагентов в самостоятельных сделках и как пайщиков при организации главой дома торговых товариществ, можно сделать вывод, что большого участия в деловой жизни они не принимали, по-видимому, потому, что не обладали достаточным для этого состоянием.

Женщины не участвовали в разделе наследства. Чаще всего задолго до смерти отца им выделялось приданое, находившееся, согласно нововавилонским законам, в их распоряжении. Они не имели права быть свидетелями при составлении контрактов, но могли ручаться за уплату долга или арендной платы²², либо, обладая большим приданым, самостоятельно заключать сделки.

Архив дома Эгиби дает немало сведений о деятельности Кудашу, матери Итти-Мардук-балату, и Нупты, его жены. Известно, например, что в первые два года правления Кира (539—537 гг. до н. э.) Итти-Мардук-балату, так же как и его тесть, Иддин-Мардук, глава делового дома Нур-Син, бежали из Вавилона. Если учесть характер документов, датированных этими годами, в которых Итти-Мардук-балату является должником за различные суммы серебра, и их удивительно малое количество, и то, что составлены они в различных городах Вавилонии и в Экбатанах (Мидия),

²¹ Почти все мужские представители рода Эгиби, перечисленные Вейнгортом и Уигнадом, фигурирует как писцы различных документов, а в *Mold I, 1*, Набулх-хе-иддин усыновил сына своей сестры, обязуясь дать ему образование писца. См. *М. А. Дандамаев*, Рабство в Вавилонии, стр. 175.

²² *P. Koschaker*, *Burgschaftsrecht*, стр. 203. Кроме того, женщина имеет право подавать иск.—Суг. 381, документ о пропаже золотых предметов, находившихся на хранении у Итти-Мардук-балату.

трудно не согласиться с С. Вейнгортом, что отсутствие Итти-Мардук-балату в Вавилоне имело политические мотивы²³.

Но в отсутствие главы дома из Вавилона поступают документы²⁴, доказывающие, что имущество Эгиби не пострадало от происшедших в Вавилоне перемен. Мать и жена Итти-Мардук-балату покупают дом, позднее жена отдает принадлежавшего ей раба в обучение ремеслу ткача сроком на пять лет. Кроме того она обязуется выплатить долг мужа по предъявлении кредитором долговой расписки, составленной в другом городе.

Нередко также документы об аренде принадлежавших Итти-Мардук-балату домов оговаривают, что арендную плату за дом должна получать Нупта, жена владельца дома.

И, наконец, основной вопрос организации делового дома Эгиби—который из сыновей становится главой дома, как переходит наследство от отца к сыновьям, следовательно, почему среди всех сыновей глава дома выделяется по количеству и по разнообразию сделок?

Обратимся к нашим документам.

После смерти Набу-аххе-иддина его сын Итти-Мардук-балату выдает замуж сестру и выделяет обещанное еще отцом приданое (Nbd. 760). Согласно нововавилонским законам, после смерти отца девушку выдает замуж старший брат и лишь при отсутствии братьев—мать²⁵.

За год до этого, в 543 г. до н. э.²⁶, Итти-Мардук-балату ведет тяжбу относительно поля, бывшего залогом у Набу-аххе-иддина (Nbd. 720), и выплачивает долги отца его кредиторам (Nbd. 742), следовательно, к старшему сыну переходят иски и долги покойного отца. Позднее, после смерти Итти-Мардук-балату с долгами отца расплачивается Мардук-нацир-апли²⁷, наследник большей части

²³ Суг. 15, 37, 60.

²⁴ Суг. 49, 64.

²⁵ E. Szlechter, LNB. t. XVIII, p. 60.

²⁶ Несомненно год смерти Набу-аххе-иддина, ибо TCL XII, 120 от 17 года правления Набонида составлен «спустя 4 года после смерти Набу-аххе-иддина». см. A. Ungnad, Das Haus Egibi, стр. 60.

²⁷ Dar 70.

имущества дома Эгиби. Кроме исков и долгов, к старшему сыну переходят также вклады, хранившиеся у отца, так, в TCL XII, 120 Итти-Мардук-балату должен выдать вклад, отданный его отцу в запечатанном кошельке.

Рассмотрим документы, упоминающие Итти-Мардук-балату в самом начале его деятельности, в частности Nbd. 77 (555 г. до н. э.), где его имя приводится впервые. Здесь Итти-Мардук-балату является должником по небольшой сумме серебра, взятой под залог принадлежавшего ему дома.

Значит, уже в 555 г. до н. э. у Итти-Мардук-балату была некоторая недвижимость, которой он мог распоряжаться по своему усмотрению, не считаясь с волей отца. Документы, составленные между 555 и 543 гг. до н. э., не оставляют сомнений, что еще при жизни отца старшему сыну было выделено определенное, отдельное от отцовского имущество и была предоставлена полная самостоятельность в ведении дел. Итти-Мардук-балату имел своего торгового компаньона, совместно с которым выделял серебро для ведения торговли (Nbd. 199); он также отдавал принадлежавших ему рабов внаем (Nbd. 299); выдавал немалые денежные и натуральные ссуды (Nbd. 308), чаще всего под залог имущества должника; приобретал рабов (Liv. I, Nbd 367, 400, 311, 346, 404, 433, 443, 461 и пр., дом (Nbd. 289), поле (Nbd. 389); действовал в интересах других лиц, выплачивая вместо них суммы серебра, либо покупал для них рабов (Nbd. 391—392, 389).

В годы, предшествующие смерти отца, возрос объем операций Итти-Мардук-балату. Кроме обычных ссуд серебра под проценты²⁸, документы дают сведения и о тяжбе относительно купленного ростовщиком раба (Nbd. 495), и об аренде принадлежавшего ему дома (Nbd. 500) с необычайно высокой годовой арендной платой²⁹. Судя по размеру арендной платы, дом был большим и благоустроенным. В то же время Итти-Мардук-балату приобрел 10

²⁸ Общим счетом 1 мина 59 сиклей серебра под 20% в год (Nbd. 512, 541, 542, 566, TCL, XII, 101).

²⁹ Арендатор обязался платить 35 сиклей серебра в год, помимо 1 ка хлеба, пряностей и двух быков.

рабов (Nbd. 508—509, Liv. 104)³⁰, выдавал натуральные ссуды (Nbd. 512, 523), нанял садовника для обработки принадлежавшего ему поля (Nbd. 578), заказал несколько пар обуви (Nbd. 566) и, совместно с неким Шаппик-зером, организовал товарищество для ведения торговли, выделив для этого 15 мин серебра и 130 пустых бочек (Nbd. 572), далее еще 1 2/3 мины для ведения торговли (Nbd. 652, 653), приобрел дом (Nbd. 633), поле (Nbd. 687), отдал внаем раба (Nbd. 616) и рабыню-проститутку (Nbd. 679, 682), действовал в интересах своих клиентов (Nbd. 632), получал долги.

Одновременно с Итти-Мардук-балату вел ростовщические операции и его раб Набу-утир, обладавший крупным пекулием³¹. Кроме того, что Набу-утир занимался самостоятельными ростовщическими и торговыми операциями и имел собственных рабов, он довольно часто фигурирует в документах последующих лет как раб-агент, выполнявший различные поручения хозяина.

Приведенные выше документы свидетельствуют, что Итти-Мардук-балату еще при жизни отца обладал довольно большим имуществом, независимым от отцовского, вел самостоятельную ростовщическую деятельность, редко соприкасавшуюся с деятельностью отца. В наших документах Итти-Мардук-балату лишь дважды выступает как агент отца³², один раз в качестве сокредитора и один раз как совладелец купленного отцом дома (Nbd. 470).

К сожалению, не сохранился документ о разделе имущества между сыновьями Набу-аххе-иддина, но не вызывает сомнений, что Итти-Мардук-балату получил львиную долю наследства, хотя и при жизни отца имел немалое состояние. Это косвенно подтверждается и тем, что остальные его братья особой роли в деловой жизни Вавилона не играли, а также документом (Dag. 379)³³ о разделе имущества Итти-Мардук-балату между тремя его приемными сыновьями. Старший из них, Мардук-нацир-апли, получил 2/3 все-

³⁰ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 120, 238, 327.

³¹ Nbd. 605, 674, 681, см. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 189—192.

³² TCL, XII, 92; Nbd 468.

³³ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 129—130, см. также E. Szlechter, LNB, t. XIX, стр. 108; S. Weingort, Das Haus Egibi, стр. 47.

го отцовского состояния, в то время как два младших брата получили вместе лишь 1/3.

Добавим, что Мардук-нацир-апли при жизни Итти-Мардук-балату также обладал отдельным имуществом и занимался ростовщическими операциями, а после смерти отца обязан был выплатить его долги.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что в деловом доме Эгиби (если не во всей Вавилонии того времени) соблюдалось право первородства³⁴, обеспечивающее неделимость основного имущества делового дома и, следовательно, его дальнейшее функционирование.

Лишь при соблюдении права первородства деловой дом мог развиваться дальше. В случае деления наследства на равные доли, возможно, ни один из братьев не был бы в состоянии вести крупные ростовщические, торговые и арендные операции.

Из всего сказанного следует, что в деловом доме Эгиби главой дома становился старший сын, получавший большую часть наследства, иски, долги и вклады отца. Младшие сыновья, в силу получения лишь малой части имущества, от активного участия в деловой жизни были отстранены. Нередко они служили писцами, зарабатывая этим. Приемные сыновья, при наличии родных, в разделе наследства не участвовали; они также получали образование писца и служили управляющими имениями Эгиби в других городах³⁵. При отсутствии прямых наследников приемные сыновья наследовали отцовское имущество так же, как родные³⁶.

Следует обратить внимание и на то, что с 555 по 543 гг. до н. э. дом Эгиби представляли два независимых друг от друга рос-

³⁴ См. брачные контракты из NRV и § 15 нововавилонских законов, из которых следует, что дети от первой жены получают 2/3 отцовского имущества, а от второй—1/3. Э. Шлехтер (LNB, t. XIX, стр. 108) приходит к выводу, что учитывается право первородства.

³⁵ Например, Калба, приемный сын Набу-аххе-иддина, пожизненно служил управляющим имениями Эгиби в Кише и не упомянут ни в одном из документов о дележе общего имущества между сыновьями Набу-аххе-иддина, S. Weingort, Das Haus Egibi, стр. 44.

³⁶ Мардук-нацир-апли и его братья, сыновья Набу-иддина, брата Итти-Мардук-балату, усыновленные последним см. A. Ungnad, Das Haus Egibi, стр. 62.

товщика, а также рабы-ростовщики, имевшие разных клиентов (почти исключительно из свободного сословия), но как бы дублировавшие друг друга в приемах работы:

- 1) ссуда серебра под проценты
- 2) хранение вкладов, действия в интересах вкладчиков
- 3) организация торговых товариществ
- 4) купля, продажа рабов, домов и полей, а также обмен
- 5) отдача рабов внаем
- 6) аренда домов и полей (позднее).

Почти все перечисленные операции служили статьями дохода для дома Эгиби, и, поскольку они тесно связаны с имуществом этого дома, рассмотрим их подробнее.

Кредитные операции делового дома разнообразны. К ним прежде всего мы относим натуральную ссуду, которая давалась в большинстве случаев финниками, реже ячменем, полбой, луком и чесноком. Продукты нужно было вернуть в пору уборки урожая. Выдавались они на складах, принадлежавших Итти-Мардук-балату, либо им самим, либо его рабами-агентами—по письменному распоряжению хозяина. Должник получал продукты меркой Итти-Мардук-балату и обязан был вернуть их той же меркой³⁷. Процентов на продукты не начислялось. Отметим, что выдачей натуральных ссуд занимались и богатые рабы, принадлежавшие Итти-Мардук-балату³⁸.

Максимальная ссуда финниками указана в документе Camb. 257 (500 кур), наибольшая ссуда ячменем—в Cug. 239 (200 кур).

Чаще всего натуральные ссуды выдавались без залога имущества должника, но в некоторых случаях, особенно если за должником имелся долг серебром, требовалось заложить дом или, чаще, поле³⁹.

В документах делового дома, где речь идет о беспроцентной ссуде серебром, чаще всего оговорена точная дата возврата дол-

³⁷ Nbd 311, 346, 523, 587, 625, 701, 716, 995, Cug 239, 291; Cug 219 TCL XII, 144, Camb 38, 104, 261, 303, 305, 322, 334, 335.

³⁸ Camb 391, 409, см. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 60, 206, 212, 228.

³⁹ Cug 335, Camb 17, 257, 292, 410.

га—ближайшие дни либо конец текущего месяца. Очень редки случаи, когда серебро можно вернуть в течение года.

В случаях краткосрочной ссуды, если должник не вернет серебро в назначенный день, на серебро начнут расти обычные 20%⁴⁰. Кроме того, если серебро отдано без процентов, чаще всего у должника имеются поручители. Нередки случаи беспроцентной ссуды под залог имущества должника, при этом в практике Итти-Мардук-балату встречаются и антихреза, и ипотека.

В отличие от беспроцентных ссуд, ссуды серебра под проценты не оговаривают даты возврата долга. Деловой дом Эгиби обычно отдавал серебро под 20% в год (кроме Nbd. 602, в котором серебро отдано на короткий срок под 240%), при этом выплата процентов не связывалась с обязательным сроком уплаты всей суммы долга⁴¹. Должник чаще всего должен был либо предоставить свое имущество (дом, поле, рабов) в залог, который находился у кредитора до полной уплаты долга, либо привести поручителя. В случае неуплаты долга должник попадал в долговую тюрьму⁴². Ростовщики дома Эгиби, в том числе и рабы-ростовщики, весьма часто оговаривают право первенства в получении долга перед другими кредиторами⁴³. Если кредитор сомневался в платежеспособности должника, то выдавал ссуду, оговаривая все способы защиты своих интересов одновременно; в таких документах серебро отдано под проценты с указанием даты возврата долга, но лишь при наличии поручителя, залога и права первенства среди других кредиторов. Если должник уплатит другому кредитору раньше, он может попасть в тюрьму. В случаях содолжничества широко применялось взаимное поручительство⁴⁴.

Ссуды выдавались только из собственных средств дома Эгиби.

Выше мы уже говорили о том, что дом Эгиби хранил и выдавал вклады, действовал в интересах своих вкладчиков, выплачи-

⁴⁰ Camb 195 и пр.

⁴¹ TCL XIII, 144; Camb. 301.

⁴² Camb. 329.

⁴³ (amei) rašū šanamma ūl išallaṭ adī muḫḫi (m. d.) Itti-Marduk-balaṭu. kasapšu ūl raḫīr.

⁴⁴ P. Koschaker, Bürgschaftsrecht.

вая вместо них долги, либо приобретая для них имущество. Такого рода деятельность, хоть и вызывает ассоциации с банковской, но в ней отсутствует важнейшая отличительная черта банков—использование чужих средств в интересах банка⁴⁵.

Ростовщикам из дома Эгиби вносятся вклады более или менее крупных сумм серебра в запечатанных кошельках, которые они обязаны вернуть в том же виде, по первому требованию вкладчика или по его распоряжению.

В документе TCL XII, 120 и связанных с ним по содержанию Nbd. 1048 и 1047 говорится о большой сумме серебра (11 мин 18 сиклей), отданной на хранение еще Набу-аххе-иддину в запечатанном кошельке. Гарантией сохранности вклада служил «большой дом», в котором жил Итти-Мардук-балату. Когда вкладчик потребовал деньги, Итти-Мардук-балату отказался вернуть их в присутствии обычных свидетелей. Были приглашены судьи, в присутствии которых Итти-Мардук-балату вернул вклад.

Судя по имеющимся документам, ни держание вкладов, ни действия в интересах вкладчиков⁴⁶ дохода дому Эгиби не приносили, а были для них лишь делом престижа⁴⁷. Рабы-ростовщики вкладов у себя не держали.

В нашем распоряжении имеется лишь один документ, говорящий об использовании вклада (Nbk 3). Итти-Мардук-балату ссудил серебро из вклада, но сроком всего на три дня и без процентов. Этот документ не позволяет предположить, что вклады не использовались и приносили доход.

В отличие от хранения вкладов организация торговых товариществ приносила деловому дому Эгиби большую прибыль. В целях торговли Итти-Мардук-балату совместно со своим компаньоном выделял необходимую сумму серебра, рабов, занимавшихся

⁴⁵ М. А. Дандмаев, ВДИ 3, 1968; R. Вэгаерт, *Les origines antiques de dépôt*.

⁴⁶ Купля рабов, наем людей, выполнявших повинностные работы и т. д.

⁴⁷ В Древнем Риме вклады также хранились безвозмездно, держатель вклада нередко закладывал свое имущество в гарантию сохранности вклада. Использовать вклады в своих целях запрещалось. См. И. Б. Новицкий, *Основы римского гражданского права*, М., 1972, стр. 206—212.

торговлей, снабжал деньгами, транспортом, товарами и помощниками. После окончания торговой операции компаньоны делили доход поровну. В качестве примера того, какой доход приносила торговля, приведем содержание документа Nbd. 787⁴⁸ о разделе доходов с торговли, финансируемой Набу-аххе-иддином и его компаньоном. Участники дележа—сыновья Набу-аххе-иддина и сыновья Белшуну (всего восемь человек) получили каждый по 1 кур поля, по одной овце, по одному мулу, по одной корове и одному теленку, по два локтя колодца и по четыре раба общей стоимостью в 25 мин серебра, по 200 сосудов первосортного пива, по 20 пустых бочек и 10 фляг и кувшинов, по 90 кур фиников и 15 кур белой горчицы, по 14 голов мелкого рогатого скота и «базарные» долговые расписки (говорящие, кстати, о распространенности торговли в кредит).

Часто деньги, вырученные с торговли, вкладывались в имущество, но нередко торговая прибыль выражалась в сумме серебра. В документе Liv. 169 говорится о вложенных Набу-аххе-иддином 6 минах серебра, принесших 15 мин дохода.

Рабы-агенты совершали самостоятельные торговые операции, 1/6 часть дохода с которых полагалась хозяину в качестве его «доли» (Nbd. 838).

Купля, продажа, обмен. Доходы, полученные от ростовщических и торговых операций, вкладывались в приобретение рабов, домов и полей и прочего имущества, необходимого в хозяйстве (медная утварь, ручная мельница, вино, улы) и для ведения торговли (лодки, паруса, ослы). Имущество нередко покупалось в кредит. Когда речь шла о приобретении мелких предметов, продавец иногда давал гарантию, что вещи не краденые (Camb. 323). С целым рядом гарантий продавались рабы⁴⁹, дома и поля⁵⁰. Интересна группа документов Camb. 143, 144, Liv. 19 о тайном угоне и продаже рабыни, принадлежавшей Итти-Мардук-балату, его братом,

⁴⁸ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 61, 124, 125.

⁴⁹ Относительно гарантий того, что рабы не принадлежат к числу царских рабов или сословно свободных, см. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 111.

⁵⁰ Продавец должен был дать гарантию, что его родственники или другие лица не имеют законных претензий на него.

Иддин-Набу. Рабыня была возвращена, а покупатель получил расписку об остатке цены за нее, не уплаченной им. При купле дома или поля покупатель обязан был отдавать продавцу *arḡu*—дополнительную плату, а иногда и *lubaḡu*—одежду. В некоторых случаях указано, сколько стоит 1 *акалу* (примерно 6 м²) площади дома (в Суг. 345 цена 1 *акалу* равна 1 мине 15 сиклям серебра). Средняя цена за 1 га поля примерно равнялась одной мине серебра⁵¹.

Стремление глав делового дома к приобретению имущества обусловлено желанием не только вложить деньги в безопасное дело, но и создать ресурсы для проведения позднее операций по аренде и найму.

Но, как говорилось выше, Набу-аххе-иддин стремился сконцентрировать свое имущество, чтобы облегчить управление им. А Итти-Мардук-балату, если принять во внимание только документы о купле, приобретал дома и поля, на первый взгляд, бессистемно, почти повсюду, где вел дела, в разных местностях страны и различных районах Вавилона. Итти-Мардук-балату покупал рабов, дома и поля в Кише, Борсиппе, Уруке, Шахрину, Сиппаре и других местах, но Даг 379 упоминает имущество только в Вавилоне, Кише и Борсиппе.

Изучение документов об обмене (Самб 349, 362, 375, 377) приводит к выводу, что Итти-Мардук-балату в той же мере, что и его отец, стремился к концентрации имущества. Он обменивает трех рабынь, купленных вне Вавилона, на дом в Борсиппе (Самб. 377), поле в Шахрину (предместье Вавилона) на такое же по размерам поле в Кише, либо имущество в одном районе Вавилона на имущество в другом районе того же Вавилона, где у него уже имелись поля и дома.

Позднее мы вернемся к вопросу о количестве купленных Итти-Мардук-балату домов, полей и рабов, чтобы сравнить, насколько увеличилось хозяйство дома Эгиби за период деятельности Итти-Мардук-балату.

⁵¹ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 120, на основании документа Суг. 161.

Поля и дома, принадлежавшие дому Эгиби, до ахеменидского периода в аренду не сдавались. Рабы либо отдавались внаем, либо посылались на оброк, либо использовались при хозяйствах многочисленных домов.

В ахеменидский период вся приобретенная ранее Набу-аххемидном и Итти-Мардук-балату недвижимость начинает сдаваться в аренду и приносить немалый доход. Если до ахеменидского периода в деловых домах в основном производились ростовщические и торговые операции, то отныне можно говорить о возникновении нового приема. Аренда прочно и надолго входит в практику дома Эгиби, а затем и других деловых домов Вавилонии.

Чем же объяснить возникновение этого приема, игравшего позднее громадную роль в жизни деловых домов Вавилонии именно в ахеменидский период и его отсутствие при царях халдейской династии?

По-видимому, явление это объясняется усилившимся при Ахеменидах имущественным расслоением масс, в результате чего люди, лишившиеся земли, были вынуждены прибегнуть к услугам крупных землевладельцев, в данном случае, ростовщиков из рода Эгиби. И, возможно, рост количества арендных договоров дома Эгиби при наследнике Итти-Мардук-балату⁵² можно объяснить продолжавшимся имущественным расслоением и переделом земли⁵³.

Отметим, что возникший позднее в Ниппуре деловой дом Мурашу занимался в основном операциями, связанными с арендой и субарендой земли⁵⁴.

Прежде чем охарактеризовать арендные договоры делового дома Эгиби, хочется подчеркнуть, что аренда была очень выгодной для арендодателя акцией, так как не сданная в аренду земля, по-видимому, не возделывалась (не говоря уже о многочисленных домах, принадлежавших дому Эгиби) по той причине, что в новова-

⁵² См. S. Weingart, *Das Haus Egibi*, стр. 43.

⁵³ М. А. Дандамаев, *Рабство в Вавилонии*, стр. 34.

⁵⁴ Там же, стр. 40 (здесь приведена и литература).

вилонский период принудительный рабский труд в пахотном земледелии обычно не использовался, и владельцы земли предпочитали сдавать ее в аренду сначала свободным, а затем собственным рабам.

В связи с этим приведем содержание документа Sm 9⁵⁵, в котором Итти-Мардук-балату сдает рабу в аренду поле за плату в 12 кур фиников и прочих продуктов финиковой пальмы. Арендная плата в 12 кур фиников—минимальная во всех арендных договорах делового дома Эгиби.

Рабы могли также быть арендаторами домов⁵⁶. Среди наших документов имеется 14 договоров об аренде домов, принадлежавших Итти-Мардук-балату⁵⁷. Наивысшая арендная плата за дом—36 сиклей серебра в год (Camb. 187), самая низкая—5 сиклей серебра. Кроме платы, арендатор был обязан трижды в год делать хозяину подарки и выполнять текущий ремонт по дому за свой счет. Лишь при отсутствии окон и дверей в домах (что случалось нередко, так как дерево стоило дорого) арендатор вставлял двери, но зачислял их цену в счет арендной платы (Camb 117)⁵⁸. Арендную плату вносили в два приема либо самому хозяину, либо его жене, либо рабу-агенту.

Дома сдавались сроком не менее чем на год, и если арендатор отказывался от дома раньше окончания срока, то был обязан уплатить хозяину указанную в арендном договоре неустойку (Camb 97).

При аренде земельных участков размер арендной платы чаще всего точно указан—это определенное количество фиников (реже ячменя), отдаваемых меркой Итти-Мардук-балату в пору созревания урожая, вместе со стволами, сердцевинной, ветвями и прочими

⁵⁵ Там же, стр. 149. *M. A. Dandamayev, Social Stratification in Babylonia (7th—4th Centuries B. C.)*, Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XXII, стр. 435—436.

⁵⁶ Camb., 213, 330, Dar 275, см. также *M. A. Дандамаев, Рабство в Вавилонии*, стр. 307, 174, 199, 202, 203, 182, 201.

⁵⁷ Nbd 500, 967. Cyt 228, 274. Camb 97, 117, 182, 184, 187, 213, 253, 330, 351. Dar 275. Nbd 16.

⁵⁸ *M. San-Niccolò, Beiträge zur Rechtsgeschichte*, стр. 217.

продуктами финиковой пальмы в определенном размере. Реже в арендных договорах указана неопределенная плата—1/3 урожая. В случае, если поле было обложено податью, арендатор должен был уплатить подать. Наибысший размер арендной платы—65 кур фиников (Camb. 2), самая низкая арендная плата указана выше.

Арендаторами земельного участка могли быть один и более человек. В случаях соарендаторства они ручались друг за друга.

Взиманием арендной платы занимался либо сам Итти-Мардук-балату, либо его рабы-агенты.

18 договоров об аренде земли освещают еще один важный вопрос о том, кто же были основные клиенты Итти-Мардук-балату. Почти все арендаторы земли, так же, как и некоторые продавцы купленных Итти-Мардук-балату домов и полей⁵⁹, были одновременно и должниками на различные мелкие суммы серебра⁶⁰, взятые под 20% в год. С другой стороны, арендаторы домов, принадлежавших Итти-Мардук-балату, не были должниками последнего.

Можно прийти к выводу, что, в основном, клиенты Итти-Мардук-балату принадлежали к бедным слоям свободного населения, а арендаторы домов принадлежали к более зажиточным слоям, так же как и люди, нанимавшие рабов, державшие вклады и бравшие ссуду без процентов—последнее, как нам кажется, само по себе предполагает некоторое сословное и имущественное равенство.

Наем рабов практиковался главами дома Эгиби задолго до появления арендных договоров. Обычная наемная плата за неквалифицированного раба—9 сиклей в год (Nbd. 299)⁶¹. Выше была наемная плата за рабынь-проститутку—3 сут ячменя в день, или 36 сиклей (примерно 1/2 мины серебра) в год (Nbd. 679. 682)⁶².

Однако по мере обогащения дома в ахеменидский период Итти-Мардук-балату стремится получить более высокие доходы от найма своих рабов. С этой целью рабы дома Эгиби отдаются в обучение разным ремеслам (ткача, портного, резчика печатей, пе-

⁵⁹ Cug 337, Camb 429 и пр.

⁶⁰ Nbd 715, Camb 3, 122, 179, 329.

⁶¹ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 75. См. также, Nbd 610.

⁶² Там же, стр. 85, 86.

каря)⁶³ и позднее либо остаются у мастера, выплачивающего хозяину их оброк, либо отдаются внаем за высокую плату⁶⁴, или работают самостоятельно, внося своему господину часть доходов.

Обучение рабов ремеслам в нововавилонский период распространения не имело и стоило дорого, так как, кроме того, что раб не приносил хозяину дохода в течение длительного времени, хозяин обязан был еще и содержать такого раба. Лишь очень состоятельные люди отдавали своих рабов в обучение⁶⁵.

Контракты о найме свободных ремесленников дают сведения о нуждах дома Эгиби. Итти-Мардук-балату дважды нанимает садовника для обработки поля и насаждения деревьев (Nbd. 578, Sm 9). В этих контрактах указаны обязанности садовника, но ничего не говорится о плате за его труд. Документ Суг. 148—контракт о найме кожевника для выделки понадобившихся Итти-Мардук-балату шкур быков. С этой целью Итти-Мардук-балату выдает ремесленнику одну мину серебра, 1/3 которой ремесленник может использовать на свои нужды. Кроме того, ростовщик выдает кожевнику ежемесячно 1 суг 4 пан ячменя и 10 быков.

В данном случае речь идет именно о найме ремесленника, а не о заказе, поскольку ремесленник снабжен всем необходимым.

В контракте Nbd. 600 Итти-Мардук-балату отдает пивовару 25 кур фиников для изготовления 25 бочек сладкого пива. Пивовар ответствен за хорошее состояние бочек. Кроме того, он еще должен Итти-Мардук-балату 50 бочек хорошего пива.

Отметим, что контракты эти составлены в форме абстрактной долговой расписки—*u'iltu*, но по сути дела являются документами о найме ремесленника.

В связи с заказами и наймом интересен TCL XII, 101, в котором Итти-Мардук-балату является кредитором на 13 сиклей сереб-

⁶³ Суг 64, 315, 248, 325. Samb 245. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 166, 167.

⁶⁴ Например, плата за пекаря равна 1/3 мины серебра (Dag 71). М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 165, 169.

⁶⁵ Насколько богаты были главы дома Эгиби, можно представить, если принять во внимание, что 5 из 12 сохранившихся от нововавилонского времени контрактов об обучении рабов составлено в доме Эгиби при Итти-Мардук-балату, еще один—при его наследнике Мардук-нацир-апли.

ра. Если должник не принесет камни для ожерелья богов, стоимостью $1 \frac{2}{3}$ сикля, то будет платить проценты.

Это долговой документ-антихреза, в котором заменителем процентов является не использование заложенного имущества, а, фактически, уплата процентов камнями.

В другой долговой расписке о ссуде 6 сиклей серебра под проценты раб-должник обязуется сшить кредитору на часть этой суммы пять пар обуви (Nbd. 566)⁶⁶.

Если в двух последних документах Итти-Мардук-балату извлекает выгоду из своего положения кредитора, то Суг. 148 (о найме кожевника) существенно отличается от них. Ремесленник работает на Итти-Мардук-балату в течение нескольких месяцев и выдает хозяину большое количество дубленой кожи. Кожа могла быть нужна в хозяйстве дома, но вряд ли в таком количестве (10 шкур быков ежемесячно). Поэтому можно предположить, что кожа эта предназначалась для продажи или выделки других предметов⁶⁷, которые потом дом Эгиби продавал. В целях продажи могло быть приготовлено и пиво (Nbd. 600).

К сожалению, судить об этом точнее мы не можем, так как документы об организации торговых товариществ не указывают, чем торговали представители дома Эгиби. Можно лишь предполагать, что по большей части предметом торговли могли быть излишки сельскохозяйственного производства, реже—ремесленные изделия.

Остановимся вкратце еще на одной статье доходов делового дома Эгиби—торговой деятельности и оброке рабов, принадлежавших Итти-Мардук-балату. На документах этой группы подробно останавливаться мы не будем, поскольку их содержание приведено у М. А. Дандамаева. В рассматриваемый нами период Итти-Мардук-балату принадлежало более ста рабов, часть которых обслуживала хозяйства домов Эгиби, другие были отданы внаем либо уходили на оброк и вели дела самостоятельно⁶⁸.

⁶⁶ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 174.

⁶⁷ Например, кожаных сумок или кошельков, упомянутых в документах.

⁶⁸ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 130.

Насколько поощрялась хозяйном деятельность рабов, видно из документов Camb. 330, 331⁶⁹, в которых речь идет о рабыне Итти-Мардук-балату, решившей открыть корчму в Кише. Итти-Мардук-балату снабжает ее не только необходимыми средствами для закупки товаров, но и мебелью и утварью. Дом же под корчму она арендует у раба, также принадлежавшего Итти-Мардук-балату. В этом документе более 2 мин серебра отдано рабыне под 20% в год, что само по себе выгодно хозяину. Позднее, после погашения ссуды, она, вероятно, должна была платить ему оброк, так же, как в документе о торговой деятельности раба, уплатившего 1/6 часть своих доходов Итти-Мардук-балату и обязавшегося еще уплатить оброк за себя и свою жену⁷⁰.

Величина оброка раба колебалась в зависимости от его имущества, но в среднем равнялась 12 сиклям серебра в год⁷¹. Можно предположить, что рабы-агенты Итти-Мардук-балату платили большой оброк, так как владели крупными пекулиями, но данных об этом в документах нет.

Возможно также, что хозяин имел доход и с ростовщических операций рабов, так же как и с их торговли, но и об этом нельзя говорить с уверенностью за отсутствием фактов.

Сама по себе деятельность рабов-агентов была очень выгодна Итти-Мардук-балату, так как рабы-агенты занимались торговлей, взиманием арендной платы, решали имущественные вопросы хозяина вне Вавилона, занимались его тяжбами и выполняли всевозможные мелкие поручения.

Выше мы уже говорили о том, что рабы-агенты Итти-Мардук-балату обладали крупными пекулиями и занимались выдачей натуральных и денежных ссуд под проценты и залог имущества, были арендаторами и владельцами домов, рабов и прочего имущества.

Набу-утир, первый из упомянутых рабов-агентов делового дома Эгиби, действовал в течение более чем 15 лет⁷². Документы

⁶⁹ Там же, стр. 224.

⁷⁰ См. Nbd 838; М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 225.

⁷¹ Там же, стр. 224.

⁷² Nbd 526, 605, 674, 681, 769, 827, 838, 858, 845, 874, 875, 931, 1019, 1030, 1114; Суг. 337. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 189—192.

дают сведения о его ростовщической и торговой деятельности, о купле им рабыни, аренде им домов и лодки. Большинство должников Набу-утира принадлежало к сословию свободных. Нередко должники отдавали в обеспечение долга свое имущество. Приведем содержание документа Суг. 337 относительно зернового поля некоей Эсаила-белет, служившего залогом ее кредитора, который в свою очередь перезаложил это поле Набу-утиру. Владелица поля обратилась к Итти-Мардук-балату, хозяину этого раба, с просьбой дать ей 10 сиклей серебра, взамен чего она уступит поле. Итти-Мардук-балату отдал ей серебро и получил поле.

Здесь поле, бывшее залогом у Набу-утира, перешло во владение к его хозяину⁷³.

Нергал-рицуа⁷⁴, другой раб-агент Итти-Мардук-балату, кроме того, что выполнял различные поручения хозяина, также занимался ростовщичеством и арендовал дома.

В документе Самб. 285 Нергал-рицуа—должник за 11 мин серебра, взятых под 20% в год. На эту сумму Нергал-рицуа мог бы купить немалое имущество. Важно для нас и то, что раб берет в долг очень большую сумму, не представив кредитору ни залога, ни поручителей. По-видимому, кредитор, представитель связанного деловыми и родственными узами с Эгиби семейства Нур-Син, нисколько не сомневался в платежеспособности раба.

Сходно с этим документом содержание долговой расписки Nbk. 17, в которой фигурирует Набу-ялу, раб-агент дома Эгиби, занявший у Мардук-нацир-апли 14 мин 49 сиклей серебра под 20% в год. Набу-ялу впервые упомянут в документах архива дома Эгиби в 524 г. до н. э. как агент Итти-Мардук-балату. После 522 г. до н. э., года смерти Итти-Мардук-балату, Набу-ялу перешел по наследству к Мардук-нацир-апли и действовал как агент, самостоятельный ростовщик и организатор торговых товариществ вплоть до 511 г. до н. э.⁷⁵

⁷³ М. А. Дандамаев полагает, что все имущество раба в конечном итоге принадлежало хозяину, поэтому Итти-Мардук-балату и получил поле—Рабство в Вавилонии, стр. 192.

⁷⁴ Суг. 224, Самб. 43, 68, 161, 285; см. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 192—193.

⁷⁵ М. А. Дандамаев. Рабство в Вавилонии, стр. 188—189.

Даян-бел-уцур⁷⁶, богатейший из рабов дома Эгиби, действовал как раб-агент Итти-Мардук-балату двумя годами раньше, чем Набу-ялу (526 г. до н. э.). Но еще задолго до этого Даян-бел-уцур фигурировал во множестве контрактов и писем в качестве доверенного лица и агента Иддин-Мардука, главы делового дома Нур-Син. Будучи еще у Иддин-Мардука, Даян-бел-уцур начал ростовщическую, торговую и арендаторскую деятельность, а после смерти хозяина, перейдя (по-видимому, вместе с пекулнем) к его зятю, Итти-Мардук-балату, продолжает оставаться агентом и ростовщиком, но уже под эгидой дома Эгиби. После смерти Итти-Мардук-балату Даян-бел-уцур переходит по наследству к среднему сыну ростовщика, а затем к Мардук-нацир-апли, главе делового дома после 522 г. до н. э., оставаясь доверенным лицом хозяев, действуя по их поручениям и в других городах страны.

Подобных Даян-бел-уцуру рабов-агентов в домах Нур-Сина и Эгиби было немало. Они выполняли прежде всего различные поручения хозяина, взыскивали причитавшиеся ему долги, участвовали в его торговых операциях, вели хозяйские дела вне Вавилона⁷⁷. Кроме того, Даян-бел-уцур был богаче многих свободных людей, владел деньгами, домом, крупным рогатым скотом, сельскохозяйственными продуктами, для измерения которых имел собственную мерку. Обладая богатством, Даян-бел-уцур занимался ростовщичеством и торговлей, брал и отдавал в аренду дома, землю, лодки и т. д.

Среди документов о деятельности Даян-бел-уцура имеются протоколы судебных заседаний, в которых Даян-бел-уцур был истцом (Самб. 321, 329). При вынесении судом решения Даян-

⁷⁶ Там же, стр. 203—215. Деятельность Даян-бел-уцура и прочих рабов-агентов дома Эгиби тщательнейшим образом освещена в указанном сочинении, мы лишь вкратце охарактеризуем ее, приведя только те данные, которые необходимы для нашей статьи.

⁷⁷ В частности, в Уруке, из которого происходит письмо Даян-бел-уцура к Итти-Мардук-балату TCL, IX, 124, о лодках, принадлежавших хозяину (см. E. Ebeling, *Neubabylonische Briefe aus Uruk*). Ранее Даян-бел-уцур вел дела Иддин-Мардука в Сиппаре, позднее он опять оказался в Сиппаре по поручениям Мардук-нацир-апли, у которого там имелось определенное имущество, см. М. А. Дандамаев, *Рабство в Вавилонии*, стр. 214.

бел-уцур выиграл дело. Эти документы доказывают, что богатые рабы в вопросах вытребования своих долгов и возмещения причиненного их имуществу ущерба юридически были так же полноправны, как и свободные⁷⁸.

В случае же, если рабу не удавалось получить обратно долг, за дело брался хозяин, требовавший от своего имени уплаты долга либо доказательства необоснованности претензий раба⁷⁹.

Ростовщическая и торговая деятельность рабов-агентов как бы дублировала деятельность главы дома Эгиби. Рабы-ростовщики также выдавали ссуды серебром под 20% в год, торговали излишками сельскохозяйственных продуктов и так же как хозяева «обслуживали» бедные слои свободного населения.

Выше уже говорилось о том, что рабы-агенты приносили главе делового дома не только громадную пользу, помогая ему в ведении дел, но и большой доход в виде оброка или в качестве хозяйской «доли» с самостоятельных операций. Хотелось бы отметить еще одну важнейшую сторону деятельности рабов-агентов в доме Эгиби: общность приемов ведения дел и интересов хозяев и рабов и взаимопомощь в необходимых для хозяина или раба случаях.

Важно еще и то, что в рассматриваемый нами период в доме Эгиби были не один и не два, а больше ростовщиков, связанных между собой общими имущественными интересами. Так, в начале деятельности Итти-Мардук-балату ростовщические ссуды и приобретение имущества осуществлял не только он сам, но и его отец и его раб-агент Набу-утир. Позднее, после смерти Набу-аххе-иддина, под кровом делового дома также действуют одновременно три ростовщика: Итти-Мардук-балату, Набу-утир и Нергал-рицуа. Затем Набу-утира сменяет новый раб-агент, Набу-ялу, а Нергал-рицуа—Даял-бел-уцур, продолжавшие действовать еще долгое время после смерти Итти-Мардук-балату при его наследнике, Мардук-нацир-апли. Отметим, что в последние годы жизни Итти-Мардук-балату в доме Эгиби действовали не только он сам, Даян-бел-уцур и Набу-ялу, но и Мардук-нацир-апли, выдававший крупные ссуды и обладавший большим имуществом.

⁷⁸ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 254.

⁷⁹ Там же, стр. 214.

Наличие одновременно нескольких ростовщиков—характернейшая черта деятельности дома Эгиби, говорящая о повышенной в нововавилонский период потребности в свободных денежных средствах и увеличении объема торговли, когда глава дома не способен был один справиться с множеством операций. С другой стороны, она свидетельствует о достижении домом Эгиби невиданного до того периода благосостояния и о распространении его деятельности за пределы Вавилона. Достижение домом Эгиби такого благосостояния было бы недостаточно объяснить лишь удачными деловыми (ростовщическими и торговыми) операциями глав дома. По всей вероятности, немало способствовала этому и выгодная женитьба Итти-Мардук-балату на Нупте, дочери Иддин-Мардука, главы дома Нур-Син. Кроме большого приданого (24 мины серебра), Нупта принесла дому Эгиби устойчивые финансовые связи с домами Нур-Син и Набая, богатейшими и влиятельными семействами Вавилона⁸⁰.

Хотя по закону приданое жены оставалось в ее распоряжении, Итти-Мардук-балату, по-видимому, потратил его в своих целях, возместив позднее его стоимость купленными на имя жены рабами⁸¹.

То же самое сделал и его наследник с приданным своей жены, Абат-Бау из рода Набая (30 мин серебра, две мины золота и рабы). Вместо потраченной части ее приданого Мардук-нацир-апли передал ей право на владение финиковой рощей, зерновым полем и рабом Даян-бел-уцуром вместе с его семьей.

При всем том, что приданое жены оставалось формально в ее распоряжении⁸², фактически оно вливалось при жизни мужа в его имущество и в доме Эгиби служило как бы резервом для проведения операций при отсутствии свободных средств. Тот же Мардук-нацир-апли, нуждаясь в деньгах, заложил Даян-бел-уцу-

⁸⁰ S. Weingart, S. 40, Cyl. 129, 130, M. A. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 127, 167, 212, 755, LNB, XVIII, 55, 57, 80, 83.

⁸¹ M. A. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 208.

⁸² Жена имела право распоряжаться им по своему усмотрению. См. M. A. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 208, о продаже Абат-Бау раба Даян-бел-уцура с семьей. Даг. 429.

ра—имущество жены⁸³. По-видимому, позднее, при первом же удобном случае, приданое жены восстанавливалось и после смерти мужа оставалось в ее собственности. (Наследство, оставшееся после матери, делилось между ее сыновьями⁸⁴ и, возможно, это один из источников совместного владения имуществом Итти-Мардук-балату и его братьями).

Приданое безусловно обогащало глав дома Эгнби; кроме двух указанных приданных имеются еще данные о приданом сестры и трех дочерей Итти-Мардук-балату⁸⁵.

В начале 543 г. до н. э. Итти-Мардук-балату получил часть приданого жены, а через 10 дней выплатил приданое своей сестры, обещанное еще отцом: 2 кур поля, пятерых рабов и домашнюю утварь (Nbd. 760). За старшей дочерью в 535 г. до н. э. Итти-Мардук-балату обещал 10 мин серебра, 5 рабов и домашнюю утварь, однако из контрактов 526 года выясняется, что зять его приданого не получил, видимо, потому, что невеста до свадьбы не дождала. За того же человека, Итти-Набу-балату, потомка Бел-этера, выходит средняя дочь Итти-Мардук-балату, но получает меньшее по размеру приданое: [...] кур поля, трех рабов и домашнюю утварь. Тот же Итти-Набу-балату стал совладельцем одного из полей тестя, обязуясь совместно орошать хорошую и плохую землю⁸⁶. В тот же день Итти-Мардук-балату выдает замуж младшую дочь, обещая за ней приданое, по-видимому, равное приданому средней дочери.

Несмотря на то, что точные размеры земли, выделенной в приданое дочерям, нам не известны, можно предположить, сравнив их с приданным сестры Итти-Мардук-балату⁸⁷, что было выделено примерно 5—6 га земли и 6 рабов обоим дочерям вместе. Серебро не упомянуто ни в брачном контракте сестры, ни в брачных контрактах младших дочерей Итти-Мардук-балату.

⁸³ Там же.

⁸⁴ E. Szlechter, LNB, т. XVIII, стр. 53.

⁸⁵ Документы Суг. 143, Camb. 214, 215, 216, 217, Nbd. 760; М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 126, 127, 130. LNB XIX, 47, 53, 62, 63.

⁸⁶ M. San-Nicolò, Beiträge zur Rechtsgeschichte, стр. 187.

⁸⁷ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 127.

В общей сложности приданое сестры и двух дочерей Итти-Мардук-балату, по-видимому, не превышало 7,5—8 га земли и 11 рабов. Стоимость его могла колебаться в пределах 20 мин серебра⁸⁸. Приведем содержание еще одного документа о разделе имущества дома Эгиби. В Самб. 365⁸⁹ между Итти-Мардук-балату и одним из его родственников было разделено определенное имущество. Итти-Мардук-балату выдал своему родственнику 1/2 мины серебра и 6 рабов. Что послужило поводом для раздела и почему родственники совместно владели имуществом, неизвестно. Однако в сумме все выданное имущество не превышало, по-видимому, 10 мин серебра.

Таковы основные известные нам расходы делового дома Эгиби, связанные с выделением приданого и разделами имущества, бывшего до этого в совместном пользовании.

Отметим, что деловой дом Эгиби стремился использовать не только то имущество, которое безраздельно принадлежало главе дома либо его жене, но и имущество, находившееся в совместном пользовании с братьями, родственниками или торговыми компаньонами Итти-Мардук-балату. В таких случаях документы отмечают, что арендная плата с поля принадлежит обоим арендодателям⁹⁰.

Имущество, находившееся в совместном пользовании, судя по малому числу упоминаний, составляло небольшую часть всего имущества, принадлежавшего главе дома. Источником совладения имуществом могли быть торговые операции, в результате которых приобретались поля, рабы, скот, продукты и прочие предметы; выделение части поля в приданое дочерям, часть наследства отца. Так, после раздела наследства Итти-Мардук-балату в 508 г. до н. э. неразделенными остались поля, крупный рогатый скот, овцы, ослы, лошади, беглые рабы и их имущество, еще один раб с семьей и пекулием, прочая собственность в пригороде Киша и совместное с торговыми компаньонами владение (Dag. 379.).

Источником же единоличного владения имуществом была куп-

⁸⁸ О стоимости земли и рабов в нововавилонский период см. там же, стр. 121—125.

⁸⁹ Там же, стр. 129, 238.

⁹⁰ *M. San-Nicolò*, Beiträage zur Rechtsgeschichte.

ля и обмен домов, полей, рабов и разных нужных в хозяйстве предметов.

Документы архива Эгиби свидетельствуют о том, что с 555 по 522 гг. до н. э. Итти-Мардук-балату купил 8 домов и обменял трех рабынь еще на один дом в Борсиппе. Кроме того, TCL XII, 120 и Nbd. 77 дают сведения о двух домах, принадлежавших Итти-Мардук-балату в Вавилоне, а арендные договоры упоминают дом в Кише и 14 домов в самом Вавилоне. К сожалению, идентифицировать дома, сданные в аренду, с купленными нет возможности, так как арендные договоры не указывают точного расположения домов.

С другой стороны, Dag. 379⁹¹ указывает, что Мардук-нацир-апли получил 10 домов в Вавилоне и Борсиппе (среди них два незастроенных участка) и 6 мин серебра, два младших брата получили 6 домов в Вавилоне и Борсиппе и 6 мин серебра. Кроме того, остался в совместном владении дом в Хурсагкаламе и имущество, вырученное в торговых операциях.

В Dag. 379 не упомянуто имущество, которым братья уже владели до раздела⁹². Таким образом, количество домов главной ветви Эгиби в 508 г. до н. э. превышало названные в Dag. 379 17 домов. Поскольку имеются сведения о купле и обмене Итти-Мардук-балату девяти домов, то количество домов возросло в период деятельности Итти-Мардук-балату более чем вдвое. Кроме сведений о домах, Dag. 379 поименно перечисляет более 100 рабов, больше половины которых получил Мардук-нацир-апли.

За годы деятельности Итти-Мардук-балату им было приобретено 49 рабов, из коих продано и отдано в приданое всего 17 человек. Кроме купленных рабов, имелись в деловом доме Эгиби рабы, полученные в качестве доли Итти-Мардук-балату при дележах доходов с торговли. Напомним, что каждый участник дележа получал не менее 4 рабов⁹³ либо их цену серебром⁹⁴.

⁹¹ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 61, 62, 70, 129, 130, 134, 145, 161, 231, 238.

⁹² Там же, стр. 129.

⁹³ Там же, стр. 120, 134—по 6 рабов досталось каждому участнику дележа.

⁹⁴ Nbd. 787, см. М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 61, 124, 125. Итти-Мардук-балату получил 25 мин серебра—цену четырех рабов.

Таким образом, число рабов дома Эгиби при Итти-Мардук-балату также возросло вдвое, а после его смерти общее число рабов, принадлежавших дому Эгиби, превышало 200 человек⁹⁵.

Поля, принадлежавшие Итти-Мардук-балату, остались в совместном пользовании всех трех его наследников до следующего дележа (Даг. 379). Поскольку Даг. 379 не дает сведений о количестве полей Итти-Мардук-балату, документы о купле, продаже, обмене и аренде земельных участков приобретают первостепенную важность.

За годы своей деятельности Итти-Мардук-балату купил 9 полей⁹⁶, обменял еще два на поле в Вавилоне и Кише⁹⁷ и приобрел еще одно поле, заложенное у его раба, Набу-утира⁹⁸. Кроме того, известно, что в процессе торговли вместе с прочим имуществом приобретались также и земельные участки.

В документах архива Эгиби, относящихся к деятельности Итти-Мардук-балату, содержатся сведения о двух таких земельных участках (Nbd. 787, TCL XIII, 160). Контракт о найме садовника для обработки поля дает сведения еще об одном земельном участке. Из упомянутых 15 земельных участков один был позднее продан⁹⁹, другой—поделен. Еще три поля были отданы в качестве приданого за сестрой и дочерьми Итти-Мардук-балату¹⁰⁰.

С другой стороны, документы об аренде дают сведения о 17 полях, принадлежавших Итти-Мардук-балату в Вавилоне и Борсиппе. Арендная плата за эти земельные участки разная, по-видимому, речь идет о полях различной величины. Конечно, число полей, принадлежавших Итти-Мардук-балату, превышало количество сданных им в аренду земельных участков, но, по-видимому, не намного. В доказательство приведем содержание документа Camb. 192 (527 г. до н. э.) о том, что поле и дома, сданные в арен-

⁹⁵ Там же, стр. 130.

⁹⁶ Nbd. 372, 470, 687, 1031, Cug 161, 320, 323, 346. *Koehler—Peiser*, *Aus dem babylonischen Rechtsleben*, стр. 69, Camb. 226.

⁹⁷ Camb. 349, 375.

⁹⁸ Cug. 337. См. *М. А. Дандамаев*, *Рабство в Вавилонии*, стр. 120.

⁹⁹ Cug. 264.

¹⁰⁰ Camb 217, 215, 216, 214. Nbd 760.

ду, должны были быть освобождены, так как Итти-Мардук-балату соби́рался насадить фруктовый сад. Очевидно, что если бы Итти-Мардук-балату имел свободный и удобный для насаждения фруктового сада земельный участок, он не лишился бы арендатора, приносящего ему доход.

Если предположить, что все имущество дома Эгиби при Итти-Мардук-балату удвоилось, так же как количество его рабов, можно заключить, что у семейства Эгиби с 555 по 522 гг. до н. э. имелось более 22 полей различной величины, большей частью сдаваемых в аренду.

Количество полей, домов и рабов, принадлежавших главам дома Эгиби по данным документов об аренде и купле и по Даг 379, также не отражает фактически все владения дома Эгиби так как по этим данным известно лишь имущество, принадлежавшее только главе дома. Чтобы составить более полное впечатление о всем имуществе дома Эгиби, надо принять во внимание пекулии принадлежавших им рабов, приданое жен членов дома Эгиби, имущество, которым независимо от отца владели сыновья.

Нам не известны случаи, когда главы дома Эгиби пытались бы отнять пекулий у своих рабов, но Даг 379 упоминает раба с семьей, обладавшего домом и прочим имуществом, которое пока остается неразделенным между братьями.

Пекулий рабов, часть которых была богаче многих состоятельных людей, их дома, поля, лодки и прочее имущество также входили во владения делового дома Эгиби. Хотя приобретали имущество и распоряжались им сами рабы, по закону оно принадлежало их хозяевам¹⁰¹.

Кроме рабов, домов и полей, упоминаемых в документах довольно часто, была еще некоторая часть имущества дома Эгиби, наличие которой не отражено в документах в должной мере. Даг 379 упоминает, что крупный рогатый скот, овцы, ослы, лошади, лодки, принадлежавшие Итти-Мардук-балату, также остались в общем владении братьев. Как и все прочие документы, упоминающие скот и лодки, принадлежавшие Итти-Мардук-бала-

¹⁰¹ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 230—231.

ту, Даг 379 не дает точных сведений о поголовье скота и количестве лодок. Можно предполагать, что у Итти-Мардук-балату было довольно большое стадо крупного рогатого скота (если он готов был ежемесячно выдавать кожевнику по десять воловьих шкур, Суг 148). Но кроме предположений, к сожалению, более определенно по этому поводу пока высказаться трудно. Долговая расписка Nbd. 523 упоминает, что не уплачен еще прежний долг—возникший из-за падежа барана. По-видимому, должником Итти-Мардук-балату был один из его пастухов, повинный в гибели барана.

О купле неизвестного количества ослов свидетельствует Суг 338¹⁰², составленный в Борсиппе.

О наличии лодок свидетельствуют документы о купле кожаных парусов и письмо Даян-бел-уцура о лодках Итти-Мардук-балату (TCL XIII, 124).

Скот Итти-Мардук-балату, по большей части, по-видимому, закупал, хотя документы об этом отсутствуют. Кроме того, крупный рогатый скот и овцы приобретались также в процессе торговых операций и после окончания торговли подлежали дележу, как и все прочее приобретенное имущество (Nbd. 787).

Величина хозяйства делового дома Эгиби (более 17 домов и 290 полей, около 200 рабов, стада крупного рогатого скота, овец, вьючные животные, лодки) по сравнению с хозяйством среднего вавилонянина, так же как использование им движимого и недвижимого имущества в арендных и торговых операциях показывают, что в нововавилонскую эпоху усилился процесс социального расслоения, но при сравнительно высоком уровне жизни в Вавилонии VII—V вв. разорившиеся и лишившиеся земли люди могли наниматься на работу либо арендовать землю и таким образом прокормиться, не продавая себя в рабство¹⁰³. Обладая большим имуществом, дом Эгиби эксплуатировал обедневшие слои населения, получая от них прибыль в виде процентов на серебро или арендную плату. В свою очередь, обогащение делового дома при-

¹⁰² Demuth, стр. 431.

¹⁰³ М. А. Дандамаев, Рабство в Вавилонии, стр. 110—111.

водило к приобретению нового имущества, которое также пускалось в оборот.

Все ростовщики дома Эгиби стремились максимально использовать принадлежавшие им деньги, отдавая их под проценты; излишки натурального хозяйства—продавая их; дома и поля—отдавая их в аренду; рабов—посылая на оброк, либо отдавая внаем.

Деятельность дома Эгиби характерна и для других деловых домов Вавилоны VII—V вв. до н. э., но документы архива Эгиби более полно представляют весь объем операций и имущества деловых домов.

ИШТВАН БОРЖАК

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОТГОЛОСКИ ЛЕГЕНДЫ О СЕМИРАМИДЕ

Об образе легендарной царицы Шаммурамат Леманн-Гаупт в 1910 г. не без основания писал, что мы имеем дело «с одним из редких случаев, когда личность, являющаяся носителем и центром целой группы легенд, как таковая, возвращена истории». То, каким образом он пытался установить исторические факты по известным тогда клинописным и археологическим материалам, каким образом он выделял исторические черты из рассказов греко-римских писателей и показывал, «как из исторической личности развивается легендарный персонаж», — являлось в его время не малым достижением. Начиная с Леманн-Гаупта установлено, что Шаммурамат была женой ассирийского царя Шамши-Адада V (826—811), сына Салманассара III и матерью Адад-Нирари. Как «госпожа дворца» она должна была обладать постоянным, «далеко выходящим за пределы женских покоев влиянием» на царские мероприятия. Известно, что ее время было отмечено многократными войнами, в основном против мидян и доармянского государства Урарту, причем подчеркивалось, что эта деятельность «большей частью должна быть отнесена на счет властительницы», «которая в то время являлась душой власти». Эти преувеличения были значительно умерены новейшим исследованием (С. Паж, В. Шрамм). Не может быть и речи о регентстве Семирамиды при ее несовершеннолетнем сыне.

Как и прежде, остается примечательным то, каким образом Лемани-Гаупт из «преимущественно мифологического» изображения Ктесия (*Диод.*, II, 1—20) вывел исторически достоверное выдвигание мидян и населения области, позже обозначаемой как Армения, и объяснил великодушие Нина по отношению к якобы побежденному царю Армении; из всех народов и государств Передней Азии только одно, а именно—государство, процветавшее во времена Семирамиды на Армянском нагорье, смогло противостоять ассирийцам и сохранить свою независимость.

Лемани-Гаупту мы обязаны также объяснением происхождения легенды о Семирамиде. Он обратил внимание на то обстоятельство, что в легенде Семирамида и ее «получивший имя от названия Инневин муж» считаются первыми властителями Ассирии,— как будто и не существовал длинный ряд *ἐγχώριοι βασιλεῖς* (туземных царей)! Истинное положение вещей могло быть так сильно искажено только в представлениях того примитивного чужого народа, который после Салманасара III (835), как раз во времена Шаммураamat, вступил в более тесный контакт с Ассирией. Имеются в виду мидяне, которые в борьбе с грозной, великой державой не только смогли отстоять свою страну, но и—сначала с помощью Вавилонии—уничтожить Ассирию. Однако они все же были вынуждены уступить власть Ахеменидам.

В течение этой многовековой борьбы мидяне познакомились с Ассирийским государством как таковым, причем его прежние исторические достижения они приписывали, сильно все упрощая, своим современным противникам, а идею власти, проявлявшуюся в Иштар, они, вероятно, постигали через образ почитавшейся и у них богини Любви и Войны. Таким образом они присвоили многозначный образ Семирамиды, чтобы оправдать свое собственное стремление к власти и, во-вторых, чтобы посредством поклонения Семирамиде-Иштар получить доступ в сферу стран древней цивилизации.

К выяснению дальнейшей судьбы этой идеологии власти мы обратились на Будапештской конференции, которая была посвящена изучению доисламских источников центральноазиатской истории, причем мы, в связи с этим, с особым вниманием рассмотре-

ли образы Кира, египетского Сесострида и Александра Великого. Фактом унаследования этой идеологии может быть объяснено то, что определенные исторические завоевания или поражения Кира и Александра были в более поздней традиции приписаны легендарной Семирамиде. Ведь ассирийцы не предпринимали никаких походов против Согдианы, Бактрии, а тем более—Индии! Все, что можно найти в литературных источниках о мировых завоеваниях Нина и его жены, должно было быть инспирировано, кроме всего прочего, воспоминаниями об ассиро-вавилонских исторических традициях в эпоху мидо-вавилонской коалиции. Местное предание о Семирамиде в Армении покрылось пеленой легенд о мидо-персидских завоеваниях, чтобы затем, в сознании армян, приобрести новую расцветку. К этому прибавили кое-что свое легенда о Кире и роман об Александре.

Необходимо здесь сказать и о другой черте образа Семирамиды. Речь идет о ее знаменитой строительной деятельности, о результатах которой мы у малоазийца Страбона читаем следующее: «Что же касается Семирамиды, то кроме ее сооружений в Вавилоне, показывают и много других памятников, разбросанных почти по всей земле... курганы—так называемые курганы Семирамиды, стены, крепостные сооружения с водопроводами в них, водохранилища, лестницы, высеченные в скалах, каналы на реках и озерах, дороги и мосты». (Страбон, География, XVI, 1, 2, М., 1964, стр. 684). В другой связи мы уже указывали на эти *ἔργα Σεмираμίδος* (творения Семирамиды), точнее, на строительство оросительных сооружений как почетную обязанность древневосточных властителей. Эту строительную деятельность—как жизненную необходимость—мы находим и в Урарту, но в более поздней традиции она связана не с именами местных царей, а с именем давнего врага, легендарной ассирийской царицы: поучительный случай сдвига в историческом сознании, историографическое освещение которого здесь завело бы слишком далеко.

Благодаря определенным чертам эпического рассказа Ктесия, как, например, строительство *παράδεισος* (садов) на горе Бисутун или пролом сквозь Загрос—уже Артуру Кристенсену (1936) пришла на память романтическая история Фархада и Ширин. Мидо-ассирийское сказание о Семирамиде упоминается среди прототипов

этой легенды и у Г. Алиева, автора монографии о ней (1960), а также у Эйлерса, который недавно (1971) подверг подробному анализу возникновение и отзвуки этой древневосточной легенды. То, что можно найти о Фархаде-строителе в соответствующих древних рукописях, до обидного мало: это был «несчастный соперник Хосроя, который, чтобы добиться руки своей возлюбленной, почти уже насквозь прорыл гору Бисутун, но как только пришло ложное известие о смерти Ширин, испустил дух».

Когда мы затем прочли об этой легенде в новом (английском) издании «Энциклопедии ислама» (s. v.) в сущности то же самое, лишь только более документированное, нам стали сразу ясны не только ее прототипы, т. е. связь со строительной деятельностью древневосточных монархов, в частности с их жизненно необходимыми оросительными сооружениями, но также ее продолжение в последующей—даже и в сегодняшней—передне- и центрально-азиатской практике, ее отражение в народных преданиях и литературе, особенно принимая во внимание литературные обработки темы поэтами Низами (XII в.) и Навои (конец XV в.).

Общая черта, которая обнаруживается во всех вариантах повсюду распространенной легенды, заключается в том, что невероятно сильный, но в то же время впечатлительный, мудрый и гуманный Фархад, для своей боготворимой «сладкой» Ширин решает задачи, которые превосходят не только человеческие силы, но силы целого народа; он сам прорывает каналы (арыки) в горной местности, над чем бедные люди напрасно бьются годами. В другой версии он доставляет в недоступный замок Ширин по искусным акведукам молоко и вино. Его самым знаменитым подвигом является прорытие Бисутунской скалы, при котором он погибает из-за подлости своего соперника. Космограф Захария Казвинский (XI в.) с точностью указывает, каким образом умер Фархад: после получения ложной вести о смерти Ширин, в отчаянии он убил себя своей киркой.

В современной специальной литературе многократно затрагивалась тема распространения и дальнейшей жизни этой романтической легенды, что в данный момент не представляет для нас интереса. Зато чрезвычайно интересно проследить, как эта «восточ-

ная легенда» пришла на запад. Известны многие подражатели Низами, как, например, азербайджанский Ариф, который в середине XIV в. сочинил свое «Фархад-наме». В то же время появился тюркский перевод Кутба на территории Золотой орды и западно-анатолийская версия Фахр-эд-дина Якуба; существует также турецкая обработка Шейхи, относящаяся к первой половине XV в.

Что же касается знакомства с Навои на западе, то академику Е. Э. Бертельсу удалось доказать, что вторая часть собрания восточных рассказов (*Peregrinaggio di tre giovani figliuoli del re di Serendippo*), которые некий „бедный грешник“ — *povero peccatore* — по имени „*Christophoro Armeno della citta di Tavis*“ перевел с азербайджанского на итальянский и издал в 1557 г. в Венеции, принадлежит Навои. Другой эпизод из этого же круга рассказов — меткий выстрел Бахрама-Гура — был упомянут уже у Франка и Ханса Закса в 40-е гг. XVI в.

И, наконец, в венгерской всемирной хронике 1559 г. зибенбюргского гуманиста Стефана Шекей мы читаем следующую заметку к 718 г.: «Некий паннонийский царь захватил ров Черша, который не потому назван по имени царя Черша, что царь по этому рву привел невесту домой, но потому, что он этот ров приказал сделать еще до времен Аттилы, чтобы защитить страну». Здесь, как и в случае неотделимого от имени Семирамиды «Замка девы» (*Qizqa'ah*) в этой области, как в случае возводимого через море моста в сказке о волшебной лампе или прорытия скалы в центральноазиатской легенде и др., речь идет об известном мотиве интернациональной сокровищницы сказок, для которой в «*Motif-Index*» Стюса Томпсона мы находим следующие характеристики:

F 271.2.1: Fairies excavate passages

F 271.2.2: Fairies build causeway

H 359.1: Suitor test: building causeway

H 1131.2: Devil as suitor assigned task to build bridge or dam

H 1129.6: Building causeway as task

Следовательно, прав был венгерский ученый (Г. Надь), который отождествлял легендарного Черша или Чёрша с чёртом и видел во «рве Чёрша» типичное творение черта из сказок, причем

мы не должны упускать из виду возможные связи с древними мифологемами «Семирамида-Иштар», особенно с их более поздними мидо-армяно-анатолийскими вариантами.

Выше мы упоминали некоторые обработки романтической истории о Фархаде и Ширин XIV—XV вв., на которых возможно показать, что мотив построения оросительных сооружений, требующего сверхчеловеческих усилий, письменным ли путем или путем устных традиций, мог достигнуть и центрально-восточной Европы. Точно установлено, что Венгрия именно в этот период, т. е. в XIV—XV вв., не только поддерживала эпизодические дипломатические отношения с враждебными османскими землями, но также регулярно пользовалась торговым путем через Киликию, Каффу (Феодосию), Астрахань, особенно же Трапезунд и Тэбриз-Тавриз, и известно, что уже в XIV в. в зибенбургских городах были армянские купцы, которые, как «бедный грешник» Христофор, привозили с собой, безусловно, не только шафран, имбирь и перец, но также и проперченные восточные сказки. Наш гуманист и в то же самое время пламенный борец за реформацию в цитированном выше замечании из его всемирной хроники, вероятно, возразил бы против подобного проперченного «модерного» варианта Семирамиды-Ширин.

В заключение следует добавить, что одна деталь живущей по сей день легенды о Чёрше может объяснить упоминавшееся выше—почти что гротескное—самоубийство Фархада. В более поздних отголосках легенды о Семирамиде на венгерской земле есть вариант, по которому люди, принужденные к долголетнему тяжелому труду, убивают притесняющего их царя своими инструментами ударами по голове. Жестокый вариант, который, однако, как нам кажется, показывает всю глубину и приукрашенное сказочными мотивами настоящее ядро древней легенды.

Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

СТАРЫЙ ДВОРЕЦ ПОТОМКОВ АММИНАИИ И
DĪMTU ГОНЧАРОВ В АРРАПХЕ

(к истории общинного сектора экономики)

Телль аль-Фаххар—третье из городищ Аррапхи XV—XIV вв. до н. э., раскопанное в 1967—1968 гг. иракской службой древностей, до сих пор не имеет надежного отождествления с древним названием. Предложенное первоначально отождествление с поселением Ари отпало и, видимо, не без оснований. Ари находилось в округе города Нузы (совр. Иорган-Тепе), а Телль аль-Фаххар удален от Нузы на 35 км к юго-западу. Закрепляющееся уже в науке второе отождествление Телль аль-Фаххара с Курухани, видимо, также отпадет в дальнейшем. Дело в том, что в одном из писем архива, найденного в Телль аль-Фаххар, речь идет об аресте, который приказано произвести в Курухани—если бы местом ареста было городище Телль аль-Фаххар, то не было бы надобности называть топоним, как справедливо заметил И. М. Дьяконов.

Существенны сведения о расположении городища: Телль аль-Фаххар находится на середине дороги из Керкука (др. Город Богов) через Иорган-тепе (др. Нуза) к Фатхе,—другими словами, из культового центра страны и царской резиденции Аррапхи через один из крупнейших торгово-ремесленных центров страны к единственному естественному проходу в горной цепи Джебель

¹ *Yasin Mahmud Al-Khalesi, Tell al-Fakhar (Kuruhanni), a dimtu-settlement, Excavation Report, „Assur“, Malibu, 1977, p. 1—42.*

Хамрин к переправе через Тигр. Это «окно» несомненно использовалось для передачи в страну и далее средиземноморской соли, пурпурных тканей и пр. с запада, зерна из Вавилонии и встречных товаров, отмечающихся в нузийских актах: красителей, фруктов, тканей, керамики и т. д.

Городище имело в центре укрепление, раскопанное на две трети, общий размер платформы 60×30 м. Стены настолько массивны, что производят впечатление почти сплошной забутовки под верхние этажи. Не один, как предполагает раскопщик Аль-Халеси, а именно несколько. Наверх ведет постоянная лестница—следовательно, существование верхних помещений бесспорно. Аль-Халеси отмечает особую технику кладки стен, оставляемых несвязанными, аналогично касситскому Акар-Куфу и воротам Иштар в южной цитадели Вавилона, предполагая причину такой кладки в землетрясениях, засвидетельствованных для Ассирии как текстами, так и археологией. Возможно, это особый тип кладки для высоких зданий, в данном случае постройки, представляющих башенную архитектуру.

Основания стен крепости Телль аль-Фаххар имеют семь башенных выступов, два из них фланкируют вход в небольшой мощный дворик и самую большую комнату комплекса, которую Аль-Халеси называет приемной. Позади этой комнаты имеется помещение с частью архива. Вторая часть архива Телль аль-Фаххар найдена в самой глубине помещений нижнего этажа, между ванной комнатой и цепочкой комнатшек. Этих последних всего семь (№ 16—22). Размеры их и наличие в них углублений типа маленьких ниш навели Аль-Халеси на мысль, что это погребальные камеры. Здесь были найдены фрагменты человеческих костей и несколько табличек, попавших сюда, видимо, из архивной комнаты.

Погребения несомненно были ограблены при взятии крепости. Одна из комнат не связана с другими помещениями и имеет отдельный вход снаружи, с боковой стороны (пом. 26). Аль-Халеси считает ее гостевой. Не исключено, что это загон для скота. Первый этаж башенных укрепленных жилых комплексов, как правило,

имел помещение для скота². Это можно видеть и по известной модели трехэтажного башенного жилища из Базумуспана, в которой первый этаж как бы занят козой, высовывающейся в дверной проем (IM 60294).

Всего в укрепленном здании Телль аль-Фаххар открыто 26 помещений. Считая, что был всего один верхний этаж, Аль-Халеси предполагает существование примерно 45 помещений. Вместе с тем, он отмечает, что убитых было найдено 42 человека—слишком много, по его мнению, для такого количества комнат. Часть осажденных укрылась в канализационном канале крепости, спасая свои жизни и драгоценности. Там их настигли, убили и ограбили, но часть драгоценностей затерялась, археологи нашли их возле убитых.

В изданных Бахией Халил Исмаилом и Манфредом Мюллером пока еще единичных документах из архивов Телль аль-Фаххар содержатся сведения о контактах с Нузой³, тем более представляется странным отсутствие встречных упоминаний Куруханни в нузийских архивах. Это возвращает нас к мысли, что и второе отождествление городища так же, вероятно, неточно.

Трансформация городища в следующем археологическом слое примечательна: место прежних укреплений заняли жилые дома, среди которых преобладают мастерские гончаров. Наверное, не случайно и нынешнее название городища—«Телль гончара». Расположение всякого специализированного поселка гончаров определяется наличием подходящей глины и близостью торговой дороги. Другими словами, если мы будем искать тот единственный в своем роде поселок гончаров, который известен из нузийских текстов, то найдем его скорее всего именно на городище Телль аль-Фаххар. Поселок гончаров упоминается в архивах Нузы всегда без имени, как „керамикон“ (dimtu гончара, rajhjar-i-we гончаров, rajhjar-ašše). Для сопоставлений с Телль аль-Фаххар важно, что он числится в

² М. И. Джандиери и Г. И. Лежаева, Народная башенная архитектура, М., Стройиздат, 1976, стр. 14 и др.

³ Bahija Halil Ismail—Manfred Müller, Einige bemerkenswerte Urkunden aus Tell al-Fahhar Wirtschaftsgeschichte, „Die Welt des Orients“, IX, 1977, S. 14—34.

одном ряду с Заречьем (Ebertan: Н XIII 339, XIV 598). Видимо, речь идет о районе переправы через Тигр у Фатхи.

История поселка выделяет его среди других *dīnātu*, т. е. укрепленных башенных поселений, которых по данным Нузы было больше восьми десятков⁴. Он широко известен в специальной литературе, так как упоминается в знаменитом письме царя Митанни Саусадаттара, адресованном Итххи, т. е. ИтхиТешубу сыну Қибитешуба, царю Аррахи (Н IX, I). В этом письме Саусадаттар велит отделить для некоего Уге часть поселка гончаров, который прежде был полностью подарен Амминайе. Амминайа известна из одного нузийского акта (Н XIX, 57) как царица. По-видимому, поселок был дан ей как брачный дар. Саусадаттар, очевидно, обращается к ее мужу, ИтхиТешубу.

Поселок гончаров находился в районе города Ансуккаллу (JESHO XII/3 стр. 241 № 71). Видимо, здесь был построен дворец, в котором обитали потомки Амминайи, так как в дальнейшем он упоминается в их архиве как «Старый дворец» (ср. Н XIII 91 и 320). В районе Ансуккаллу находились и поля, принадлежавшие потомкам Амминайи, как можно видеть из отчета инспектора по орошению полей—Н IX 32, найденного в архиве царевичей.

В этом акте отмечена подача воды на поля царевичей Иррикерхэ, Хишмитешуба, Зилли (=ЗилТешуба), Муштеа (=МушТешуба), Сисадны, Кулиб-уге, Паитэ сына ШилвиТешуба. Последний, Паитешуб,—это, видимо, сын царевича от рабыни. Впоследствии он появляется в качестве раба-эконома в хозяйстве ШилвиТешуба. Паитешуб сменил в этой должности старого слугу царевичей, ПурнАбу, который также был связан со старым дворцом в районе Ансуккаллу. ПурнАбу вслед за царевичами переехал оттуда в Нузу, а затем купил дом в Ал-илани и отбыл в царскую резиденцию, видимо, когда ШилвиТешуб стал царем Аррахи⁵.

⁴ N. B. Jankowska, Communal Self-Government and the King of the State of Arrāḫa, JESHO XII/3, 1969, pp 239–241.

⁵ Н. Б. Янковская. Царские братья в родословной хурритских династий Аррахи, сб. статей «Культура Востока», изд. «Аврора», Л., 1978.

Старший из сыновей Амминайи, ХишмиТешуб⁶, переселился из Ансуккаллу первоначально во дворец Нузы, как можно видеть по актам распределения дворцовых комнат ему и его людям (Н XV 287 и 288). В связи с этим распределением комнат появился и акт раздачи тем же людям завес для дверных проемов и была заодно списана одна завеса, сгоревшая, когда умер царь Митанни Парратарна (Н XIII 165)⁷. Это упоминание явно давно минувшего события порядочно запутало выяснение хронологии Аррапхи и царской родословной. Упоминание смерти Парратарны не датирует текст в целом, речь идет лишь о мотивировке исчезновения пятой по счету завесы, а их было всего 30 штук.

Отметим попутно, что нужно различать дворцовое хозяйство и лично царское родовое имущество. Дворцовые имения были государственными, принадлежали городским общинам во главе с советом старейшин и назначенными советом градоначальником и дворцовым управляющим. Такое хозяйство имелось в каждом значительном центре, не только в царской резиденции. Это хозяйство устраивало приемы царскому эскорту и гостям государства за счет поборов с общин.

Не случайно царские родичи получают дворцовое добро под расписку (см. прим. 14), а долги хозяйству города возвращают (ср. например, расписку царевича Тешшуйи на возврат дворцового ячменя—Н XIII 397). Царский род, так же как и другие родовые организации страны, имел свои *dimātu*—башенные жилые комплексы, из которых известна *dimtu* царя ИтхибТиллы (RA XXIII, 26) и *dimtu* Нихрии (т. е. НихриТиллы сына АгибТешуба внука КибиТешуба, царя Аррапхи—основателя династии).

⁶ ХишмиТешуб не был мужем Амминайи, как полагает Е. Кассен (AAN, стр. 23), опираясь на заполнение лакуны текста Н XIV 592: между именами Амминайи и ХишмиТешуба в этом тексте стоит не меньше семи знаков, частью восстановленных Э. Р. Лахманом и крайне неубедительно. Жена ХишмиТешуба известна—это Тилунайя (ср. Н XIII 93 и 215: Лбукка—человек жены ХишмиТешуба—он же раб Тилунайи). Амминайя не появляется в Нузе; всеми ее владениями распоряжаются царевичи—несомненно, ее потомки.

⁷ I. M. Diakonoff—N. Jankowska. Zum Mythos von den vorderasiatischen Ariern: die „Leichenverbrennung“ des Königs Parrattarna, AoF 2, 1975, S. 131—132.

Последняя башня находилась в распоряжении царевича Худибурашэ (РА XXVIII, 6), двоюродного брата царевича ШилвиТешуба (см. «Царские братья»). Именно эти *dimātu* и были собственно царскими владениями, наследственным имуществом царского рода, в отличие от дворцового хозяйства, которое обеспечивало царское представительство, но не принадлежало царю на правах частной собственности.

Царевичи, перебравшиеся из своего родового имени в районе Ансуккаллу в Нузу, в дальнейшем приобрели свой дом, который раскопан на холме А, во внешнегородской застройке города. Здесь и был найден их архив, в основном состоящий из документов хозяйства царевича ШилвиТешуба. По нашим расчетам, это сын ХишмиТешуба и Тилунайи, внук Амминайи⁸. Большая часть сведений относительно общины гончаров восходит именно к этому архиву.

ШилвиТешуб был чрезвычайно деятельным человеком, одним из крупнейших кредиторов края. Среди актов его хозяйства для сравнений с поселком гончаров важен документ Н XIII 363, по которому царевич получил значительное имение, *dimtu* Шелвихэ, из рук хозяина общины, ШургиТиллы сына Агибташенни. Передача была оформлена через суд, сам же акт найден во дворце Нузы, а не в доме царевича.

В описи передаваемых владений Шелвихэ перечисляется 22 имера земель, расположенных ниже башни Шелвихэ—видимо, главное поле, находившееся в коллективном пользовании членов общины, и 17 парцелл: из них девять участков дают размеры в пределах одного имера—доли, обычно выделяемой на одного работника, два двойных надела, два тройных и три надела на шесть—семь работников. В общей сложности на этих отдельных парцеллах работало до сорока человек. Считая численность семьи в 4—5 человек, мы получаем среднее количество членов общины равным 160—200 человек.

В акте перечислены и постройки общины Шелвихэ. Их всего пять: это сама башня, имеющая 216 локтей в окружности, три

⁸ Н. Б. Янковская. Царские братья...

комплекса хранилищ от 115 до 223 локтей в окружности; пятая постройка не обмерена, так как, в отличие от четырех предыдущих, ее не закладывали за долги и, тем самым, не было надобности ее мерить. Видимо, это типичная для родовых общин, представляющих большесемейные коллективы, численность населения.

Писцовая династия АпалСина, имевшего свой родовой поселок, считая только тех его потомков, которые занимались писцовым делом, дает 8 сыновей, 20 внуков, 25 правнуков и 8 праправнуков⁹. Последнее поколение только вступало в активную жизнь, когда документация Аррапхи прервалась, иначе последних писцов было бы больше. В результате привычных для того времени ранних браков интервал между поколениями был, очевидно, менее двадцатилетия. В одних и тех же списках постоянно совмещаются два-три поколения, действующие, таким образом, частично одновременно¹⁰. Несомненно, в жизни могли сосуществовать и люди четырех поколений одновременно, если не пяти.

Возвращаясь к общине Шелвихэ, отметим, что среди заложенных за долги построек оказалась и башня—уже тем самым очевидно, что это была не боевая башня поселка, а его жилая постройка. В материалах судебного процесса относительно распоряжения боевой башней Киссук имеются сведения о том, что этой башней распоряжается вся округа, исполняющая воинскую службу по присяге хозяину боевой башни.

Ответственный за боевую башню и службу ее округи может быть назначен царем и должен быть признан округой (JESHO X 11/3, 260 сл.). Следовательно, долговые обязательства на такое сооружение распространиться не могут. Отличие боевой башни—общественного сооружения от жилой башни—убежища рода на случай опасности широко известны в этнографии¹¹. Чтобы вместить полторы-две сотни человек, башня должна была иметь не два этажа, а больше.

⁹ См. доклад Э. Р. Лахмана на XXV Международном конгр. востоковедов, М., 1962, стр. 236 сл.

¹⁰ Н. Б. Янковская. Царские братья..

¹¹ Джандиеры и Лежава. Народная башенная архитектура, стр. 13 и др.

Что касается численности людей в поселке гончаров, то в архиве ШилвиТешуба имеется один их поименный список, Н XI 454, в котором насчитывается 46 человек¹²—все, несомненно, взрослые люди. Считая численность семьи в 4—5 человек, мы получаем для *dimitu* гончаров примерно ту же цифру, что и для *dimitu* Шелвихэ.

После того как владения общины Шелвихэ перешли в руки царевича, место 17 парцелл заняло, как видно, единое поле, так как теперь в этом хозяйстве работают четыре земледельца, нанимающие у царевича четыре пары волов (Н XIII 323 и др.). Община расплачивается с царевичем за наем волов и за посевное зерно—120 имеров ячменя, 18 имеров пшеницы и 30 имеров эммера (Н XIII 428). Возможно, передача имени Шелвихэ и была погашением ее долгов царевичу.

По той же ведомости, Н XIII 428, берет посевное зерно и община гончаров: 125 имеров ячменя и 2 имера пшеницы. Волы гончары не нанимают, по всей видимости, пользуются тягловым скотом своего патрона. Так, постоянный представитель гончаров, Килдамули¹³ имеет свой выезд, но кони у него хозяйские (т. е. царевича), и он ежемесячно получает для их прокорма ячмень из хозяйских закромов (Н XIII 221:7, 11, 19, 43, 54—55). Очевидно, он пользуется лошадьми по распоряжению патрона.

По ведомости Н XIII 299 Килдамули получил 149 с половиной имеров ячменя для гончаров—видимо, посевное зерно для всей

¹² Несмотря на то, что поселок гончаров был подарен Амминяе царем с арийским именем (Сауссадаттаром), он, согласно этому списку, был заселен хурритами; ни одного арийца среди них нет. Тем самым, как думается, отпадает предположение Р. Гиришмана о том, что керамика типа нузийской по своему происхождению была арийской.

Вот список имен гончаров: Эл[х х х], Сумада, Худия, Шекайя, Куришше, Тункурашше, [Акку]лени, Табукур, Бе[х х х], Пурная, Херру, Ду[х х х], Шелвашу, Пухишени, [х х х]ная, Киззи, [х х х]лу, Ариматка, Ипшахалу, Тад[х х х], [х х]ние, Вахришени, Тупкия, УнабТешуб, Нулуэ, Пайки, Эхли-Тешуб, [х]лину, Худия, Вираххэ, Такшу, Қани, Кабада, Мулеа, АгиАбу, Улабтишши, Нигрия, Никия, Ашмуя, [Қир]укасси, [Э]шугру, [х х]хану, [Ари]хамаша, Хири[х], [х]ван[х х х].

¹³ Хурритизированное аккадское имя—«дар бога западных», Q'šī-Amurri.

общины. Гончары постоянно занимают зерно у царевича. Ведомость Н XIII 255 отмечает выдачу им 20 имеров ячменя (1500 л) — втрое больше, чем пастухам и общине Уннимуша.

Долговые расписки гончаров на ячмень не редкость: они берут ячмень и в пищу под процент до урожая по 1—2 имера (Н XIII 121, 132, 216, 480), один раз специально для детей — более 12 с половиной имеров (Н XIII 255), для домочадцев (чуть больше половины имера — Н XVI 82).

Часть своих долгов ШилвиТешубу гончары отработывают, изготавливая одежду для слуг царевича, т. е. простую, грубую (Н XIII 193, 246, 277). В обработке долгов в форме изготовления домашней одежды участвуют и пастухи — заказ и прием готовых одежд идет по весу и по тем же актам, что и расчет с гончарами.

Примечательно, что как гончары, так и пастухи имеют свой домашний ткацкий промысел, снабжающий их одеждой. Качество продукции у тех и других одинаковое — значительно ниже, чем у дворцовых ремесленников, среди которых царевич также распределял свои заказы, пользуясь тем, что в тяжелые годы дворцовое хозяйство занимало у него зерно для содержания ремесленников и челяди¹⁴.

Другие специализированные домашние общины Аррапхи: *dīmātu* ткачей, пастухов, торговцев также имели свое зерновое хозяйство, как и *dīmtu* гончаров. Тем не менее пастухи и гончары явно нуждались в постоянной поддержке кредитора, каковым для обеих общин был царевич ШилвиТешуб. За долги, накопившиеся в течение пяти лет по акту II XVI 46, должны были отвечать обе общины. Пастухи, по всей видимости, расплачивались с царевичем скотом: акт Н XVI 287 отмечает передачу царевичу

¹⁴ Один акт в архиве царевича насчитывает 1388 тканей, по всей вероятности, подготовленных для продажи. В Аррапхе имелась специализировавшаяся на изготовлении тканей община — *dīmtu* ткачей, которая, видимо, также работала на внешний рынок. Лучшие ткани изготавливали в мастерской царицы. Характерно, что выдача ей шерсти и заказ тканей шли по специальным актам. Один из них имеет ее печать и подтверждение факта получения шерсти и урока на изготовление определенных видов одежд, а сбоку, видимо, ее собственные пометки: пять черточек и пять точек, соответствующие двум десяткам разновидностей одежд, предназначенных для царевичей (Н XIV 121).

1560 овец. Чем расплатились гончары—неясно. Возможно, из средств, собранных за реализацию их продукции.

Изделия гончаров известны по прекрасным образцам посуды самого разнообразного назначения, найденным при раскопках разных городов. Она расходовалась широко и была для тех времен первоклассной по формам и декору.

Отношения гончаров с царевичем и характер их представительства прекрасно иллюстрирует акт N IX 34. Некий Ханайя, раб Бенди и Абушки¹⁵, видимо, отбывая в Митанни, передает для обработки все свои поля пятерым гончарам (Пухишени сыну Шаддуйи, Абили сыну Беллаххэшу, Шалайе сыну Пуийи, Шардэ сыну Агаийи и Авилу сыну Нурийи) с обязательством сохранить в целости его дом, волов, овец и коз.

В случае пропажи имущества отвечает за утраченное весь поселок гончаров. Замечательно то, что против обыкновения под актом нет печатей ответственных лиц, а стоит печать царевича ШилвиТешуба. Таким образом, за весь поселок отвечают не избранные контрагентом лица, а хозяин общины гончаров, царевич.

Все вместе приоткрывает завесу над загадочными актами дарения целых общин, подобных акту передачи владений Шелвихэ и общины КибиТешуба (JEN 493). Эта последняя община дарит 105 имеров своих земель начальнику военного округа ТехибТилле без какого бы то ни было указания на ее долги ему или любому другому кредитору. В дальнейшем наследники ТехибТиллы как будто не пользуются землями этой общины, не судятся из-за этих земель и не делят их, как бывало в тех случаях, когда общинные земли становились собственностью ТехибТиллы, будучи переданы ему по актам фиктивных усыновлений.

Видимо, смысл «дарения» состоял в том, что община приобретала патрона, который ее опекал и поддерживал в той или иной форме. Престиж патрона, несомненно, возрастал в результате та-

¹⁵ Абушка, хозяин этого раба, возможно,—один из сыновей Илану сына Тауки, потомок Уннугейи. Это—соседи царевичей по их нузийскому дому. От этой семьи остался архив, который старше архива царевичей на два поколения. Дом соседей углом вдается в постройку царевичей, от которого они отгородились двойной стеной.

кой дарственной, а «подаренная» община оказывалась в зависящем положении. Вместе с тем, это сохраняло общину как целое. Община Кибитешуба продолжает существовать и при внуках ТехибТиллы, упоминаясь в дворцовом акте N XV 128 в одном ряду с крупными родовыми именами.

Положение гончаров по сравнению с другими общинами было особенно трудным, так как они зависели от рыночной конъюнктуры, как всякое специализированное хозяйство. Только существование своего зернового хозяйства и поддержка патрона давали ей возможность удержаться на поверхности.

Существование специализированных хозяйств в форме большесемейных общин, по всей видимости, характерно для II тыс. до н. э. и более ранних эпох. Домашние общины неизменно возрождаются во все времена, когда требовалась самоизоляция. Переписка касситских и митанийских царей с фараонами Египта свидетельствуют о крайнем оскудении Месопотамии. О чрезвычайном напряжении экономики говорит и появление по всей зоне «плодородного полумесяца» беженцев *ḫarīgu*, покидавших земледельческие центры в поисках заработка. Это вне всяких сомнений поиски выхода из бедственного положения в форме бродяжничества¹⁶.

В Аррапхе, с ее родовым строем, беженцы-*ḫarīgu* из Аккада (Вавилонии) и Ашшура закладывают себя вместе с семьей в рабство в крупное частное хозяйство; на западе—это чаще всего государственные поселенцы, живущие крайне скученно¹⁷. Не случайно пословица говорит, что бродяжничество—это смелый выход из бедственного состояния, но только для тех, кто умеет бродяжничать¹⁸.

¹⁶ Дополнения Роутона к итогам обсуждения термина *ḫarīgu*, которые были подведены Боттеро, наголкнули Дж. Буччеллати на новое понимание этой категории людей, которое, однако, принять невозможно (см. *G. Buccellati, 'Arīgu and Munabūtū-Stateless of the First Cosmopolitan Age, JNES 36/2, 1977, p. 146*).

¹⁷ *Н. Б. Янковская*. Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, стр. 49—51.

¹⁸ *И. М. Дьяконов*. Общественные отношения в шумерском и вавилонском фольклоре, ВДИ, 1966, 1 стр. 9 сл. № 36: «Бродяжничество—(это) приносит в бедности силу: тот, кто умеет бродяжничать, становится могучим, он прибавляет (себе) силы больше, чем у сидящего (на месте)».

Возвращаясь к нашим гончарам, можно подвести итог сведениям о положении их укрепленного поселка—достаточно respectable, чтобы ему можно было доверять хорошее хозяйство для ухода за скотом и возделывания полей и, вместе с тем, всесторонние нуждающегося в поддержке патрона. Существенно, что никаких сведений о самом их промысле нет. Как пастухи были безграмотны и вели счет своей паствы камешками галечника (Л. Оппенгейм), так и гончары, по всей видимости, были бесписьменной общиной. Наличие архива в Телль аль-Фаххаре сразу ставит его в ряд царских имений или сооружений городской общины.

Дворцы городов, как правило, имеют свои архивы. Таков архив дворца Нузы. Однако есть одно обстоятельство особого порядка, выделяющее укрепление Телль аль-Фаххар. Напомним, что в этой крепости открыто семь комнат с погребальными нишами, которые Аль-Халеси связывает с культом домашних богов и духов предков, чтившихся в каждом крупном родовом центре. Жрецом такого культа был ewgi—хозяин домашней общины, старший в роду, глава организации, который был представителем ее в органах общинного самоуправления (JESHO XII/3 стр. 254). Инвентарь этих культовых комнаток, возможно, был изъят самими осажденными.

Попытка спасти драгоценности в канализационном канале, вероятно, эпизод, связанный с опустошенном камер. Так или иначе, судя по всему облику здания перед нами жилище значительного рода и самостоятельного. Это приводит нас к мысли, что Телль аль-Фаххар, скорее всего,—Старый дворец потомков Амниайн. И Старый дворец, и поселок гончаров находились в округе города Ансуккалу. Насколько это отождествление справедливо, покажет просопографическое исследование архива городища.

И. П. ВЕЙНБЕРГ

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕБЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

(«Канонические» пророчества в книге Паралипоменон)

1. В научной литературе¹ уже отмечено, что пророчества занимают особое место в сочинении хрониста², играют важную роль в обосновании его исторической концепции. Учет всех упоминаний пророков и цитат или пересказов их пророчеств в I—II Chr.³ доказывает, что в так называемых «внутритекстовых ссылках» (BC)⁴ преобладают (из 30 упоминаний 22, т. е. 73%) пророчества, которые встречаются только в I—II Chr. и не повторяются в Dtr.⁵ и поэтому названы «внеканоническими» пророчествами⁶. «Канонические» пророчества, приведенные в I—II Chr. и Dtr., составляют лишь 27% всех упоминаний пророков и пророчеств в «внутритекстовых ссылках» хрониста.

¹ A. C. Welch, *The Work of the Chronicler*, London, 1939, с. 42—51; J. Liver, *hsłwryh whysłwrywgrpyh bspr dbry hymym*, HMMMJ, стр. 226; T. Willi, *Die Chronik als Auslegung*, Göttingen, 1972, стр. 216—229 (FRLANT, 106), и др.

² Термин «хронист» употребляется условно, без уточнения вопроса об авторе (АХ) и редакторе (РХ).

³ И. П. Вейнберг, «Внеканонические» пророчества в книге Паралипоменон, «Материалы V годичной сессии Ленинградского института востоковедения», Л., 1975.

⁴ «Внутритекстовые ссылки» (BC)—условное обозначение «источников» и цитат из них внутри текста хрониста.

⁵ Dtr.—сигл для обозначения цикла «девятеронимических исторических сочинений» (Jos.—II R.) в Ветхом завете.

⁶ И. П. Вейнберг, Хронист и «внеканонические» пророчества (в печати).

Хотя удельный вес «канонических» пророчеств в ВС значительно меньше, чем «внеканонических», изучение первых представляется важным для понимания исторической концепции хрониста, его подхода к привлеченным им источникам. Показательна в этой связи полемика между Г. фон Радом⁷, заявившим, что для понимания творчества хрониста важны лишь те отрывки из I—II Chg., которые являются «специфически хронистскими частями», и Т. Вилли, указавшим на решающее значение исследования параллельных частей в I—II Chg. и Dtr. По нашему мнению, проникновение в сущность творчества хрониста, понимание его метода требуют в равной мере изучения того, что является «собственностью» самого хрониста, и того, что им почерпнуто из других ветхозаветных произведений, главным образом из Dtr. С учетом этой принципиальной установки мы приступаем к анализу «канонических» пророчеств во «внутритекстовых ссылках» у хрониста.

II. Изучение «канонических» пророчеств целесообразно начать с учета (табл. 1) пророков, упомянутых и цитируемых хронистом:

Таблица 1

№ п/п	Пророк	Царь	Тема пророчества
1	Натан	Давид	Вопрос о строительстве храма
2	Гад	.	Против учета населения; о строительстве алтаря Йахве
3	Ахийаху	Рехабе'ам	За раздел единого государства
4	Шема'йаху	.	Против попытки насильственного воссоединения обоих царств
5	400 пророков	Йехошанат	За совместный военный поход
6	Цидкийаху с. Кена'ана	.	обоих царств против Арамейского государства
7	Микайаху	.	Против такого совместного похода
8	Йеша'йаху	Йехизкийаху	О спасении Иерусалима от ассирийцев
9	Хулда	Йо'шйаху	О гибели храма и Йо'шйаху
10	Йирмейаху*	Цидкийаху	Плач о гибели Йо'шйаху О гибели государства и восстановлении храма Киром II

* Йирмейаху в Dtr. не упоминается.

⁷ G. von Rad, Das Geschichtsbild des chronistischen Werkes, Stuttgart, 1930, стр. 3 (BWANT, 4, H. 3).

⁸ Willi, Die Chronik, 50—51.

Данные I-й таблицы доказывают, что хронист привлекает «канонические» пророчества, равно как и «внеканонические»⁹, в повествованиях об идеальных с его точки зрения царях прошлого—Давиде, Йехошпате, Йехизкийаху и Йошыйаху, в описаниях ключевых для его исторической концепции событий дополненной истории—строительства храма и раскола единого государства, обнаружение рукописи *тора* и других.

Сказанное, однако, не выявляет примененные хронистом принципы и критерии отбора пророков и пророчеств из Dtr. Ключ к решению этого вопроса в анализе всей совокупности данных о «канонических» пророках.

1. Натан, носивший всегда титул *lābī'* (II Sam. 7,2, I R. 1,8; Ps. 51,2 и др.), упоминается в Dtr. в связи с тремя событиями: запретом бога Давиду строить храм (II Sam. 7,2—17=I Chr. 17,2—15), осуждением Давида за его поступок с 'Урийа (II Sam. 12,1—15), с мятежом 'Адонийаху и возведением на престол Шеломо (I R. 1,7—4,6). Хронист упоминает и цитирует Натана лишь в связи с первым эпизодом, вызвавшим обширную литературу, в которой наиболее распространенными являются следующие точки зрения: 1) в деятельности Натана, принадлежавшего к придворным кругам, нет ничего оппозиционного по отношению к царю¹⁰; 2) пророчество Натана содержит отрицание идеи божественности царской власти и утверждает принцип, что царь правит только как носитель возложенной на него богом ответственности¹¹; 3) Натан, как консервативный пророк Йахве, отстаивает традиции кочевого прошлого, мобильного Ковчега завета¹²; 4) оппозиция строительству храма исходит от 'элидов в Шило¹³, к которым присоединя-

⁹ Вейнберг, «Внеканонические...».

¹⁰ H. H. Guthrie Jr. *God and History in the Old Testament*, Greenwidge, 1960, стр. 68—70; P. A. H. de Boer, *The Son of God in the Old Testament*, OS, XVIII, 1973, стр. 192.

¹¹ W. I. Irwin, *The Hebrews*, LAAM, стр. 343—354.

¹² W. Eichrodt, *Theologie des Alten Testaments*, Berlin, 1957, стр. 43; H. J. Kraus, *Gottesdienst in Israel*, München, 1962, стр. 214.

¹³ T. E. Fretheim, *The Priestly Document: Anti-Temple!* VT, XVIII, 1968, 3, стр. 322—323.

ется Натан¹⁴; строительству храма противодействуют невузитские круги в Иерусалиме, с которыми Натан связан¹⁵.

Показательно также резкое осуждение пророками царя за гибель, по его вине, «хетта Урийа» (II Sam. 11, 3 сл.) одного «из знатных мужей в Иерусалиме»¹⁶. Совместно со священником Цадок, иерусалимское, даже невузитское, происхождение которого признается многими библистами¹⁷, влиятельным сановником Бенаяху с Йехойада¹⁸ и «героями (*haggibbôîm*), которые у Давида» (I R. I, 8 сл.)¹⁹ Натан возводит на престол Шеломо. Все это указывает на близость пророка к придворным кругам в Иерусалиме, где значительную роль играли представители местного ханаанейского населения²⁰.

Правильность этого вывода подтверждается данными ономастики, ибо имя Натан, характерное для допленного времени²¹ (ср. IAP, стр. 33, № 45—47; стр. 190—192, № 31—32, табл. XX, 1—2), бытовало у «колена» Йехуда (I Chr. 2,36 и др.) и среди Давидидов (II Sam. 5, 14 и др.), а в форме Нетан'ел и Нетан'а (ху) оно было

¹⁴ *Fretheim*, *The Priestly...*, стр. 322—323; по мнению А. Вейзера (*Die Tempelbaukrise*, ZAW, 77, 1965, 2, стр. 157—161), Натан возражал против «привызывания» Йахве к одному месту.

¹⁵ *G. W. Ahlström*, *Der Prophet Nathan und der Tempelbau*, VT, XI, 1961, 2, стр. 113—127; *M. Noth*, *David und Israel in 2. Samuel 7*, GSAT, стр. 342—345; *F. Stolz*, *Strukturen und Figuren im Kult von Jerusalem*, Berlin, 1970, стр. 7—8 (BZAW, 118); *J. J. M. Roberts*, *The Davidic Origin of the Zion Tradition*, JBL, 92, 1973, 3, стр. 330, прим. 6.

¹⁶ *A. Malamat*, *yrwšlm bšhr umyh*, 1973, стр. 147.

¹⁷ *Š. Yeivin*, *'mrklwt ysr'1*, BBR, стр. 58.

¹⁸ *A. Bentzen*, *Zur Geschichte der Šadokiden*, ZAW, 10(51), 1933, стр. 173—176; *Ahlström*, *Der Prophet Nathan*, стр. 121—122; *R. A. Rosenberg*, *The God Šedeq*, HUCA, XXXVI, 1965, стр. 165—168; *A. H. J. Gunneweg*, *Leviten und Priester*, Göttingen, 1965, 98—104 (FRLANT, 89) и др.

¹⁹ По мнению Ф. Швалли (*Zur Quellenkritik der historischen Bücher*, ZAW, 12, 1892, стр. 15), в I R 1—4 дан наиболее соответствующий действительности образ пророка.

²⁰ *Yeivin*, *'mrklwt*, стр. 53.

²¹ *M. Noth*, *Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung*, Stuttgart, 1928, стр. 22.

распространено в жреческой, особенно левитской среде (I Chr. 15,24; II Chr. 35,9 и др.).

Вышеизложенное позволяет видеть в Натане пророка, тесно связанного с придворными кругами и жречеством Иерусалима.

2. Гад, носивший всегда титул *hōze*²², фигурирует в трех эпизодах: по его совету Давид возвращается из Мо'аба в Иудею для продолжения борьбы за власть (I Sam. 22,5), пророк резко осуждает проведенный царем учет боеспособных мужчин (II Sam. 24,1—17=I Chr. 21,1—17) и является инициатором воздвижения алтаря (*lyhwh mizbēaḥ*) на «гумне Аравны» (II Sam. 24,18—19=I Chr. 21,18—19). Если в первом эпизоде Гад один из первых соратников Давида в борьбе за власть²³, а в третьем по его инициативе и в полном соответствии с намерениями царя закладываются основы будущего Иерусалимского храма²⁴, то во втором эпизоде позиция пророка близка к отрицательному отношению консервативных кругов родовой знати²⁵ к проведенному царем учету, явившемуся важным звеном в укреплении царской власти²⁶.

Имя Гад, бывшее наименованием древнего западносемитского божества (CIS I, 300, 5; 489, 3 и др.; Jes. 65, 11 и др.)²⁷ или образованное от слова *gād*=**gādā* (пойма, берег, II Sam. 24,5; I Chr. 12,9 и др.)²⁸, встречается в Ветхом завете как *ponen tribus* заиорданского «колена» (Dt. 3, 12, 16; Jos 1,12 и др.). Как личное имя, в форме Гадди и Гадди'ел, его носят представители «колена» Зе-

²² *Вейнберг*, Хронист.

²³ *J. H. Grönbaek*, *Die Geschichte vom Aufstieg Davids*, Copenhagen, 1971, стр. 147—151.

²⁴ *B. Mazar*, *yrwšlm—mḳdš mlk wbyl mmlkh*, JW, стр. 27—29; *Rosenberg*, *The God Šedeq*, стр. 161—177; *J. P. Weinberg*, *Die Agrarverhältnisse in der Bürger-Tempel-Gemeinde der Achämenidenzeit* (в печати)

²⁵ *Yeivin*, 'mrklwt, стр. 63; *И. П. Вейнберг*, *Новые течения в идеологии первой половины I тыс. до н. э.* (в печати).

²⁶ *Yeivin*, 'mrklwt, стр. 63—64; *J. Liver*, „wekol yiśra'el httyašū w^ehin-nām k^etūbim 'al seper malkē yiśra'el“, HMMJ, стр. 238—243.

²⁷ *Noth*, *Die israelitischen*, стр. 126—127; *Ch.-F. Jean, J. Hoftijzer*, *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'ouest*, Leiden, 1965, стр. 47.

²⁸ ПСб., III (74). 1964, стр. 35, прим. 33.

булун (Nu. 13, 10) и «колена» Менашше (Nu. 13, 11), половина которого поселилась в Заиорданье. Оттуда, точнее из Гиле'ада²⁹, пришел захвативший престол израильских царей Менахем с. Гадди, или Менахем из «колена» Гад (II R. 15, 14 слл.)³⁰, а гиле'адиты в свое время оказывали действительную, но не безусловную помощь Давиду (II Sam. 17, 27 слл.)³¹. Если учесть, что Гад назван *hōze dāwīd* (I Chr. 21.9 и др.) или *hannābī' hōze dāwīd* (II Sam. 24, 11), то в свете вышензложенного можно предположить, что пророк происходил из занорданской, гилеадитской знати, но был теснейшим образом связан с двором Давида и самим царем, что породило двойственность и противоречивость в его отношении к действиям царя (ср. отношение другого гиле'адита, Барзиллая к Давиду, II Sam. 19, 32 сл.).

3. 'Ахийа(ху), обозначенный титулом *nābī'*, в Dtr. упоминается как активный участник раздела единого государства (I R. 11,29—30; 12,5=11 Chr. 10,15), предсказавший, однако, гибель «дома Иаробе'ама» (I R. 14,2 сл.). Принадлежность пророка к жречеству в Шило доказывается не только топонимом *haššilōpī* (I R. 11,29 и др.), но также его именем, ибо теофорные имена с компонентом 'аh³² были характерны для 'элидов (I Sam 14, 3, 18; 21,2 и др.)³³. Библиенсты по-разному оценивают роль святилища в Шило в становлении йахвизма³⁴, но большинство³⁵ признает,

²⁹ Там же, стр. 35—37; *M. Haran*, 'lyth wrydyth šl mmlkt yrb'm bn yhw's „Zion“, XXXI, 1966, 1/2, стр. 18—38.

³⁰ О значении Гиле'ада для ветхозаветной истории и идеологии: *M. Ottosson*, *Gilead: Tradition and History*, Lund, 1967, 303 стр. (по рец.: *J. C. Moyer*, *JNES*, 30, 1971, 1, стр. 75—77).

³¹ *J. B. Curtis*, „East is East...“, *JBL*, 80, 1961, IV, стр. 355—363.

³² Предположение Л. Байли (*L. R. Bailey*, *The Golden Calf*, HUCA, XLII, 1971, стр. 103—114), что теофорные имена с компонентом 'аh указывают на связь «колен» группы Рахел с культом харранского бога Сина, малоубедительно.

³³ Об 'элидах: *E. Auerbach*, *hmdbr w'rš hbhryh*, 1957, стр. 106—109; *E. Nielsen*, *Shechem*, Copenhagen, 1955, стр. 186—188; *M. Noth*, *Samuel und Silo*, VT, XIII, 1963, 4, стр. 393—395; *Gunneweg*, *Leviten*, стр. 104—114, и др.

³⁴ *O. Eissfeldt*, *Silo und Jerusalem*, KS, III, стр. 417—425; *M. Haran*, *Shiloh and Jerusalem*, *JBL*, 81, 1962, I, стр. 14—24 и др.

³⁵ *M. A. Cohen*, *The Role of the Shilonite Priesthood in the United Monarchy of Ancient Israel*, HUCA, XXXVI, 1965, стр. 62—94; *J. H. Grönbaek*, *Ben-*

что 'элиды действительно содействовали расколу единого государства. Это, однако, не помешало сохранившемуся до VIII в. до н. э. святилищу³⁶ пользоваться большим влиянием в Иудее³⁷.

4. Шема'йа(ху), названный 'iš hā'ē'ōhīm³⁸, в Dtr. упоминается в связи с неосуществленной или потерпевшей неудачу попыткой Рехабе'ама насильственно воссоединить государство³⁹ (I R. 12,22—24 = II Chr. 11,2—4), но хронист приводит также пророчество⁴⁰ Шема'йаху в связи с вторжением фараона Шешонка в Иудею. Ономастологический анализ⁴¹ позволяет предположить принадлежность пророка к древнему роду деланадов, представителями которого были пророк 'Урийаху с. Шема'йаху из Кирйат-Хайе'арим⁴² (Jer. 26, 20 сл.; I Lach. IV, 6) и сановник Делайаху с. Шема'йаху (Jer. 36, 12), жившие на рубеже VII—VI вв. до н. э. и являвшиеся активными сторонниками пророка Йирмеяху. К этому роду принадлежал, по-видимому, также Шема'йа с. Делайа, с. Мехетаб'эла противник Нехемии (Neh. 6, 10—12)⁴³, тесно связанный, как, воз-

jamin und Juda. Erwägungen zu I. Kön. XII. 21—24, VT, XV, 1965, 4, стр. 424—429; J. Scharbert, Die Propheten Israels bis 700 v. Chr., Köln, 1965, стр. 51—56; I. Plein, Erwägungen zur Überlieferung von I Reg. 11, 26—14, 20, ZAW, 78, 1966, 1, стр. 8—24; J. Liver, spr dbry slmh, HMMMJ, стр. 99—104 и др.

³⁶ Новые раскопки в Телль-Сайлун (*M.-L. Buht, S. Holm-Nielsen, Shiloh. The Prehellenistic Remains, Copenhagen, 1969, стр. 62*) опровергают общепринятый вывод о разрушении Шило филистимлянами (*R. A. Pearce, Shiloh and Jer. VII, 12, 14—15, VT, XXIII, 1973, 1, стр. 105—108; J. van Rossum, Wanneer is Silo verwoest? NeThT, 24, 1969/1970, стр. 321—322*).

³⁷ *Noth, Samuel, стр. 397—399; Eisfeldt, Silo, стр. 416; Pearce, Shiloh, стр. 105—108; Rossum, Wanneer, стр. 321—322.*

³⁸ *Вейнберг, Хронист.*

³⁹ *Grönbaek, Benjamin, стр. 424—429.*

⁴⁰ Одно из «внеканонических» пророчеств: *Вейнберг, «Внеканонические».*

⁴¹ *И. П. Вейнберг, Ветхозаветная ономастика как исторический источник (рукопись).*

⁴² О роли Кирйат-Хайе'арим: *J. Blinkinsopp, Kiriath-Jearim and the Ark, JBL, 88, 1969, II, стр. 143—156; И. П. Вейнберг, Коллективы, названные по местностям, в ахеменидской Иудее. Ar Or, 42, 1974, 4, стр. 346.*

⁴³ *J. P. Weinberg, Zentral- und Partikulargewalt im achämenidischen Reich (в печати).*

можно, весь род деланадов, с занорданскими тобиадами⁴⁴. Связь «божьего человека» Шема'йаху с двором нудейских царей очевидна, а его принадлежность к иехудистской знати возможна.

5—7. 400 анонимных пророков и Цидкийаху с. Кена'ана (I R. 22, 5 слл. = II Chr. 18, 5 слл.) принадлежат к так называемым лжепророкам⁴⁵. Хронист относится к ним столь же враждебно, как девтерономист, противопоставляет им истинного *nābī' yhw* Микайаху с. Йимла' (I R. 22, 8 слл. = II Chr. 18, 7 слл.)⁴⁶, который, судя по контексту, действовал в северном царстве.

Поскольку имя Йимла/а' встречается только в рассматриваемом тексте, обратимся к более распространенному в допленное время имени Микайаху (Мика', Мика'эл и другие формы). Его носители встречаются в генеалогиях ашеритов (Nu. 13. 13) и иссакаритов (I Chr. 7, 3; 27, 18), но чаще среди ре'убенитов (I Chr. 5, 5, 13, 14) и особенно биньяминитов (I Chr. 18, 16), в том числе в ономастике потомков Ша'ула (II Sam. 9, 12 и др.) и влиятельных при дворе нудейских царей VII—VI вв. до н. э. шафанидов (Jer. 36, 11, 13), связанных, возможно, с биньяминитским городом Миша⁴⁷. Рассматриваемое имя было также популярно в левитской среде (I Chr. 23, 20; 24, 24; II Chr. 17, 7 и др.), а во второй половине VIII в. до н. э. действовал пророк Мика из нудейского города Мареша (Mi. 1, 1; Jer. 26, 18 и др.). Если учесть также, что рассматриваемое имя встречается в допленном эпиграфическом материале, частично, из Иудеи (IAP, стр. 141, № 22, табл. XVII, 8; ЕЕА, стр. 63, № 34, табл. XIII, 10), то деятельность пророка Микайаху с. Йимла в северном царстве отнюдь не исключает возможность его связи со знатью и жречеством Иудеи.

⁴⁴ W. F. A. [W. F. Albright], The Son of Tabeel (Isalah 7:6), BASOR, 140, Dec. 1955, стр. 34—35; B. Mazar, The Tobiads, IEJ, 7, 1957, 4, стр. 229—238.

⁴⁵ B. Uffenheimer, *mḥmtw šl yrmyhw bnby'y hškr*, PHLHB, VII, стр. 96; J. L. Crenshaw, Prophetic Conflict: Its Effect Upon Israelite Religion, Berlin, 1971, 149 стр. (BZAW) (по ред.: J. G. Williams, JBL, 91, 1972, III, стр. 402—404).

⁴⁶ H. Seebas, Mecha ben Jimla, „Kerygma und Dogma“, 19, 1973, стр. 109—124.

⁴⁷ J. P. Weinberg, Demographische Notizen zur Geschichte der nachexilischen Gemeinde in Juda, „Klio“, 54, 1972, стр. 49—50.

8. В отличие от девтерономиста, который часто цитирует пророка Йеша'йаху с. 'Амоца (II R. 19, 2 слл.; 20, 1 слл.), хронист упоминает его лишь один раз в связи с осадой Иерусалима ассирийцами (II Chr. 32, 20), опуская при этом его пространную молитву (II R. 19, 21—34). Не касаясь теперь вопроса о причине такого умолчания, отметим лишь принадлежность пророка к кругам столичной знати, его тесную, но не постоянную связь с двором иудейских царей и храмов⁴⁸.

9. Жительница Иерусалима пророчица Хулда (II R. 22, 14—20=II Chr. 34, 22—28) через своего мужа «хранителя одежды» в храме (II R. 22, 14) была тесно связана с Иерусалимским храмом. Вариант имени Хулда в masc. носит только один человек, «нетофатянин Хелед (или Хелдай)» (Chr. 11, 30; 27, 15), один из «героев» Давида⁴⁹, возможно, из числа его сородичей⁵⁰.

10. В отличие от девтерономиста, который ни разу не упоминает⁵¹ пророка «Йирмейаху с. Хилкйаху из священников, которые в [городе] 'Анатот на земле Биннамин» (Jer. I, 1), хронист уделяет этому пророку особое внимание: говорит о его плаче в связи с гибелью Йо'шйаху (II Chr. 35, 25)⁵², видит в пренебрежении царем Цидкийаху слов пророка основную причину гибели государства (II Chr. 36, 12)⁵³ и считает эдикт Кира II⁵⁴ исполнением «сло-

⁴⁸ Scharbert, *Die Propheten*, стр. 202—203, 259—309; R. Kniertm, *The Vocation of Isaiah*, VT, XVIII, 1963, I, 47—68; G. Fohrer, *Wandlungen Jesajas*, FWE, стр. 58—71, и др.

⁴⁹ А. Бурам, (dbry ymy yr'i bzmh hmkr' bmsgrt twldwt hmzrh hkdwm, 1961, стр. 372) доказывает, что многие из „героев“ Давида были родом из Бет-Лехема.

⁵⁰ Вейнберг, *Коллективы*, стр. 345—346.

⁵¹ J. Klausner, *mrnm hl' nkr ymyhw bspr mkyw*, MHA, 21—46. J. Liver, *twldwt byt dwyd*, 1959, стр. 57—60.

⁵² J. Skinner, *Prophecy and Religion. Studies in the Life of Jeremiah*, Cambridge, 1961, стр. 91—106; S. B. Frost, *The Death of Josiah; a Conspiracy of Silence*, JBL, 87, 1968, IV, стр. 369—382; G. Pfeifer, *Die Begegnung zwischen Pharao Necho und König Josia bei Megiddo*, MIO, 15, 1969, стр. 297—307, и др.

⁵³ A. Malamat, *Jeremia and the Last Two Kings of Judah*, PEQ, 83, Jan.-Apr. 1951, стр. 81—87; *он же*, *The Last Kings of Judah and the Fall of Jerusalem*, IEJ, 18, 1968, 3, стр. 137—156.

⁵⁴ Weinberg, *Zentral- und Partikulargewalt*.

ва Иахве, [сказанного] устами Иирмейаху» (II Chr. 36, 22). Укажем лишь дополнительно на вероятную генеалогическую связь пророка с 'элидами в Шило⁵⁵.

Обзор названных и цитируемых хронистом «канонических» пророков позволяет сделать ряд выводов:

I. Семь из 10 пророков (кроме № 5—6 и, возможно, № 7) принадлежали к кругам иудейской знати и жречества, были связаны с царским двором и храмом в Иерусалиме или с некоторыми святилищами биннаминитско-эфраимитского пограничного района (Шило, 'Анатот), что соответствует выводам, полученным при изучении «внеканонических» пророчеств в I—II Chr.⁵⁶

II. Из 9 пророков, названных поименно, шесть (№ 1, 2, 3, 4, 9, 10) обозначены по формуле X⁵⁷, применяемой на Древнем Востоке и в Палестине чаще всего по отношению к лицам, связанным с государственно-храмовым аппаратом⁵⁸, что подтверждает правильность вышесказанного.

III. При всем обилии названных и цитируемых хронистом «канонических» пророков им не использованы все приведенные в Dtr. пророки и пророчества. Выявление причин и мотивов, побудивших хрониста обходить молчанием того или иного пророка, может способствовать пониманию его избирательного подхода к источникам.

В некоторых случаях молчание объясняется несоответствием эпизодов, в которых действуют эти пророки, исторической концепции хрониста; например, он не упоминает пророчество Цадока потому, что вообще избегает говорить о теневых сторонах в истории Давида, или опускает пророчество против Менаше, поскольку он иначе чем девтеронимист оценивает правление этого царя и т. д.

Однако не всегда указанные причины объясняют молчание

⁵⁵ Skinner, Prophecy, стр. 18—20. Вейнберг, Коллективы, стр. 346.

⁵⁶ Вейнберг, Хронист.

⁵⁷ D. J. A. Clines, X, X ben Y, ben Y; Personal Names in Hebrew Narrative Style, VT, XXII, 1972, 3, стр. 266—287; J. P. Weinberg, Das *bēt 'ābōi* im 6—4. Jh. v. u. Z, VT, XXIII, 1973, 3, стр. 407—408.

⁵⁸ И. М. Дьяконов, Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э., ВДИ, 1976, 4, стр. 32.

хрониста. Он, например, резко осуждает религиозные мероприятия Ий̄роб'ама (II Chr. 11, 13—16), но не приводит два пророчества против основателя северного государства (I R. 13, 1—10, 11—32). Не мешало ли хронисту в данном случае упоминание в этих пророчествах святилища в Бет-'эле⁵⁹, существование которого он вообще скрывает?⁶⁰ В пользу такого предположения говорит также «заговор молчания» хрониста против занимающих столь значительное место в Dtr. пророков 'Элийаху́ и 'Элиша́.

Причиной тому не могло быть северопалестинское происхождение этого цикла пророческих легенд⁶¹, ибо хронист неоднократно упоминает и цитирует пророков, действующих в Израильском царстве. В пророчествах 'Элийаху́ и 'Элиша́ много тем и идей, близких хронисту, например, осуждение царей Израиля (I R. 21, 17—19; II R. 1, 3—16 и др.), поклонения чужим богам (I R. 18, 1—19, 2) и т. д. Значит, причины «заговора молчания» иные, и они могут быть определены путем выявления элементов, системных в пророчествах обоих пророков, но отсутствующих в I—II Chr.: 1. связь 'Элийаху́ и 'Элиша́ со святилищами в Бет-'эле, Иерихоне и других местах (II R. 2, 2—3, 13—24 и др.), о существовании которых хронист умалчивает; 2. активная роль в этих пророчествах «сынов пророков» (I R. 20, 35; II R. 2, 3, 5 и др.), ни разу не упомянутых в I—II Chr.; 3. обилие чудесного, магического⁶² в обо-

⁵⁹ J. Ph. Hyatt, The Deity Bethel and the Old Testament, JAOS, 59, 1939, 1, стр. 81—98; K. Gallig, Bethel und Gilgal, ZDPV, 67, 1944/1945, 1, стр. 21—43; O. Eissfeldt, Der Gott Bethel, KS, I, стр. 206—233; Вейнберг, Коллективы, стр. 347—348, и др.

⁶⁰ Об отрицательном отношении некоторых ветхозаветных традиций к Бет-'элу: Nielsen, Shechem, стр. 304—314.

⁶¹ G. Hölscher, Geschichtsschreibung in Israel, Lund, 1952, стр. 173—177; O. Eissfeldt, Die Komposition von I Reg. 16, 29 bis II Reg. 13, 25, DFNW, стр. 49—58; B. Albrektson, Prophecy and Politics in the Old Testament, MS, стр. 49; R. A. Carlson, Élisée—le successeur d'Élie, VT, XX, 1970, 4, стр. 385; H.-Chr. Schmitt, Elisa, Güterstoh, 1972, стр. 252 (по рец.: ZAW, 85, 1973, 1, стр. 134—135).

⁶² G. Fohrer, Prophetie und Magie, ZAW, 78, 1966, 1, стр. 25—47; A. Rofé, The Classification of the Prophetic Stories, JBL, 89, 1970, IV, стр. 429—439.

их пророчествах (I R. 17, 1—16. 17—24 и др.) не приемлемое, по-видимому, для хрониста⁶³.

Обзор цитируемых и неупомянутых хронистом «канонических» пророков и пророчеств доказывает наличие у автора I—II Chr. целенаправленного и осознанного избирательного подхода к пророческим традициям в Dtr. Он цитирует пророков, связанных с царским двором и храмом в Иерусалиме и с некоторыми святилищами биннаминитско-эфраимитского пограничного района, и исключает тех пророков, которые фигурируют в эпизодах, не входящих в рамки его повествования, или пророчества, содержащие внесистемные для хрониста элементы.

IV. Приступая к рассмотрению вопроса о том, как хронист цитирует «канонические» пророчества, следует учитывать вывод Т. Вилли⁶⁴, что характерным для хрониста приемом был «die Stücke aus Sam.-Könige versetzt mit kleinen Änderungen und deutenden Zusätzen wiederzugeben». Разработанная Т. Вилли система классификации всех привнесенных хронистом в тексты из Dtr. изменений и дополнений содержит девять категорий: I. Первоначальный текст в I—II Chr. соответствовал тексту оригинала в Sam.—R., но был испорчен в ходе традирования; II. первоначальный текст в I—II Chr. соответствовал тексту оригинала в Sam.—R., который был испорчен в ходе традирования; III. орфографические и грамматические изменения; IV. небольшие пропуски и сокращения; V. разъясняющие дополнения и изменения; VI. адаптации текста оригинала; VII. теологические модификации; VIII. рецензии текста оригинала, т. е. унификация понятий и представлений; IX. типологизация, т. е. придача единичным в оригинале явлениям и понятиям обобщенности и всеобщности⁶⁵. Поскольку категории I—II охватывают явления из области критики текста и мало что дают для понимания метода хрониста, то Т. Вилли⁶⁶ исключает их из дальнейшего анализа. Остальные семь категорий он группирует по трем уровням (Ebenen)⁶⁷:

⁶³ Irwin, *The Hebrews*, стр. 320—321; P. Fannon, *Emerging Secularity in the Old Testament*, „The Irish Theological Quarterly“, 40, 1973, стр. 29—37.

⁶⁴ Willi, *Die Chronik*, стр. 50—51.

⁶⁵ Там же, стр. 66—68.

⁶⁶ Там же, стр. 68.

⁶⁷ Там же, стр. 68—69.

редакция, которая проявляется в отборе из оригинала текстов, нужных для воплощения замысла хрониста, в их концентрации и акцентуации, и охватывает категории III—V⁶⁸; интерпретация, содержащая адаптирующую, догматически корректирующую, рецензирующую или типологизирующую тенденции, охватывает категории VI—IX⁶⁹; собственное историческое сочинительство (*Geschichtsschreibung*) хрониста.

Разработанная Т. Вилли классификация изменений и дополнений в заимствованных из Dtr. текстах заслуживает самого пристального внимания, однако вызывает также принципиальные возражения. Во-первых, в предложенной классификационной схеме допущено смещение разных таксономических уровней, ибо в основе выделения категорий III—IV и частично V положен объективный фактографический принцип, т. е. констатация и учет лингвистических изменений, а в основе категорий V—IX—субъективный аксиологический принцип, т. е. оценка и определение исследователем методов, примененных хронистом. Во-вторых, выделенные Т. Вилли три уровня могут быть результатами анализа, но не его средствами, а примененные в качестве последних, они придают всему анализу априорную заданность, обусловленную главной идеей исследователя — пониманием I—II Chr, как «интерпретацию—переложение» (*Auslegung*).

Примененная нами система классификации изменений и дополнений, внесенных хронистом в заимствованные из Dtr. тексты «канонических» пророчеств, включает два последовательно применяемых в процессе анализа уровня: А. на первом и первичном лингвистическом уровне фиксируется степень близости—отдаленности текстов хрониста и девтерономиста; Б. на втором и вторичном семантическом уровне выявляются семантические модификации в тексте хрониста, порожденные внесенными им лингвистическими изменениями.

На первом и первичном лингвистическом уровне (А) можно выделить четыре категории корреляции текстов хрониста и девтерономиста:

⁶⁸ Там же, стр. 78—111.

⁶⁹ Там же, стр. 111—169.

А I «полное совпадение» охватывает все случаи дословной передачи хронистом текста оригинала (I R. 22, 7=II Chr. 18, 6 и др.), включая незначительные изменения в орфографии и грамматике, которые, однако, не меняют содержания или смысла данной строки, например, *mē 'aḥar haṣṣōn* (II Sam. 7, 8) и *min 'aḥārē haṣṣōn* (I Chr. 17, 7), и др.

А II «частичное совпадение», когда хронист путем грамматических изменений (I R. 22, 6=II Chr., 18, 5 и др.), пропуска слова или слов (II Sam. 7, 9=Chr., 17, 8 и др.), дополнения словом или словами (I R. 22, 20=II Chr. 18, 19 и др.) и заменой слова или слов (II Sam. 7, 2=I Chr. 17, 3 и др.) варьирует заимствованный текст;

А III «частичное несовпадение», когда хронист, сохранив ядро, суть позаимствованного текста, вышеупомянутыми средствами меняет его тенденцию и направленность (II Sam. 24, 13=I Chr. 21, 12 и др.);

А IV «полное несовпадение», когда хронист высказывает мысль, аналогичную или близкую к той, что в оригинале, но выражает ее в совершенно другом материале, например, I R. 22, 2=II Chr. 18, 2 и др.

Семантические модификации (Б), применительно к «каноническим» пророчествам, могут быть разделены на три типологические группы:

Б I—модификации религиозно-культового содержания, включающие замены названий бога или иных явлений, упоминания других чем в Dtr. феноменов религиозной жизни и т. д.;

Б II—модификации социально-политического содержания, охватывающие изменения социально-политической терминологии, иную чем в Dtr. интерпретацию старых явлений и отражение новых и т. д.;

Б III—модификации событийно-бытового содержания, к которым относимы упоминания событий, не содержащихся в Dtr., или, наоборот, умолчания описанных там событий, различные явления и атрибуты быта, отсутствующие в оригинале или иначе чем в оригинале воспроизведенные и т. д.

Понятно, что вышеназложенные принципы анализа приложимы только к пяти «каноническим» пророчествам, цитированным

хронистом in extenso (I Chr. 17, 1—15, = II, Sam. 7, 1—17; I Chr. 21, 9—13, 18—19 = II Sam. 24, IIb—14, 18—19; II Chr. 11, 2—4 = I R. 12, 22—24; II Chr. 8, 4—27 = I R. 22, 5—28; II Chr. 34, 23—28 = II R. 22, 15—20). Поскольку объем журнальной статьи не позволяет воспроизвести анализ всех пяти «канонических» пророчеств, ограничимся обобщающим изложением полученных результатов.

А. Во 2-й таблице суммированы результаты анализа на лингвистическом уровне:

Таблица 2

Категории	„Канонические“ пророчества				
	I Chr. 17	I Chr. 21	II Chr. 11	II Chr. 18	II Chr. 34
A I	33%*	33%	0	79%	50%
A II	47%	50%	100%	21%	33%
A III	20%	17%	0	0	17%
A IV	0	0	0	0	0

* Процент выражает соотношение между количеством строк, содержащих изменения различных категорий, и общим количеством строк в данном пророчестве.

Полное отсутствие изменений категории А IV и редкое применение изменений категории А III доказывают, что хронист избегает радикальных преобразований позаимствованных им из Dtr. «канонических» пророчеств. Но хрониста нельзя причислить, как это делает М. Нот⁷⁰, к создателям Traditionswerke, механически объединявшим свои источники. Хронист чаще всего вносит изменения категорий А I и, особенно, А II позволяющих сохранить целостность цитируемого пророчества и одновременно вносить в тексты нужные семантические модификации.

Б. На уровне семантических модификаций в текстах пяти «канонических» пророчеств встречаются все три типологические группы.

В типологической группе Б I наиболее характерны модификации следующего содержания:

а. Замена доминирующего в текстах в Dtr. названия yhwñ словом 'ēlōhīm (I Chr. 17, 2, 3, ср. II Sam. 7, 3, 4; II Chr. 34, 27,

⁷⁰ М. Noth, Überlieferungsgeschichtliche Studien, I, Darmstadt 1957, стр. 171.

ср. II R. 22, 19 и др.), характерным для раннего допленного времени⁷¹, но ставшим в силу присущей ему универсальности особенно популярным в послепленное время⁷². С этой тенденцией, очевидно, связано стремление хрониста устранить черты излишней образности и антропоморфности бога⁷³, проявившееся в замене им формул bayit l'šibtî (II Sam. 7, 5) и bayit lišmî⁷⁴ (II Sam. 7, 13) формулами habbayit lāzabeî (I Chr. 17, 4) и li bayit [I Chr. 17, 12) и др.

6. Предположение некоторых библистов⁷⁵ о том, что в Ветхом завете упоминаются три разных Ковчега—древнейший 'āgôn hā'elōhîm (или yhw) в Шило, относящийся к времени Йо'шиаху 'āgôn b'gîṭ yhw⁷⁶, и поздний 'āgôn hā'ēdūt в Р., нуждается в проверке. Однако замена хронистом термина 'āgôn hā'elōhîm (II Sam. 7, 2) термином 'āgôn b'gîṭ yhw (I Chr. 17, 1), равно как и отсутствие в I—II Chr. характерного для Р. обозначения, соответствует уже отмеченной в науке близости хрониста к Dt.⁷⁷

⁷¹ O. Eissfeldt, *El und Jahwe*, KS, III, стр. 386—397; N. C. Habel, „Jahweh, Maker of Heaven and Earth“, JBL, 91, 1972, III, стр. 321—337, и др.

⁷² Rad, *Das Geschichtsbild*, стр. 3—8; M. H. Segal, *Composition of the Pentateuch*, „Scripta Hierosolymitana“, VIII, 1961, стр. 79—86; M. Weinfeld, *hmgmh h'wnbrslystyt whmgmh hnbdlnyt btkwpt šybt šywn*, „Tarbiš“, XXXIII, 1964, 3, стр. 228—242; R. A. Rosenberg, *Yahweh Becomes King*, JBL, LXXXV, 1966, III, стр. 297—307; M. Smith, *Palestinian Parties and Politics That Shaped the Old Testament*, New York, 1971, 356 стр. (по рец.: A. Pietersma, JBL, 91, 1971, IV, стр. 550—552); Will, *Die Chronik*, стр. 108, и др.

⁷³ Irwin, *The Hebrews*, стр. 230.

⁷⁴ P. de Bo („Le lieu que Jahvé a choisi pour établir son nom“, DNFV, стр. 219—228) указывает на древность этой формулы.

⁷⁵ J. Gutmann, *The History of the Ark*, ZAW, 83, 1971, I, стр. 22—30; L. Couard, *Die religiös-nationale Bedeutung der Lade Jahves*, стр. 69—70; ср. O. Eissfeldt, *Die Lade Jahwes in Geschichtserzählung, Sage und Lied*, „Das Altertum“, 14, 1968, 3, стр. 131—145.

⁷⁶ С этим выводом перекликается точка зрения многих библистов о позднем происхождении идиомы b'gîṭ: A. Jepsen, *Berith, Vult*, стр. 161—179; P. Buis, *La nouvelle alliance*, VT, XVIII, 1968, 1, стр. 1—15; L. Peritt, *Bundestheologie im Alten Testament*, Neukirchen-Vluyn, 1969, (WMANT, 35) (по рец.: M. J. Bus, JBL, 90, 1971, II, стр. 210—212; ZAW, 82, 1970, 3, стр. 493), и др.

⁷⁷ Rad, *Das Geschichtsbild*, стр. 57—62.

в. Введением в текст «канонического» пророчества образа *mal'ak* (ангел, I Chr. 21, 12, 18, ср. II Sam. 24, 13, 18) хронист следует древней традиции (Jdc. 2, 4; 6, 22 и др.)⁷⁸, одновременно отражая развивающуюся ангелологию своего времени (Zach. 1, 9, 14; 2, 7; Prov. 13, 7; и др.)⁷⁹.

В типологической группе Б II особенно показательны модификации следующего содержания:

а. Хронист заменяет термин *šamlākā* словом *mal'akūt* (I Chr. 17, 11, ср. II Sam. 7, 12), следуя при этом сдвигам в политической терминологии. Ведь из 115 упоминаний слова *šamlākā* в Ветхом завете 31 раз (27%) оно встречается в Dtr., ок. 40 раз (35%) у допленных пророков и всего 20 раз (17%) в I—II Chr., главным образом для обозначения иноземных государств (I Chr. 29, 29; II Chr. 20, 29 и др.), зато термин *mal'akūt* полностью преобладает в послепленных ветхозаветных сочинениях (Esth.: 25 раз = 28%; Dan.: 16 раз = 18%; Eshg. - Neh.: 8 раз = 9%; I—II Chr.: 28 раз = 30%).

б. Руководствуясь терминологической практикой своего времени, хронист преобразует также некоторые этно-политические термины из Dtr. Так, например, он неоднократно опускает термин *b'pē yišrā'el* (I Chr. 17, 6, ср. II Sam. 7, 7; II Chr. 11, 4, ср. I R. 12, 24) или заменяет его словом *yišrā'el*⁸⁰ (I Chr. 17, 5, 6, ср. II Sam. 7, 6, 7), и это соответствует тому факту, что из ок. 670 упоминаний в Ветхом завете рассматриваемого термина он лишь ок. 39 раз (6%) встречается в послепленных частях. Навряд ли можно объяснить преобразование хронистом формулы *melek y'e hūdā...kol bēṭ y'e hūdā wubinyāmīn w'e yeṭer hā'am* (I R. 12, 23) в формулу *melek y'e hūdā... kol yišrā'el biy'e hūdā wubinyāmīn* (II Chr. 11, 3) одним лишь стремлением убрать „само собою разумеющее-

⁷⁸ R. North, *Angel-Prophet or Satan-Prophet?* ZAW, 82, 1970, I, стр. 33—38.

⁷⁹ L. Finkelstein, *The Pharisees*, I, Philadelphia, 1940, стр. 160—185.

⁸⁰ Rad, *Das Geschichtsbild*, стр. 19—20; G. A. Dannel, *Studies in the Name Israel in the Old Testament*, Uppsala, 1946, стр. 281—284, 287—291; H. C. M. Vogt, *Studie zur nachexilischen Gemeinde in Esra-Nehemia*, Werl, 1966, стр. 47—65; J. Weinberg, *Der 'am hā'areš des 6—4. Jh. v. u. Z.*, „Klio“, 56, 1974, стр. 327—328.

ся⁸¹ в девтеронимическом тексте⁸¹. Причина представляется более глубокой, ибо изменением данной формулы хронист выражает претензию гражданско-храмовой общины быть представительницей всего народа⁸².

в. Перестановка хронистом членов в оппозиции «говорящий: слушающий» с «царь: пророк» (II Sam. 7, 2) на «пророк: царь» (I Chr. 17, 2) соответствует его пониманию роли пророков⁸³, а пропуск им слова *nābī'* (I Chr. 21, 9, ср. II Sam. 24, 11) перекликается с его предпочтением более древних терминов и форм пророческого движения⁸⁴.

В типологической группе Б III показательны:

а. Внесенные хронистом изменения текста, устраняющие противоречия и несогласованности событийного порядка: например, хронист пропускает часть строки, говорящей об избавлении Давида от всех его врагов (I Chr. 17, 1, ср. II Sam. 7, 1), ибо в его дальнейшем повествовании речь идет о войнах царя (I Chr. 18, 1—13; 19, 8—19 и др.), или он заменяет форму *sing.* в глаголах формой *plur.* (II Chr. 18, 5, 14, 18, ср. I R. 22, 6, 15, 19), поскольку последняя лучше согласуется с тем фактом, что в данном эпизоде действуют два царя—'Ах'аб и Йехошапат.

б. Заменяв характерную для допленного времени формулу, обозначающую смерть царя: *kī yiml'û yāmēykā w'šākabtā 'et 'ābōteykā* (II Sam. 7, 12; ср. I R. 1, 21; 2, 10 и др.) формулой: *w'ḥayā kī māl'û yāmēykā laleket 'im 'ābōteykā* (I Chr. 17, 11), или употребив вместо архаического выражения: *zar'ākā 'aḥḡēykā 'āšer yāše' mimmēykā* (II Sam. 7, 12, ср. Gn. 15, 4; II Sam. 16, 11) иное: *zar'ākā 'aḥarēykā 'āšer yihye mibbānēykā* (I Chr. 17, 11), хронист, по-видимому, руководствовался современной ему фразеологией.

⁸¹ *Willi*, Die Chronik, стр. 94—95.

⁸² *Vogt*, Studie, стр. 47—65; *Weinberg*, Der 'am hā'areš, стр. 327.

⁸³ *Welch*, The Work, стр. 42—51; *Liver*, hšwryh, стр. 226; *Willi*, Die Chronik, стр. 229.

⁸⁴ *Вейнберг*, Хронист.

Вышесказанное говорит об активно избирательном и творчески преобразующем подходе хрониста к источникам, по крайней мере к каноническим» пророчествам. Но не исключена возможность, что хронист пользовался такой версией или рецензией Dtr., которая отличалась от масоретской, и в которой выявленные лингвистические изменения уже наличествовали. Поэтому следует поставить вопрос о версии или рецензии Dtr., которой пользовался хронист.

V. Поскольку все цитируемые хронистом «канонические» пророчества взяты из II Sam.—II R., надо, в первую очередь, установить время завершения этих ветхозаветных сочинений. Не взирая на разногласию мнений о генезисе I—II Sam. и I—II R.⁸⁵, современная библеистика датирует их завершение VI в. до н. э. главным образом его второй половиной⁸⁶. Такая дата не слишком отдалена от времени канонизации «ранних пророков» ок. 200 г. до н. э.⁸⁷ и от времени деятельности хрониста в последней четверти V в.—первой половине IV в. до н. э.

Однако этот факт еще не доказывает, что в распоряжении хрониста был текст Dtr., близкий к масоретскому, ибо завершение и канонизация какого-либо ветхозаветного произведения не исключает наличия многочисленных версий и рецензий⁸⁸, наглядно

⁸⁵ Обзор новой литературы: *N. H. Snaith*, *The Historical Books*, OTMS, стр. 84—114.

⁸⁶ *J. Hempel*, *Althebräische Literatur und ihr hellenistisch-jüdisches Nachleben*, Potsdam, 1930, стр. 115; *Hölscher*, *Geschichtsschreibung*, стр. 179—196 (для сляя E); *A. Jepsen*, *Die Quellen des Königsbuches*, Halle, 1956, стр. 94—105; *A. Bentzen*, *Introduction to the Old Testament*, II, Copenhagen, 1957, стр. 99—100; *O. Eissfeldt*, *Einleitung in das Alte Testament*, Tübingen, 1956, стр. 337 сл. и др.

⁸⁷ *R. H. Pfeiffer*, *Introduction to the Old Testament*, New York—London, 1941, стр. 58—59; *Bentzen*, *Introduction*, I, стр. 24—25; *J. C. H. Lebram*, *Aspekte der alttestamentlichen Kanonbildung*, VT, XVIII, 1968, 2, стр. 180—184, и др.

⁸⁸ *Eissfeldt*, *Einleitung*, стр. 699—707; *Bentzen*, *Introduction*, I, стр. 50—51; *D. W. Thomas*, *The Textual Criticism of The Old Testament*, OTMS, стр. 243—248; *M. H. Goshen-Gottstein*, *Hebrew Biblical Manuscripts*, „Biblica“, 48, 1967 2, стр. 245.

засвидетельствованных в текстах Кумрана. Ф. Кросс⁸⁹ объединяет ныне известные версии библейских текстов в три рецензии (families)—палестинскую, египетскую и вавилонскую, сложившиеся в V—I вв. до н. э. По мнению исследователя, переводчики Септуагинты пользовались египетской рецензией, в IV в. до н. э. отпочковавшейся от палестинской, а в распоряжении хрониста была «an early form of the developing Palestinian text»⁹⁰.

Если выводы Ф. Кросса правильны, то сопоставление интересующих нас текстов «канонических» пророчеств в MSS и LXX позволит установить близость доступного нам масоретского текста к греческому и тем самым к той палестинской рецензии, которая была в распоряжении хрониста:

1. Все пять цитируемых хронистом «канонических» пророчеств имеются в Септуагинте, причем в таком же объеме как в масоретском тексте (II Sam. 7, 1—17=II Reg. 7, 1—17; I Sam. 24, 116—14, 18—19; II Reg. 24, 116—14, 18—19; I R. 12, 22—24=III Reg. 12, 22—24; I R. 22, 5—28=III Reg. 22, 5—28; II R. 22, 15—20=IV Reg. 22, 15—20), что особенно доказательно, учитывая частные расхождения между греческой и масоретской версиями по содержанию и объему.

2. Еще более доказательно сопоставление изменений лексики, внесенных хронистом в тексты «канонических» пророчеств⁹¹, с соответствующими местами из Dtr. в греческой и масоретской версиях: например, передавая пророчество Натана, хронист пропускает слово *timmišayim* (I Chr. 17, 5), которое имеется в LXX (II Reg. 7, 6) и MSS (II Sam. 7, 6); или в своей передаче пророчества Гада он вводит слово *mal'ak* (I Chr. 21, 12, 18), которого нет в LXX (Reg. 24, 13, 18) и MSS (II Sam. 24, 13, 18), и т. д. В пяти цитируемых «канонических» пророчествах имеется 31 изменение хронистом лексики, но в 27 случаях (87%) измененные им слова

⁸⁹ F. M. Cross Jr., *The Contribution of the Qumrân Discoveries to the Study of the Biblical Texts*. I.E.J. 16, 1965, 2, стр. 81—95.

⁹⁰ Там же, стр. 87—95.

⁹¹ Из такого сопоставления следует исключать все вариации названия бога, ибо в Септуагинте оно передается, в основном, терминами *θεός* и *κύριος*, без учета разнообразий в оригинале.

или словосочетания тождественны в LXX и MSS, т. е. масоретский текст близок к греческому и тем самым к той палестинской рецензии, которой пользовался хронист.

3. Лишь в четырех случаях (13%) изменение хронистом слова и словосочетания не совпадает в LXX и MSS (II Sam. 7,13≠II Reg. 7,13; II Sam. 7,15≠II Reg. 7,15; II Sam. 24,13≠II Reg. 24,13; I R. 22,20≠III Reg. 22,20), например, II Sam. 7,13: kissē' mam-laktô; II Reg. 7, 13—τὸν ἄρτον αὐτοῦ, I Chr. 17, 12: kiss'e'ô, или I R 22, 20: 'ah'āb; III Reg. 22, 20: 'Αγαθὴ βασιλεῖα Ἰσραηλ; II Chr. 18, 19: 'ah'āb melek yiśrā'el и др. Вероятнее всего предположить, что эти изменения не внесены хронистом, а имелись уже в той палестинской рецензии, которой он пользовался.

Вышесказанное позволяет заключить, что текст пяти «канонических» пророчеств, которым пользовался хронист, был очень близок к масоретскому⁹², а в таком случае сравнительное изучение текстов этих пророчеств в I—II Chr. и масоретском Dtr. обоснованное и правомерное.

Обобщая результаты данного исследования, можно заключить:

1. Подход хрониста к пророческой традиции в Dtr. был активно избирательным: он отбирает из пророков тех, которые принадлежали к кругам иудейской знати и жречества, были непосредственно связаны с царским двором и Иерусалимским храмом или некоторыми святилищами бениаминитско-эфрамнитского пограничного района; хронист обходит молчанием тех пророков, которые упомянуты в эпизодах, выходящих за рамки его повествования или если эти пророки связаны с святилищами в Бет'эле, Иерихоне и др., с «сынами пророков», а их пророчества перегружены элементами магии, чудес.

2. Масоретский текст цитируемых хронистом пяти «канонических» пророчеств близок к той палестинской рецензии, которой он пользовался, что делает возможным сравнительное изучение этих пророчеств в I—II Chr. и масоретском Dtr.

⁹² Соответствие цитат из пророчества Натана в 4 Q Flor. (Тексты Кумрана, выпуск I, М., 1971, стр. 270—280) масоретскому тексту II Sam. 7 также говорит о том, что «дошедший до нас масоретский текст основан на хорошей рукописной традиции» (И. Д. Амузин, Введение, в кн.: Тексты Кумрана, I, стр. 49).

или словосочетания тождественны в LXX и MSS, т. е. масоретский текст близок к греческому и тем самым к той палестинской рецензии, которой пользовался хронист.

3. Лишь в четырех случаях (13%) изменение хронистом слова и словосочетания не совпадает в LXX и MSS (II Sam. 7,13≠II Reg. 7,13; II Sam. 7,15≠II Reg. 7,15; II Sam. 24,13≠II Reg. 24,13; I R. 22,20≠III Reg. 22,20), например, II Sam. 7,13: kissē' mam-laktō; II Reg. 7, 13—τὸν ἄρτον αὐτοῦ, I Chr. 17, 12: kiss'ō, или I R 22, 20: 'ah'āb; III Reg. 22, 20: Ἀχαῶ βασιλεὺς Ἰσραήλ; II Chr. 18, 19: 'ah'āb melek yiśrā'el и др. Вероятнее всего предположить, что эти изменения не внесены хронистом, а имелись уже в той палестинской рецензии, которой он пользовался.

Вышесказанное позволяет заключить, что текст пяти «канонических» пророчеств, которым пользовался хронист, был очень близок к масоретскому⁹², а в таком случае сравнительное изучение текстов этих пророчеств в I—II Chr. и масоретском Dtr. обоснованное и правомерное.

Обобщая результаты данного исследования, можно заключить:

1. Подход хрониста к пророческой традиции в Dtr. был активно избирательным: он отбирает из пророков тех, которые принадлежали к кругам иудейской знати и жречества, были непосредственно связаны с царским двором и Иерусалимским храмом или некоторыми святилищами беннаминитско-эфраимитского пограничного района; хронист обходит молчанием тех пророков, которые упомянуты в эпизодах, выходящих за рамки его повествования или если эти пророки связаны с святилищами в Бет'эле, Иерихоне и др., с «сынами пророков», а их пророчества перегружены элементами магии, чудес.

2. Масоретский текст цитируемых хронистом пяти «канонических» пророчеств близок к той палестинской рецензии, которой он пользовался, что делает возможным сравнительное изучение этих пророчеств в I—II Chr. и масоретском Dtr.

⁹² Соответствие цитат из пророчества Натана в 4 Q Flg. (Тексты Кумрана, выпуск I, М., 1971, стр. 270—280) масоретскому тексту II Sam. 7 также говорит о том, что «дошедший до нас масоретский текст основан на хорошей рукописной традиции» (И. Д. Амусин, Введение, в кн.: Тексты Кумрана, I, стр. 49).

А. А. ПАПАЗЯН

СЛЕДЫ ДРЕВНЕАРАБСКОГО ОБЫЧАЯ В «КНИГЕ ИОВА»?

Как известно, книга Иова дошла до нас в составе Ветхого завета. Однако давно уже рядом исследователей высказывалось мнение, что она представляет собой произведение не древнееврейской, а эдомитской литературы. Указывалось, в частности, на эдомитские собственные имена (причем некоторые из них встречаются в древнеарабских, самудских, лихьянских и набатейских надписях), названия растений и зверей, не характерных для древней Палестины, встречающиеся в книге, на сравнительно большие отличия в лексике этой книги по сравнению с другими произведениями Библии¹. Однако до сих пор, по-видимому, не обращали внимания на то обстоятельство, что в книге Иова отразились некоторые особенности быта и нравов, которые также указывают на район контактов между северо-западными семитскими племенами (наиболее южным из которых были эдомиты) и племенами южно-семитскими (арабскими) как на место происхождения этой книги.

В начале книги Иова содержится рассказ, который, как кажется, нельзя считать продуктом древнееврейской—иудейской среды, и содержание и смысл которого также приближают книгу

¹ Сомнение в эдомитском происхождении книги Иова обычно связывается с тем, что верховным божеством в этой книге является Яхве, в то время как предполагается, что таким божеством в Эдоме был Кос (QWS', QWS). Однако, наличие общих племенных групп в составе как эдомитов, так и иудеев (кеназиты, см. Nu. 32, 12; Jos. 14, 6, 14; Dtn. 1, 13; 3, 9, 11; Gen. 15, 19 и др.) делает поклонение именно Яхве вполне вероятным, по крайней мере, для части эдомитов.

Иова к древним арабским племенам, жившим по соседству с Эдомом и упоминаемым в книге Иова.

В Job 1, 4, 5 мы читаем:

1, 4. И обычно сыновья его устраивали пиршества, каждый в своем доме, в свой день, и посылали и звали трех сестер своих есть и пить вместе с ними.

1, 5. А когда завершались дни пиршества (праздника), посылал Иов и освящал (очищал) их. И вставал рано утром и возносил всесожжения по числу всех их. Ибо говорил Иов: может быть, согрешили сыновья мои и похулили Бога в сердце своем. Так делал Иов все (такие) дни.

Вряд ли можно сомневаться в том, что здесь речь идет о каком-то празднике. На это указывают выражения: wəhālākū... wə'āsū...—имели обыкновение устраивать, обычно устраивали; kākā ul'āše' 'īyōb kol-hayyāmīm—так делал Иов все эти (такие) дни (hayyāmīm—с определенным артиклем); wayyūəhī kī hiqqīrū uətē hammište—и бывало, когда завершались дни пиршеств (ср. LXX: καὶ ὅς ἂν συνετέλεσθησαν αἱ ἡμέραι τοῦ πότου) „и каждый раз, когда завершались дни пиршества...“

Однако предположение (например, Н. Г. Тур-Синай и Р. де Во)² о том, что здесь говорится о празднике Кущей, кажется мало убедительным. Во всяком случае, древние комментаторы не видели здесь этого праздника. К тому же с бедуинским бытом Иова вряд ли можно связать этот земледельческий праздник. Но не исключена, правда, возможность, что описываемый здесь ритуал совершался в дни любого большого праздника. Как бы то ни было, при чтении этого отрывка создается впечатление, что речь идет здесь о регулярно устраиваемых пиршествах, в которых участвовали только братья и сестры (Иов, как видно из 1, 14, не участвовал в них), что пиры эти носили отчасти, если не полностью, оргиастический характер, так как требовалось, чтобы после этого отец, как глава семьи, совершал ритуал очищения и прино-

² N. H. Tur-Sinai, *The Book of Job, a New Commentary*, Jerusalem, 1957, стр. 7—8; R. de Vaux, *Les Institutions de l'Ancien Testament*, P., 1958, I, стр. 285.

сил искупительные жертвы по количеству всех участвовавших в них.

Можно предположить, что мы имеем дело с рассказом о каком-то древнем ритуале, воспроизводящем инцестный брак, совершавшийся уже в то время, когда браки между одноутробными братьями и сестрами считались недопустимыми. Вряд ли можно объяснить иначе участие женщины в пиршествах и необходимость ритуала очищения после этого. У евреев, как известно, инцестные браки уже давно были строго запрещены (см. Lev. 18, 6—18, Dtn. 27, 20; 22, 23 и др.). Что касается арабов, то у городских инцестные браки были запрещены еще до Мухаммеда. Лишь браки с двоюродными сестрами были очень распространены.

Однако у бедуинов, во всяком случае у некоторых племен, инцестные браки, по-видимому, существовали. У Якута (4, 620 изд. Wüstenfeld)³ рассказывается, что мекканцы считали своим превосходством перед бедуинами то, что они следовали во многом закону Авраама и избегали браков с сестрой, с дочерью сестры, с дочерью и дочерью дочери, избегая тем самым сходства с зороастрийцами. Известно, что у персов инцестные браки были очень распространены.

Подробное описание строго эндогамной патрилинейной семьи с существованием в ней инцестного брака в Южной Аравии мы находим у Страбона (География, XVI, 4, 25).

Таким образом, если считать предлагаемое толкование Job 1, 4, 5 допустимым, то это указывает на промежуточное положение эдомитов между израильянами и арабами в этнографическом отношении. Что касается конца 1, 5: «ибо говорил Иов: может быть, согрешили сыны мои и похулили Бога в сердце своем», то это, по-видимому, вставка составителя-иудея, который не мог иначе истолковать описываемые здесь события.

إذا كان بمكة و ما زاد في فضلها و فضل أهلها و مباينتهم³
العرب أنهم كانوا خلفاء متآلفين و متمسكين بكثير من شريعة
ابراهيم عم... و تباعد و أفي المناكح من البنات و بنت البنات و
والأخت و بنت الأخت غيرة و بعدا من المجوسية.

С первого взгляда кажется странным, что история Иова начинается с рассказа, не имеющего никакого отношения к сюжету и цели этой книги. Но если допустить, что следующий за этим рассказом отрывок 1, 6—12, содержащий диалог Бога с Сатаной— это поздняя вставка составителя, как предполагают некоторые ученые, то становится ясным, что рассказ об этом празднике является только объяснением того, почему дети Иова оказались вместе в одном доме, когда случилось несчастье. Это значит, что Job 1, 12 является продолжением Job 1, 5.

Таким образом, начало, т. е. вступление к основной части книги Иова, в первоначальном варианте содержало лаконичный рассказ о том, что был человек в земле Уц, праведный, совершенный и богобоязненный и с ним случились беды, одна из которых—гибель сыновей.

SUMMARIES

H. M. AVETISIAN

HURRIANS AT THE OUTSKIRTS OF ASIA MINOR
· BEFORE THE RISE OF THE EMPIRE OF MITANNI

A linguistic analysis of the Akkadian version of the bilingual text of Hattušili I mentioning the land of Hanigalbat, in connection with an analysis of historical data, has allowed the author to suggest that the Hurrian state of Mitanni did not arise in the end of the 16th Century B. C. (as is commonly assumed) but probably as early as the 17th century B. C.

Also discussed is the military-political history of the Old Hittite Kingdom from Hattušili I to Telepinu, with especial attention to the struggle of the Hurrians in Asia Minor against the Hittite Kingdom. The rivalry of the Hurrian state of Mitanni-Hanigalbat may have been responsible for the fact that the Hittites under Muršili I were unable to raid Upper Mesopotamia in the direction of the Habūr valley.

On the evidence of the texts (see notes 36, 38—40, 49, 50 above) it is suggested that Hitt. *Māla* is the same as Urart. *Meli[a]* and Greek *Melas*, Turk. *Karasu* (the Upper Euphrates), while Hitt. *Puruna*, Akkad. *Puran/Purattu*, Urart. *Purana* is the Euphrates below the Arsaniās (Muradsu).

HURRIAN-URARTIAN AND EASTERN-CAUCASIAN LANGUAGES

Already in „Hurrisch und Urartäisch“ (Munich, 1972) the author has called attention to a number of isoglosses between Hurrian-Urartian and Northwestern-Caucasian languages: however, two points prevented regarding both language groups as branches of a common language family, namely, (1) the wide use of apophony in Northwestern-Caucasian and its absence in Hurrian-Urartian, and (2) the existence of a four-gender system (*b-*, *w-*, *y-*, *d/r-*) in Northwestern-Caucasian and the absence of genders in Hurrian-Urartian. Lately M. L. Khachikian has been able to show the alternation of vowels, probably of an apophonic character, at least in one Hurrian dialect; and since there is reason to believe that the Northwestern-Caucasian gender-markers are of pronominal origin, the Hurrian, originally demonstrative, pronouns **bV*, **yV*, **dV* may be considered to be connected with them. Thus there is no longer any reason to doubt the genetic relationship between Hurrian-Urartian and Northwestern-Caucasian (the verbal systems are to a great extent dissimilar, but in all Northwestern-Caucasian languages they can easily be proved to be innovations).

New lexical isoglosses having been discovered since 1972, the number of lexemes common to both language groups now exceeds fifty, not counting the morphological isoglosses. It is probable that the Hurrian-Urartian and Northwestern-Caucasian languages constitute one language family, for which the name „East Caucasian“ is suggested.

M. L. KHACHIKIAN

DIALECTS IN HURRIAN

Until a short time ago it was usual to regard Hurrian as one language with very small dialectal differences. In the later years this has been shown to be a misconception.

In this paper some of the most important morphological differences between the Hurrian dialects (and Urartian) are listed in table form with the following results:

The Hurrian dialects can be subdivided into three groups;

1. The dialect of Urkiš (IIIrd millennium B. C., RA, 42, 1—20; Diakonoff, HU, 110¹²³) has some features distinguishing it from other Hurrian dialects and connecting it with Urartian;

2. The dialect „Ugaritic I“ (Syria, XII, 234—266; VDI 1975, 3, 21—38; although the text is found in Ugarit, it may possibly belong to another area) stands quite apart from the other Hurrian dialects; some features which connect it with „Ugaritic II“, or „Ugaritic“ proper, are probably secondary and due to territorial contacts with the Hurrian of Ugarit;

3. All the other Hurrian dialects (the „Babylonian“—including Mari, „Mitannian“, „Ugaritic II“, and „Asia Minor“). The most archaic of these is the „Babylonian“ dialect represented by older texts than the others (cf. *-b* at the end of participial and stative forms, extinct in the other dialects except for proper names but present in Urartian; the suffix *-ido* used not only in modal but also, as in Urartian, in indicative verbal forms). There are certain features in common between the „Ugaritic II“ and the „Asia Minor“ dialects. „Mitannian“ occupies a central position in this group.

I. T. KANEVA

SOME FEATURES OF THE HISTORY OF THE CASE SYSTEM IN SUMERIAN

(Function of the Instrumental-Ablative)

In this paper the capacity of the Sumerian Instrumental-Ablative of functioning also in the locative sense is discussed on the base of royal texts of the ED and Gudea periods and a number of epic and poetical texts, with the following results:

1. Instrumental-Ablative *-ta* is used to express the place of the action with nouns denoting orientation in space (top, middle, side), displaying a tendency to develop into stable adverbial phrases;

2. Constructions with the Instrumental-Ablative referring to the location of the actor inside a place from which the action issues, always express only ablative, not locative (inessive) relations (i. e., when one acts „from“, not „in“ a place);

3. In constructions of the type *Kiš^{ki}-a uru-nam-lugal-(l)a-ta* the Instrumental-Ablative has probably a causal connotation (i. e. „in Kiš, because/since it is a city of kingship“, or „in Kiš, being a city of kingship“);

4. In connection with verbs of state („to sit“, „to inhabit“ etc.) and with transitive verbs denoting the causing of a state („to set“, „to put“ etc.) the few instances of the use of Instrumental-Ablative *-ta* may perhaps be regarded as phonetic renderings of the Comitative *-da*.

5. The constructions with the noun in the Locative and the verb with the dimensional prefix of the Instrumental-Ablative do not corroborate the existence of a locative function of the Instrumental-Ablative. The verbs in question denote transference in space of the object or the subject of the action, and the noun in the Locative expresses the place of the action (the locus, milieu, medium etc.). Under these conditions only the locative case of the noun can be regarded as denoting the source (the point of departure) of the movement, while the ablative prefix in the verb can be explained as being lexicalized in connection with the semantics of the verb involving transference from one point to another.

6. These results are by no means definitive. A more extended corpus of texts may still show that the Instrumental-Ablative case did actually have a locative connotation.

V. A. JAKOBSON

THE NOTION OF STATE POWER IN ANCIENT MESOPOTAMIA

The author defines an „empire“ (in contrast to a „national state“) as an autarchic unity of economically interdependent provinces and attempts to establish the successive phases in the development of the Babylonian idea of state power. The first phase is represented by the „Sumerian King List“: the everlasting Kingship of the Land (and the predominance in it) passes from one city to

another. In the Prologue to the Laws of Hammurapi we encounter a new approach: Babylon is from now on the eternal abode of The Kingship, to be forever predominant in the Land.

The idea of the change of predominance from city to city afterwards developed into the idea of the change of the predominance of kingdoms (The Book of Daniel). St. Hieronymus transferred this notion to Europe (the doctrine of the *translatio imperii*). The European political thought was influenced by this doctrine for many centuries.

L. M. GOLOVLEVA

THE KINGDOM OF ALZI IN THE SECOND HALF OF THE II MILLENNIUM B. C.

The history of Alzi, one of the earliest state formations in the Armenian Highlands of the second half of the II mill. B. C., in spite of the originality of its development was closely connected with the empires of the Near East—Mitanni, the Hittite Kingdom and Assyria.

Most of the scholars locate Alzi to the North of the Tigris. In the author's point of view, this country stretched over a larger territory, namely: the plateau limited in the North-West, North and North-East by the foothills of the Eastern Taurus; in the South by the mountains of Tur-Abdin; and in the South-West by the range of Karacadag. It is not excluded that the South-West district of this plateau belonged to Mitanni as a constituent part. The extent of Alzi to the East is rather unclear. Perhaps Batman river was the natural boundary of Alzi.

The Hittite sources of the XIVth cent. B. C. give the first data about Alzi. They characterize it as a country which was taken seriously in consideration by Suppiluliumas I, one of the mightiest Hittite kings. Alzi actively interfered in the affairs of Mitanni, which at that time was weakened as the result of the campaign of Suppiluliumas I and of internal political disorders.

Alzi preserved its significant and independent status of a kingdom equal to Egypt, Babylon and Mitanni until the formation of the

Middle Assyrian state in Mesopotamia. The interests of the strengthening Assyria were mainly directed towards Mitanni in the North, since it could prevent the realization of the expansionist policy of the Assyrian kings. That is why the conquest of Mitanni became the main aim of the first Middle Assyrian kings—Adadnerari I and Shalmaneser I. The crushing defeat of Mitanni by Shalmaneser I opened an entrance into the valley of the Upper Tigris and hence to the Armenian Highlands, and furnished a key-position towards the valley of the Upper Euphrates, a region of extreme strategic importance.

Shalmaneser I was the first Assyrian king who penetrated into the valley of the Upper Tigris. He made an attempt to subdue the Kingdom of Alzi and its neighbouring Subarian „countries“ but failed.

The conquest of Subarian (Hurrian) countries was realized later by his son Tukulti-Ninurta I. The campaigns of Tukulti-Ninurta I weakened Alzi, which in fact lost its independence.

The reasons which allowed Alzi to become one of the most significant kingdoms of the above mentioned period should be sought in the natural conditions of that country. The formation of class society and the significance of Alzi as a kingdom were due to the extraction of copper from the mines situated in its territory (Ergani Maden). This in its turn brought about the development of the metal trade which probably enriched the State.

Analogous processes of formation and development of early class city-states (IIIrd—beginning of the IIrd mill. B. C.) owing to mining, and to international metal trade, are well known in connection with a number of settlements in the Armenian Highlands and Asia Minor.

G. KH. SARKISIAN

ISQU INCOME IN THE LATE-BABYLONIAN CITY AS AN ANALOGUE OF THE POLYS DELIVERIES

(Statement of the Question)

Polys deliveries-*θεωριάζα*, bounties, payment of public activities, ordinary and extraordinary distributions of bread, etc. are well known. They helped the poor sections of the citizens to participate together with the propertied in the city arrangements and thus con-

tributed to the consolidation of the citizens of the polys as a unity of real and potential slaveowners.

The Babylonian *isqu* (GIŠ.ŠUB.BA) which the author typologically compares with the polys distributions, had a meaning of „a share“, „a lot“ and was a kind of natural income for the performance of certain cultic functions.

Up to the Neo-Babylonian period the share of the contracts with income is not large in the whole amount of preserved private documents.

A radical change is traced in the Hellenistic period. By that time the contracts with income begin to form about 1/3 of the whole mass of documents. An alienation of income is widely practised and mostly in very small shares, up to 1/56 part of a day's income per month. In these conditions as the transfer of the corresponding duties was obviously impossible, it became apparently fictive.

Thus *isqu* becomes a delivery which in the author's opinion is functionally adequate to the polys deliveries though alien to them by its origin.

V. N. KHACHATRYAN

SOME QUESTIONS RELATING TO THE PERIODIZATION OF THE HITTITE KINGDOM

According to Egyptian data Hittites invaded Egypt in the 36th year of Amenhotep III, i. e. in 1377 B. C. On the other hand Hittite texts testify that Suppiluliuma, the contemporary of Amenhotep III, was at war with Egypt during the 21st year of his reign. Thus Suppiluliuma came to the throne in 1397 B. C.

Hittite texts report, that Suppiluliuma began a new campaign against Egypt in 1349 B.C., the year of Tutankhamon's death, but did not succeed because of the outburst of cholera which appeared in the country of Hatti among the Egyptian captives. Suppiluliuma was one of the victims of that disease as well as his successor Arnuvanda II who did not outlive his father for a long time. Mursili III began his reign by making sacrifices in order to put an end to the epidemy which lasted already two years and was the reason of

his father's and brother's death. Consequently Arnuvanda II ruled in between the reigns of Suppiluliuma and Mursili II, i. e. during 1348—1347 B. C.

The next war between Egypt and the Hittite kingdom began in 1317 B. C. in the first year of the Pharaoh Seti I. And though the war was led by Mursili II, a treaty was concluded a year later between Seti I and Muwatalli. Hence the latter was throned already in 1316 B. C.

Egyptian sources state that Hattusili III as soon as he was enthroned tried to establish peace with Ramses II, that's why he sent his messengers to Egypt at the very beginning of his reign. As the Hittite messengers appeared in Egypt in the 21st year of Ramses II's reign (1281 B. C.), this datum can be considered the initial year of Hattusili III.

According to information given by Hattusili III in his „Autobiography“ his predecessor, Urhi-Tešub, ruled during seven years, i. e. during 1287—1281 B. C.—after Muwatalli II and before Hattusili III.

Tudhalia IV came to the throne long before 1344 B. C. The latter calls himself „King of Hatti“ in his letter sent to Egypt in 1233 B. C. The next letter dating 1232 B. C. was written already by Arnuvanda III, son of Tudhalia IV.

ANAHIT B. ARAKELIAN

THE TERM É-ḪILAMMAR OF THE HITTITE TEXTS

The hittite term É-ḫilammar is translated as a „Gate-building“. In order to reveal the meaning of the term, its role and relation with other buildings denoted by this term, a number of Hittite texts are studied. The investigation of the cuneiform texts allows to arrive at the following conclusion: the building É-ḫilammar is very characteristic of the Hittite architecture. Many buildings, such as palaces, temples, „Stone Houses“, private houses, É-ḫalentuwa etc. had their own ḫilammar which seems to have been a hall with two pylons and three passages giving access to the building.

ЛУВИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Общепринято считать, что в армянском языке существует известное число хеттских словарных заимствований. Однако такое предположение влечет за собой необходимость постановки некоторых концептуальных проблем. В действительности ясно только, что эти заимствования из какого-то языка хетто-анатолийской группы; но если это в самом деле заимствования из собственно хеттского, то как их можно оправдать исторически и географически? Если это хеттские слова, то ясно, что они должны были попасть в армянский до хеттской катастрофы, происшедшей около 1190 г. до н. э.; так как они не участвуют в армянском передвижении согласных, то завершение последнего пришлось бы датировать не позже конца XIII в. до н. э., что странно.

Кроме того, у нас нет данных о длительном обитании протоармянских племен на собственно хеттской языковой территории. Согласно господствующему мнению, армяне впервые обосновались в юго-восточной Анатолии вокруг района оз. Ван и в позднейшей Киликии. Между тем, именно на этой территории жили лувийцы как во II-м, так и в I-м тысячелетии до н. э.

Лувийцы делились на две группы—западную, лучше всего представленную письменным ликийским языком, и восточную; во II—начале I тысячелетия до н. э. восточно-лувийский письменно представлен двумя диалектами—клинописным лувийским (КЛ) и иероглифическим лувийским (ИЛ), неправильно называемым также иероглифическим хеттским. Топонимика и ономастика лувонидного типа сохранялась в Киликии в течение ахеменидского периода и позже.

Для того, чтобы установить, представляют ли собой в армянском хетто-анатолийские заимствования собственно хеттский или лувийский материал, необходимо выяснить, в чем заключаются такие различия между этими языками, которые могли бы сохраниться и быть выявленными в позднейшем армянском.

Различия эти (если не считать грамматической флексии, которая, в связи с характером истории армянского языка, не могла

отразиться в заимствованиях) невелики и сводятся, в основном, к следующему: (1) хетт. e/i=лув. чаще всего a, хетт. šī- часто=лув. tī-, хетт. d=лув. иногда l-; лувийский чаще сохраняет начальный ларингал h-, но (во всяком случае графически) не удваивает его в медиальной позиции. Имеются некоторые, в целом незначительные словарные расхождения.

Далее, различия между КЛ и ИЛ еще менее значительны: в ИЛ [a] еще чаще соответствует хеттскому [e/i], чем в КЛ; в графике ИЛ опускаются носовые согласные. Но особенно важное различие заключается в том, что только в ИЛ и.-е.*k'→s'-. К сожалению, нам известно с достаточно достоверным значением всего около 300 КЛ и 120 ИЛ слов. Но отсюда следует, что если имеется схождение между армянским и собственно хеттским словом, то оно не обязательно в самом деле хеттского происхождения; это может просто означать, что, при сходстве хеттского и лувийского словарных составов, данное слово еще не обнаружено в лувийском, откуда оно и могло попасть в армянский.

Критерием исходного диалекта для заимствований могут служить такие армянские слова, которые достоверно представляют собой хетто-анатолийское заимствование и в то же время сохраняют фонетические черты, отличающие КЛ от ИЛ, и лувийский в целом—от хеттского, или наоборот. Такими словами пригодными для установления диалекта, из которого произошло заимствование, автор считает:

Арм. *torr* „лоза“ < *tōrs- < ИЛ *tuwarsa-* „виноград“ (растение), „лоза“; арм. *dop'el* „ударять“ < ИЛ *tupī*, КЛ *dup(a)ī* то же; арм. *šup* „собака“ < ИЛ *šuwana-* то же (это армянское слово не может быть возведено непосредственно к и.-е. *k'uon, так как ожидалось бы не *š a s; вариант с *k'w- должен был бы по-армянски дать *sk-*; при этом *k'- не переходит в š- ни в хеттском, ни в КЛ, и только в ИЛ есть вторичный переход и.-е. *k'u- через палатализованное *k'yu->šy; указываются параллели в других языках); арм. *ēš* „осел“, род. п. *išu-* < ИЛ *ašu(wa)-* „лошадь“ (ē автор объясняет диалектной вариацией a//ē, засвидетельствованной для ряда хетто-анатолийских языков); арм. *vaš* „хорошо, bravo“ < ИЛ *wasu*, КЛ *wašu*, палайск. *wašu* „хо-

рошо, привет!" (данное слово не может восходить к хеттскому, где имеем только склоняемое aššu(-) „хороший, хорошо“); арм. араіні „будущее“ <КЛ arparanti то же (но в ИЛ араšawati „будущем“).

Следует также отметить тенденцию к вытеснению других тематических основ основами на -i в ИЛ (хотя есть и обратные случаи: -i в КЛ, -a в ИЛ) и соответственное преобладание основ на -i в армянских словах хетто-анатолийского происхождения (впрочем, и собственно армянский материал обладает сходной тенденцией).

Если следовать гипотезе Я. Пухвеля о родстве между хетт. šeḥur «моча» и КЛ dūr то же, а также предположению о хетто-анатолийском происхождении арм. šeṛ (<*šēṛ) с тем же значением, то это слово не может происходить из лувийского, где, в отличие от хеттского, не было перехода н. -e *t > š[s].

В целом представляется вероятным, что большинство хетто-анатолийских заимствований в армянском происходит преимущественно из лувийских диалектов, наиболее близких к ИЛ, но не обязательно из какого-либо одного диалекта, и не непременно соответствующего письменно засвидетельствованным формам лувийского.

JEFFREY J. KLEIN

URARTIAN HIEROGLYPHIC INSCRIPTIONS FROM ALTİNTEPE

New discoveries from the citadel of Altintepe, near Erzincan in eastern Turkey illustrate for the first time the use of a syllabic hieroglyphic script to record the Uartian language and provide some important data for both Hittite and Uartian phonology. Inscriptions on large storage vessels note the contents in the usual Uartian measures, but written with Hittite hieroglyphic signs. The correspondences are: Altintepe *á-há+r-ku* for cuneiform *a-qar-qi* and both *tu-ru-za/tu+ra-za* for *té-ru-si*, which confirms the reading *zi/za* (Bossert) for the pair of signs normally transcribed *si/i* (Laroche nos. 376—7). A re-examination of the evidence for the

measures themselves results in a much lower estimate of their values than is usually accepted: 1 *aqarqi*=10 *terusi*=ca. 100 liters.

The hieroglyphic inscriptions on bronzes from an Altintepe tomb discovered in 1938 are also discussed and tentatively interpreted as Urartian. The old reading of one by Steinherr as Urikki, the King of Que, is certainly to be discarded.

All these texts probably date to the first half of the 8th century B. C. and are so far completely isolated in Urartu. There is no evidence that they reflect any long or widespread use of the Hittite hieroglyphic syllabary outside of Altintepe.

Appended to the paper are a few comments by I. M. Diakonoff, who reads № 9 as '-á-wí PALACE 2 tu „for the palace, 2 *terusi*“.

NICHOLAI HAROUTHIOUNIAN

ON THE INTERPRETATION OF THE URARTIAN INSCRIPTION IN HAĞI

The inscription of Argišti II found in Hağı (near Arçes on the northern shore of Lake Van) is one of the more important of the inscriptions in Urartian. In spite of a number of publications by Soviet and foreign experts, in details it still needs elaboration of the readings and interpretation.

1. The valedictory formula

In l. 5 of the obverse, instead of *ma-ni-ni* ^DHal-di-[ni be-di-ni] (M. de Tseretheli, G. A. Melikišvili) or *ma-ni-ni* ^DHal-di [bi-di-ni] we propose to read *ma-ni-ni* ^DHal-di-[ni bi-di] as in the well known Karmir-blur inscription of Rusa II.

Ll. 6—7 are to be read 'Ar-giš-ti-[i-e] 'Ru-sa-a-ḫi-ni-[i-e] (in the dative).

In l. 8 instead of *a-ru-ú-še-e ku-[ú-i/e]* (M. de Tseretheli), or *a-ru-ú-še-e ku-[ú-i]* (G. A. Melikišvili), or *a-ru-ú-še-e e-ku-ú-še* (F. W. Kōnig) read *a-ru-ú-še e-ku-[ri?]-še*. The word *e-ku-ri-e* is known from one of the Karmir-blur documents. I. M. Diakonoff proposes at present to read it *e-qù-re-e* (eqərə) and connects it with Hurr. eḫli „free, liberated“; *equriše* would then mean „freedom“.

Ll. 9–10 can be easily read as iš-pu-i-še ul-g[u-ú-še] pi-šu-ú-še al-su-[še]. More doubt is caused by the reading of l. 11: e-ia ar-tú-m[e DINGIR^{MES}-še] (M. de Tseretheli), e-ia ar-tú-m[e DINGIR^{MES}] (G. A. Melikišvili), e-ia ar-di-[i-še] (F. W. König). The traces of the signs favour only the latter reading. However, e-ia as a variant reading for the conjunction e-'a „and also“ is out of place in the middle of a list of abstract boons (two more follow below). I. M. Diakonoff denies the existence of a conjunction *eia or e'a and suggests a conjunction e'i and a verb *e(i)jar-; thus a verbal noun e-ia-ar-di-[i-še] could be read in l. 11.

Thus read (5) ma-ni-ni ^DHal-di-[ni bi-di] (6) ¹Ar-giš-ti-[i-e] (7) ¹Ru-sa-a-ḫi-ni-[i-e] (8) a-ru-ú-še e-ku/qù-[ri?]-še (9) iš-pu-i-še ul-g[u-ú-še] (10) pi-šu-ú-še al-su-[še] (11) e-ia-ar-di-[i-še] (12) ar-a-ni uš-ma-a-še „let (there) be from Ḫaldi for Argišti son of Rusa a gift (or boon), freedom(?), happiness(?) life, joy, greatness, victory, strength“.

2. Two misinterpreted words: *eue* ^{LÚ}ipšušē.

L. 33 of the obverse of the inscription has been read e-ú-e AMÉLURĒ'Ū šú-ú-[ki] (M. de Tseretheli), e-ú-e ^{LÚ}[SI]PAD šú-ú-[...] (G. A. Melikišvili), e-ú-e ^{LÚ}ip-šú-ú-e (F. W. König). The word AMÉLURĒ'Ū = ^{LÚ}[SI]PAD is translated by de Tseretheli and Melikišvili as „shepherd“ (in the sense of „ruler“), while F. W. König translates ^{LÚ}ipšue as „(meinen) Helfern“. These scholars have failed to note the parallelism of the text from Haḡi and a fragment of the duplicate of the Annals of Sarduri II.

Inscription from Haḡi: ... ¹Ar-giš-[ti-še] ¹Ru-sa-a-ḫi-ni-[še] ^DHal-di-ni-še ^{LÚ}ĒR-še [a-li] ^DHal-di-ni-ni uš-ma-[ši-ni] EN-si-ni-ni ... a-lu-uš-me LUGÁL-tú-ḫi tar-a-g[i] a-ru-ni na-ḫa-a-d[i] LUGÁL-tú-ḫi-ni-na-a ^{GIŠ}GU.ZA-[a?] ... uš-ḫa-nu-me ^DHal-di-še EN-[še ḫ]u-ḫu-tú-ú-ḫi gu-nu-ú-[še] e-ú-e ^{LÚ}ip-šú-ú-[...]

Annals of Sarduri: ... ^{ID}Sar₃-du-[ri-še] ¹Ar-giš]-ti-e-ḫi-ni-še a-li-e i-[ú ^DHal-di-i]š-me LUGÁL-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-a-di [^{LÚ}AD-ni] e-si-i LUGÁL-tú-ḫi-ni ^DHal-di-i[š-me uš-ḫa]-nu-ú-ni ḫu-ḫu-tú-ḫi e-'a gu-[nu-še-e] e-'a ip-šú-ú-še-e...

The parallelism of the expressions *alu-š-me LUGÁL-tuḫi... aruni* || *DḪaldi-š-me LUGÁL-tuḫi-ni-na-a* ^{G1Š}GU.ZA-[a] || *naḫa-di [LÚAD-ni]* *esi LUGÁL-tuḫi-ni; ušḫanu-me DḪaldi-še ... ḫuṭu-tuḫi gunu[še]* ^{LÚ}ipšu[...] || *DḪaldi-š-me ušḫanu-ni ḫuṭu-tuḫi e'a gu[nu-še]* *e'a ipšuše.*

It follows that *eue* is a variant of the conjunction *e'a=ea!*; the alternation of non-syllabic *u* and *'* is already known in Urartian. The last word in the inscription of *Haḡi* is to be read as an abstract noun *ipšu[še]*; the absence of the determinative ^{LÚ} is irrelevant. The word (^{LÚ})*ipšuše* is to be connected with the verb *ipša-dulie/ /ipšadulini* in the *Keşiş-göl* inscription of *Rusa II* (root **ipš-*). In the above texts the god *Ḫaldi* grants *ipšuše* to the king while in the *Keşiş-göl* inscription it is the waters of the *Alaini* river, the artificial lake of *Rusa* (¹*Rusal šue*) and the canal based on them (*PA₅*) which *ipša-dulie* to the city of *Rusaḫnili*. Therefore we suggest the meaning „well-doer„ for *ipšuše*, and „to bring well-being“ for *ipša-d-u*.

3. *Aliala*: an unknown city.

Ll. 18—19 of the reverse of the inscription from *Haḡi* has been read (¹*Ar-giš-ti-še a-li*) *ME^{PI} NĀRU* *KA-a-li-[i]-al-a-m[u]* by M. de Tseretheli, ... *A[ME]Š (?) ÍD URU(?)a(?)-la(?)-[...]* *al a [...]* by G. A. Melikišvili, ... *a-l[i]* ¹*DKA-a-la-[...]-al(?)-a-ni* by F. W. König and ... *A[ME]Š ÍD URUA-l[i-a]-ka-a-[i]* by O. O. Karagyozyan. A collation from a paper squeeze and a photograph which we used shows that instead of *MEŠ* we should read *DIDL*, and certainly *URU* instead of *KA* after *ÍD*. The text after *URU* is *a-l[i]-al(!)-a-x*; the last sign is very uncertain but from the context probably to be read *-e(?)*.

The reading we suggest is thus (18) ¹*Ar-giš-ti-še a-li A^{DIDL}* (19) *ÍD URUA-l[i]-al-a-Iel(?)*. Apparently the river was called after the city, *Aliala*. In the context an artificial lake (*šue asuaḫina*) and an irrigation canal (*PA₅=urart. pili*) are mentioned, and it seems that the inscription concerns a whole irrigation net which comprised not only the city *Aliala* but also the regions of *Ḳuriaka* and

Artarapša and a city Argištejineli (not to be confused with the well known Argištihinili, modern Armavir on the Araxes). The places in question are to be sought north of lake Van, in the regions around Arçes.

D. N. SARKISIAN

ON THE CAUSES OF ESARHADDON'S ŠUBRIAN CAMPAIGN

The campaign of Esarhaddon against Šubria in 673 B. C. has often been considered as an action directed towards finding certain discontented elements of the Assyrian population who had fled to that mountainous country. It has also been suggested, that Esarhaddon's brothers who had killed their father Senacherib in 681, had found asylum in Šubria, a fact that might have given Esarhaddon an additional stimulus for his Šubrian campaign.

Based on cuneiform sources, more especially on the report of Esarhaddon to the god Aššur relative to the campaign in question, the author tries to show that the question of the fugitives was only a pretext for the beginning of hostilities by Esarhaddon, long cherished by the Assyrian kings, while his main goal was to appropriate Šubria as a rich and strategically important land, the campaign being carefully planned beforehand.

ANAHIT A. MARTIROSSIAN

THE PROPERTY OF THE HOUSE OF EGIBI (555—522 B. C.)

The documents of the Neo-Babylonian private archive of the House of Egibi though studied by different scholars have never been completely published. The main interest was attracted to the family relations of the Egibi House and very little attention was paid to the questions concerning the amount of their property and the methods of exploiting it. This article deals with the activities of Itti-Marduk-balaštu who is mentioned in more than 270 documents dating from 555 to 522 B. C. The practice of Itti-Marduk-balaštu is of interest, because while his being the chief of the business house, the

273

property of it had increased almost twice in comparison with the amount of the property of his predecessor. This was the most stable and thriving period of the House of Egibi, when it had reached its maximal prosperity and acquired a leading position among the other Neo-Babylonian business houses.

Itti-Marduk-balāṭu began his practice as money-lender when his father was still alive. It seems worthwhile to note that during the period in question not only the chief of the House and his eldest son were active, but also the slaves who had enough property to lend it. Preserving the main methods of his forerunners (lending of money and products, organization of the trading societies, lease of the slaves, selling and buying the property) Itti-Marduk-balāṭu began to invest in the lease of houses and plots of land, which became a precedent for the activities of his successor.

The author has tried to determine the number of the houses and plots of land belonging to the principal branch of the Egibi as well as to describe the amount of the profits which the Egibi got from their various activities. She attempts to show how property was inherited in the family, and to determine the social base for the origin and the development of the houses of the Egibi type in Late Babylonia.

NINEL JANKOWSKA

THE „OLD PALACE“ AND THE *DIMTU* OF THE POTTERS IN ARRAPHĀ

(A Contribution to the History of Communal Economy)

Tell al-Faḥḥār is the third site in the state of Arrapha (15—14 centuries B. C.) to be excavated. At first it was erroneously identified as Ari, a town in the environments of Nuza from which this tell lies too far (35 km). Al-Khalesi accepts the suggestion of an identification with Kuruḥanni, a village mentioned in the documents found at Tell al-Faḥḥār. But the author of a letter orders the local authorities to arrest a certain person at Kuruḥanni. As I. M.

Diakonoff correctly points out, this means precisely that Tell al-Fahhār was not Kuruḫanni, because the local authorities would not need a reminder of how their own town was called: obviously, they were being ordered to arrest the person in question at some neighbouring place. Note that Kuruḫanni is never mentioned in the Nuza and Kirkuk archives, and thus must have been a quite unimportant place.

Tell al-Fahhār (which means 'Mount of the Potter') was a walled and towered building complex of considerable importance. It was certainly a *dimtu*, but not a *dimtu* of the military post type¹. It belonged to the type of inhabited towers (or groups of towers) well known in the Caucasus and in the other mountain or foothill regions the world over (cf. Djandieri and Ležava); this kind of towers was usually connected with an *ālu* (township or village). The tower itself should be reconstructed as many-storied, in which case its population must have counted about 200 people (like the other typical *dimātu* whose population is known, e. g. Šelwiḫe). It is true that an archive of 500 documents (the number hitherto announced as discovered) seems too big for a normal *dimtu* even of that dimension; however, we must await their publication.

A '*dimtu* of potters' (AN.ZA.GĀR *paḫḫari-we, paḫḫar-ašše*) is well known from the documents of Nuza: it was here that Sausadattar, the king of Mitanni, ordered IḫiTešub son of KibiTešub, king of Arrapha, to make an allotment to Uge from the land of the queen Amminaia (probably Mitannian), the mother (not wife, cf. E. Cassin!) of the prince ḪišmiTešub²; after her the lands continued to be in the hands of the royal princes. Their original resi-

¹ Such *dimātu* could not be objects of pseudo-adoptions and other types of transfer of immovables. They were at the disposal of the surrounding villages as a place of refuge in case of war and the inhabitants of the villages swore allegiance of the lord of the *dimtu*.

² ḪišmiTešub (whose wife was Tilunnaia) was for some time allotted a part in the Palace of Nuza itself, but later the princes settled on Tell A outside of it. The princes—and the king—had at different sites their own *dimātu* which were their actual property, while the 'palaces' were political and economic centers owned and administrated by the community of Arrapha as a whole,

dence, which thus stood in some connection with the 'dimtu of potters', was known in Nuza as the Old Palace, and may probably be identified with the big building unearthed at Tell al-Fahḡār; however, only further publications and prosopographic studies may settle the question finally.

J. P. WEINBERG

MATERIALS FOR THE STUDY OF NEAR EASTERN HISTORIOGRAPHY

(„Canonic“ prophecies in the Book of Chronicles)

The article deals with the problem of the Chronicler's attitude to the prophetic tradition. The Chronicler mentions various prophets in the „closing references“ (CR) and both mentions and quotes them in the „intratextual references“ (IR). The prophets and prophecies referred to and quoted in the IR can be subdivided into two groups: the „extracanonical“ prophetic tradition, which occurs only in I--II Chr., and the „canonical“ tradition, which is parallel both in the Chronicler's work in Dtr. The subject of this article is the „canonical“ prophetic tradition.

The Chronicler's attitude to the prophetic tradition is a discriminating one: he prefers those prophets, who had belonged to the circles of the Judaean aristocracy and priesthood, had been connected with the court and temple in Jerusalem or with some sanctuaries in the Benjaminite-Ephraimite borderland; the Chronicler excludes those „canonical“ prophets, whose pronouncements contradict his historical conception or whose activity and prophecies include structural elements—such as connection with the sanctuaries in Bethel and Jericho, with the „sons of prophets“, magic a. c., which are unacceptable to him.

The comparative study of the „canonical“ prophecies on the linguistic and semantic levels proves that the Chronicler preserves the integrity of the quoted pronouncements, but introduces alterations and modifications which correspond to the phenomena and terminology of postexilic socio-political reality and religious ideology, as well as his own phraseology and that of his environment and time.

TRACES OF AN ANCIENT ARABIC RITUAL IN JOB 1, 4—5 (?)

Certain Edomite references in the Book of Job (such as Edomite proper names, names of plants etc.) have been long pointed out as confirming possible Edomite origin of the book itself. The present article argues that the story of Job 1, 4—5, might contain a description of a ritual of South-West Semitic tribes, quite unfamiliar to the Jewish environment of the time.

In fact, the passage witnesses of the survival of an old ritual, consisting of regular orgiastic feasts, where only brothers and sisters took part, and which were followed by purifying rituals and expiatory sacrifices performed by their father.

This might be interpreted as an ancient ritual recurring incestual marriages, the ritual being performed at a time, when such marriages were prohibited. Incestual marriages were strictly condemned long before not only among Jews (cf. Lev. 18, 6—18; Dtn 27, 20, 22, 23 etc.) but among the most part of the Arab tribes, too. However, incestual marriages among certain South Arabian and Bedouin tribes were witnessed by Strabo (Geography, XVI, 4, 25), and later by Yaquf (4, 620 ed. Wüstenfeld).

As to the end of 1, 5: „It may be that my sons have sinned and cursed God in their hearts“, this may have been interpolated by the Jewish editor puzzled by the story.

Since the following passage 1, 6—12 introducing Satan is considered to be an interpolation, the story of the festivals may be interpreted as the original prologue to the book, explaining one of the greatest of Job's sorrows—the loss of his children all collected in the same house.

Thus, if the suggested interpretation of Job 1, 4—5 is permissible, then we have one more argument for the non-Jewish origin of the Book of Job.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- авар.—аварский язык (с.-в.-к.)
АВИИУ—И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 2, 3, 4.
агул.—агульский язык (с.-в.-к., лезгинской группы)
анд.—андийский язык (с.-в.-к., аваро-андо-цезской группы)
арм.—армянский язык
арчин.—арчинский язык (с.-в.-к., близкий к лезгинской группе)
ахвах.—ахвахский язык (с.-в.-к., андийской подгруппы)
багул.—багулальский язык (с.-в.-к., андийской подгруппы)
бацб.—бацбийский язык (с.-в.-к., вейнахской группы)
бежт.—бежтинский язык (с.-в.-к., аваро-андо-цезской группы)
ботл.—ботлихский язык (с.-в.-к., андийской подгруппы)
будух.—будухский язык (с.-в.-к., шахдагской подгруппы, близкой к лезгинским)
ВДИ—Вестник древней истории
вейнах.—вейнахские языки (группа с.-в.-к.)
гинух.—гинухский язык (с.-в.-к., аваро-андо-цезской группы)
годоб.—годоберинский язык (с.-в.-к., андийской подгруппы)
греч.—греческий язык
гунз.—гунзибский язык (с.-в.-к., аваро-андо-цезской группы)
дарг.—даргинский язык (с.-в.-к., даргинско-лакской группы)
ЗСУ—Н. В. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, Ереван, 1964.
п. е.—общий индоевропейский праязык
ингуш.—ингушский язык (с.-в.-к., вейнахской группы)
карат.—каратинский (с.-в.-к., андийской подгруппы)
крыз.—крызский язык (с.-в.-к., шахдагской подгруппы, близкий к лезгинским)
лак.—лакский язык (с.-в.-к., даргинско-лакской группы)
лат.—латинский язык
лезг.—лезгинский (кюринский) язык (с.-в.-к., лезгинской группы)
НУН—Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, Ереван, 1966
ПАН—И. М. Дьяконов, Предыстория Армянского народа, Ереван, 1968
ПСб—Палестинский сборник
рутул.—рутульский язык (с.-в.-к., лезгинской группы)

СА—Советская Археология

- с.-в.-к.—северо-восточно-кавказский язык; северо-восточно-кавказская языковая семья; общий северо-восточно-кавказский праязык
табас.—табасаранский язык (с.-в.-к., близкий к лезгинской группе)
тинд.—тиндинский язык (с.-в.-к., андийской подгруппы)
уд.—удинский язык (с.-в.-к., близок к шахдагским и лезгинским)
УКН—Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960
УПД—И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.—Л., 1963
фриг.—фригийский язык
хварш.—хваршинский язык (с.-в.-к., аваро-андо-цезской группы)
хиналуг.—хиналугский язык (с.-в.-к., шахдагской подгруппы, близкий к лезгинским)

хурр.—хурритский язык

цахур.—цахурский язык (с.-в.-к., лезгинской группы)

цез.—цезский (дидойский) язык (с.-в.-к., аваро-андо-цезской группы)

чамал.—чамалинский язык (с.-в.-к., андийской подгруппы)

чеч.—чеченский язык (с.-в.-к., вейнахской группы)

ЭВ—Эпиграфика Востока

ААН—E. Cassin, J. J. Glassner, *Anthroponymie et Anthropologie de Nuzi, Malibu, 1977.*

ABL—R. F. Harper, *Assyrian and Babylonian Letters, London and Chicago, 1892—1916*

ADD—C. H. W. Johns, *Assyrian Deeds and Documents, Cambridge, 1898—1923*

AiO—Archiv für Orientforschung

AHw—W. von Soden, *Akkadisches Handwörterbuch, Wiesbaden, 1959*

АКА—E. A. W. Budge and L. W. King, *The Annals of the Kings of Assyria, I, London, 1902*

ANET—J. Pritchard (ed.), *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament (2nd ed., Princeton, 1955)*

AOB—Altorientalische Bibliothek

AoF—Altorientalische Forschungen, Berlin

APN—K. Tallqvist, *Assyrian Personal Names, Helsingfors, 1914*

ARAB—D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*

ARE—H. Breasted, *Ancient Records of Egypt, Leipzig, 1903*

ARM—Archives Royales de Mari

ArOr—Archiv Orientalni

AS—Anatolian Studies

BASOR—Bulletin of the American Schools of Oriental Research

BBR—bymy byt r'swn, 1961

BE—Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, Series A: Cuneiform Texts

BoTU—E. Forrer, *Die Boghazköi-Texte in Umschrift, Band, 2, Leipzig, 1926*

CAD—The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, Chicago, 1956—1968

- CAH—The Cambridge Ancient History, Cambridge—London
 Camb.—J. N. Strassmaier, Inschriften von Cambyses. König von Babylon, Leipzig, 1890
- CICh—Corpus Inscriptionum Chaldicarum, I—II, Berlin und Leipzig, 1928—1935
- CNB I—II—G. Contenau, Contrats Néo-Babyloniens, I: De Teglati-phalasar III à Nabonide, 1927; II: Achemenides et Seleucides
- Cyr.—J. N., Strassmaier, Inschriften von Kyrus, König von Babylon, Leipzig, 1890,
 Dar.—J. N. Strassmaier, Inschriften von Darius, König von Babylon, Leipzig, 1892
- Deeds—H. G. Güterbock, The Deeds of Suppiluliuma told by his son Mursili II
 JCS, 10 (1956), 28—36
- Demuth—L. Demuth, Fünfzig Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit des Königs Kyrus, BA, III, 1898
- EA—J. A. Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln, Leipzig, 1907—1915, S. A. B. Mercer, Tell El-Amarna Tablets, Toronto, 1939
- EEA—S. Moscati, Epigrafia ebraica antica, 1935—1950, Roma, 1951
- FWE—Festschrift für Wilhelm Eilers
- GA—H. Breasted, Geschichte Aegyptens, Leipzig, 1935
- GSAT—M. Noth, Gesammelte Studien zum Alten Testament, München, 1960
- H—Harvard Semitic Series, Cambridge, 1942
- Handbuch, HChI—F. W. König, Handbuch der Chaldischen Inschriften, I—II, Graz, 1955—1957
- HMWMJ—J. Liver, ḫḫry miḫr' wmgltw mdr ylhwdh, 1971
- HOr—Handbuch der Orientalistik
- HU—I. M. Diakonoff, Hurrisch und Urartäisch, München, 1972
- HUCA—Hebrew Union College Annual
- IAAM—H. and H. A. Frankfort, Intellectual Adventure of Ancient Man, Chicago, 1946
- IACA—R. Borger, Die Inschriften Asarhaddons, König von Assyrien, Graz, 1956
- IAP—D. Diringer, Le Iscrizioni antico-ebraiche Palestinesi, Firenze, 1934.
- IBoT—Istanbul Arkeoloji Müselerinde bulunan Bogazköy Tabletlerinden Seçme Metinler
- IEJ—Israel Exploration Journal
- IH—E. A. Speiser, Introduction to Hurrian, New Haven, 1941
- I. Lach.—Lachish I (Tell ed-Duweir). The Lachish Letters. H. Torczyner и др., London—New York—Toronto, 1938
- ITN—E. Weidner, Die Inschriften Tukulti-Ninurtas I und seiner Nachfolger, AfO, Beiheft 12
- JAOS—Journal of the American Oriental Society (Boston, Mass.)
- JEN—Joint Expedition with the Iraq Museum at Nuzi, vol. V by Ed. Chiera, Philadelphia, 1934
- JESHO—Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden
- JCS—Journal of Cuneiform Studies, New Haven

- JNES—Journal of Near Eastern Studies
 JW—yhw dh wyrwšlm, 1957
 KAH, I—L. Messerschmidt, Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. I, Leipzig, 1922
 KAV—Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts
 KBo—Keilschrifttexte aus Boghazköi
 KS—O. Eissfeldt, Kleine Schriften, I—III, Tübingen, 1962—1936
 KUB—Keilschrifturkunden aus Boghazköi
 L. (aroche)—Laroche, E., *Les Hiéroglyphes Hittites*, tome 1er, Paris, 1961
 LAS—S. Parpola, Letters from Assyrian Scholars I (=AOAT 5/1, Neukirchen, 1970)
 Liv—G. N. Strassmaier, Die Babylonischen Inschriften im Museum zu Liverpool, - „Actes du 6e Congrès International des Orientalistes“, Leiden, 1885
 LNB—E. Szlechter, Les Lois Néo-Babyloniennes, Revue Internationale de Droit des Antiquités, tt. XVIII—XIX, 1971—1972
 MDOG—Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
 M. (eriggi)—Meriggi, P., *Hiéroglyphisch-hethitisches Glossar*, zweite Auflage (Wiesbaden, 1962)
 MIWA—J. Klausner, mḫkrym ḥššym wmkwrwt 'tykym, 1957
 MIO—Mitteilungen des Instituts für Orientforschung
 Mold. I—II.—A. B. Moldenke, Cuneiform Texts in the Metropolitan Museum of Art, pt. I and II, New-York, 1893
 MS—The Myth of the State, Stockholm, 1972.
 MVÄG—Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft
 Nbd.—J. N. Strassmaier, Inschriften von Nabonidus, König von Babylon, Leipzig, 1889
 Nbk.—J. N. Strassmaier, Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon, Leipzig, 1889
 NeThT—Nederlands Theologic Tijdschrift
 NRV—M. San-Nicoló,—A. Ungnad, Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden, Bd. I, Leipzig, 1929—1937.
 OS—Oudtestamentische Studien
 OTMS—The Old Testament and Modern Study, London, 1961
 PAR—E. Forrer, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, Leipzig, 1920
 PBS—University of Pennsylvania, The Museum, Publications of the Babylonian Section
 PDK—E. F. Weidner, Politische Dokumente aus Kleinasien, Leipzig, 1923
 PEQ—Palestine Exploration Quarterly
 PHLHB—prswmy hḥbrh lhkr hmkr' byšr'1
 R—H. Rawlinson (et al.), The Cuneiform Inscriptions of Western Asia, London, 1861—1891
 RA—Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale, Paris
 RE—Pauly-Wissowa, Real-Encyklopädie, 1931

- RLA—Reallexikon der Assyriologie I—II, Berlin und Leipzig, 1928—1935
RMA—R. C. Thompson, The Reports of the Magicians and Astrologers of Nineveh and Babylon, London, 1900
SAP—A. Kitchen, Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs, Liverpool, 1962
SCO—Studi Classici e Orientali
Sm.—J. N. Strassmaier, Inschriften von Nabopalassar und Smerdis, ZA, 1889
TCL—Texts Cunéiformes, Musée du Louvre, Paris, 1910
UVB—Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Uruk-Warka, Berlin, 1930
VAS—Vorderasiatische Schriftdenkmäler der königlichen Museen zu Berlin
VT—Vetus Testamentum
VuH—Verbannung und Heimkehr, Tübingen, 1961
ZA—Zeitschrift für Assyriologie
ZAW—Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft
ZDPV—Zeitschrift des deutschen Palästinavereins

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Г. М. Аветисян</i> , Хурриты на рубежах Малой Азии до установления могущества Митанни	5
<i>И. М. Дьяконов</i> (Ленинград), Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки	25
<i>М. Л. Хачикян</i> , Диалектное членение хурритского языка (кратная сводка)	39
<i>И. Т. Канева</i> (Ленинград), Из истории шумерской падежной системы (функции орудийно-отложительного падежа)	47
<i>В. А. Якобсон</i> (Ленинград), Представления о государстве в древней Месопотамии (к постановке вопроса)	55
<i>Л. М. Головлева</i> , Царство Алзи во второй половине II тыс. до н. э.	71
<i>Г. Х. Саркисян</i> , Цовольствие- <i>isqi</i> в городе поздней Вавилонии—аналог полисных раздач	88
<i>В. Н. Хачатрян</i> , Некоторые вопросы хронологии Хеттского царства	93
<i>А. Б. Аракелян</i> , <i>Nilamtag</i> по данным хеттских текстов	107
<i>Джон А. К. Греппин</i> (США), Лувийские элементы в армянском языке	115
<i>Джеффри Дж. Клейн</i> (США), Урартские неероглифические надписи из Алтынтепе	127
<i>И. М. Дьяконов</i> (Ленинград), Замечания к урартским неероглифическим надписям из Алтынтепе	150
<i>Н. В. Арутюнян</i> , К интерпретации урартской надписи из Хаги	153
<i>Д. Н. Саркисян</i> , О причинах похода 673 г. Асархаддона на Шубрию	168
<i>А. А. Мартиросян</i> , Хозяйство делового дома Эгиби в Вавилонии в 555—522 гг. до н. э.	179
<i>Иштван Боржак</i> (Венгрия), Возникновение и отголоски легенды о Семи-рамиде	212
<i>Н. Б. Янковская</i> (Ленинград), Старый дворец потомков Амминайи и DIMTU гончаров в Аррахе	218
<i>И. П. Вейнберг</i> (Даугавпилс), Материалы к изучению древнеближневосточной исторической мысли («Канонические» пророчества в книге Паралипоменон)	230
<i>А. А. Папазян</i> , Следы древнеарабского обычая в «Книге Иова»?	252
Summaries	257
Список сокращений	278

S U M M A R I E S

<i>И. М. Аветисян</i> , Hurrians at the outskirts of Asia Minor before the rise of the empire of Mitanni	259
<i>I. M. Diakonoff</i> , Hurrian-Urartian and Eastern Caucasian languages	260
<i>Margaret L. Khachikian</i> , Dialects in Hurrian	260
<i>I. T. Kaneva</i> , Some features of the history of the case system in Sumerian	261

<i>V. A. Jakobson</i> , The notion of state power in ancient Mesopotamia . . .	262
<i>L. M. Golovleva</i> , The kingdom of Alzi in the second half of the II Millennium B. C.	263
<i>G. Kh. Sarkisian</i> , Isqu income in the late-babylonian city as an analogue of the polys deliveries	264
<i>V. N. Khachatryan</i> , Some questions relating to the periodization of the Hittite kingdom	265
<i>Anahit B. Arakelian</i> , The term É-ḫilammar of the Hittite texts	266
<i>John A. C. Greppin</i> , Luwian elements in Armenian	267
<i>Jeffrey J. Klein</i> , Urartian hieroglyphic inscriptions from Altintepe . . .	269
<i>Nicholai Harouthiounian</i> , On the interpretation of the Urartian inscription in Hagi	270
<i>D. N. Sarkisian</i> , On the causes of Esarhaddon's Šubrian campaign . . .	272
<i>Anahit A. Martirosian</i> , The property of the house of Egibi (555—522 B. C.)	273
<i>Ninel Jankowska</i> , The „Old Palace“ and the DMTU of potters in Arrapha	274
<i>J. P. Weinberg</i> , Materials for the study of near eastern historiography („Canonic“ prophecies in the Book of Chronicles)	276
<i>A. H. Papazian</i> , Traces of an ancient Arabic ritual in Job 1—4—5 (?) . . .	277

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

3

Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения
АН Армянской ССР

Редактор издательства *Ж. В. Налчаджян*
Художник *Л. А. Сабоян*
Худож. редактор *Г. И. Горцакалян*
Технич. редактор *С. К. Закарян*
Корректор *И. Г. Анкарян*

ВФ 0344.

Изд. 4688.

Заказ 1369.

Тираж 1700.

Сдано в набор 06.12.1977 г. Подписано к печати 07.06.1978 г.
Печ. 17,75 л. Усл. печ. л. 16,5. Изд. 15,55 л. Бумага № 1 60×84¹/₁₆.
Цена 2 р. 40 к.

Издательство Академии наук Арм. ССР. 375019, Ереван, Барекамутиян, 24-г.
Типография Издательства АН Армянской ССР, Ереван, Барекамутиян 24.